

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»
Кафедра всеобщей истории

А.В. БЕЛОВА

**СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Учебник

для студентов бакалавриата и магистратуры

Тверь
2023

УДК 930.85-005.2(075.8)+316.346-005.2(075.8)

ББК ТЗ(0)0-7я73-1+С542.21-7я73-1

Б43

Текст подготовлен в рамках проекта РНФ «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века)» (№ 22-28-01428).

Автор:

Анна Валерьевна Белова – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Рецензенты:

Наталья Львовна Пушкарева – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Ордена Дружбы народов «Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук» (ИЭА РАН), Заслуженный деятель науки Российской Федерации, почётный профессор Тверского государственного университета, президент Российской ассоциации исследователей женской истории.

Татьяна Геннадьевна Леонтьева – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Б43 Белова А.В. Социальная антропология женской повседневности: учебник для студентов бакалавриата и магистратуры. Тверь: ТвГУ, 2023. 231 с.

ISBN 978-5-7609-1883-3

Первый вузовский учебник, посвященный теоретико-методологическим, историографическим, источниковедческим, методическим аспектам, предметной области и проблемному полю особой дисциплины в историко-этнологическом научном знании – социальной антропологии женской повседневности.

Учебник предназначен для студентов 4 курса очной формы обучения направления 46.03.01 «История» профиля «Социокультурная история» (уровень бакалавриата), изучающих дисциплину «Женщины в истории мировой культуры», и для студентов магистратуры очной формы обучения направления подготовки 46.04.01 «История» программы магистратуры «История этнокультурных и межконфессиональных отношений», осваивающих вклад женщин в этнологию и социальную антропологию.

Печатается по решению кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (протокол № 1 от 28.08.2023 г.) и Учёного Совета исторического факультета ФГБОУ ВО (протокол № 1 от 06.09.2023 г.).

На основании решения учебно-методического совета ТвГУ Рекомендован учебно-методическим советом ТвГУ (протокол заседания № 1 от 20.09.2023 г.) присвоить учебному изданию Беловой А.В. «Социальная антропология женской повседневности» гриф учебно-методического совета ТвГУ «Рекомендовано учебно-методическим советом ТвГУ».

УДК 930.85-005.2(075.8)+316.346-005.2(075.8)

ББК ТЗ(0)0-7я73-1+С542.21-7я73-1

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

© Белова А.В., 2023

ISBN 978-5-7609-1883-3

© Тверской государственной университет, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Тема I. Социальная антропология женской повседневности как предметная область историко-этнологических исследований	17
Тема II. Понятие «повседневность»: историческое содержание и культурные смыслы.	39
Тема III. Определение «женской повседневности» в контексте истории женщин, истории повседневности и социальной антропологии	58
Тема IV. Историография социальной антропологии женской повседневности: социально-исторический контекст возникновения	68
Тема V. Исторические источники по социальной антропологии женской повседневности	84
Тема VI. Методология и методы социальной антропологии женской повседневности	97
Тема VII. Экстремальный и травматический опыт женщин в изучении женской истории и социальной антропологии женской повседневности	106
Тема VIII. Женская социальная память как предмет изучения социальной антропологии женской повседневности	134
Тема IX. Социальная антропология женской повседневности середины XX века в контексте подхода новой биографической истории	147
Заключение	171
Библиографический список	175
Список трудов по истории женщин и социальной антропологии женской повседневности за 1998–2023 гг. доктора исторических наук, заведующей кафедрой всеобщей истории исторического факультета Тверского государственного университета Анны Валерьевны Беловой	181
Глоссарий	223

ВВЕДЕНИЕ

План

1. Цель, содержательная и концептуальная проблематика учебника.
2. Социальная антропология женской повседневности как предмет изучения дисциплины «Женщины в истории мировой культуры».
3. Актуальность этнологического и социально-антропологического исследования «возрастов жизни».
4. Структура учебника.
5. Об авторе учебника.
6. Ключевые понятия.
7. Вопросы для самопроверки.

□ Цель, содержательная и концептуальная проблематика учебника.

Данное учебное издание – первый вузовский учебник, посвященный теоретико-методологическим, историографическим, источниковедческим, методическим аспектам, предметной области и проблемному полю особой дисциплины в историко-этнологическом научном знании – социальной антропологии женской повседневности.

Цель – проблематизировать концепт «женская повседневность» через уточнение предмета, задач и подходов истории повседневности, прояснение понятия «повседневность» и его влияния на статус дисциплины, а также определение перспектив изучения женской повседневности для проекта антропологизированной чувствительной к категории пола социальной истории.

Чем женская повседневность отличалась от мужской? На основе анализа каких источников можно изучать проблемы женской повседневности? На какие преграды наталкивается исследование женской

повседневности? В чем причины маргинализации истории женской повседневности как научного направления? Каково значение этого направления в современном историко-этнологическом и культурологическом знании?

Ответы на эти вопросы предложены в учебнике в контексте анализа нескольких специальных проблем, из которых

– *первая* – проблема дефиниций «повседневность» и «женская повседневность» и в связи с этим теорий повседневной жизни/повседневности;

– *вторая* – собственно «история повседневности» как одно из направлений в историографии последней трети XX в. и ее интерес к женскому опыту;

– *третья* – проблема источников по истории женской повседневности, методологических подходов и методов их изучения;

– *четвертая* – проблемное поле социальной антропологии женской повседневности, включающее в себя экстремальные и травматические опыты женщин в условиях общественно-политических катаклизмов, запечатление их в автобиографической и социальной памяти, рефлексию, интроспекцию, самопознание, сопряженность индивидуальных и коллективных ценностных ориентаций в контексте конструирования нарративных идентичностей.

Особый акцент сделан на **социальной антропологии женской повседневности «короткого» XX в.** – эпизодах адаптации женщин к инокультурной среде при вынужденной эмиграции после большевистской революции, невооруженного противостояния женщин нацизму во время Второй мировой войны и тоталитарной диктатуры, выживания женщин в условиях Холокоста, завоевания женщинами нового общественного и высокого профессионального статуса в науке в контексте социальной

мобильности, женской эмансипации, мировоззрения социального оптимизма.

Социальная антропология женской повседневности середины XX века дает уникальные примеры того, как женщины были способны переломить невыигрышную, а зачастую безвыходную жизненную и общественную ситуацию; действовать и выживать в ней не «из роли жертвы», а «из позиции победителя», несмотря на отсутствие, казалось бы, видимых оснований и преимуществ; преодолевая себя и социальные ограничения, становиться «кем-то другим – самой собой» вопреки уготованным им сценариям.

Учебник предназначен для студентов 4 курса очной формы обучения направления 46.03.01 «История» профиля «Социокультурная история» (уровень бакалавриата), изучающих дисциплину «Женщины в истории мировой культуры». Одновременно он рассчитан и на студентов магистратуры очной формы обучения направления подготовки 46.04.01 «История» программы магистратуры «История этнокультурных и межконфессиональных отношений», осваивающих вклад женщин и женских исследований в этнологию и социальную антропологию.

Учебная дисциплина «Женщины в истории мировой культуры» систематизирует понимание обучающимися того, что действующими лицами социально-исторических процессов являются как мужчины, так и женщины. Женщинам принадлежит особая созидательная роль во всех сферах общественной жизни в разные исторические эпохи. Без представления о разнообразном вкладе женщин, населявших мир с древности до современности, невозможно в полной мере оценить весь творческий потенциал мировой культуры, опознать многомерность исторического прошлого.

Учебная дисциплина «Женщины в истории мировой культуры» связана методологически с рядом актуальных научных дисциплин, таких

как история женщин, женская история, этнология и социальная антропология женской повседневности.

□ **Социальная антропология женской повседневности как предмет изучения дисциплины «Женщины в истории мировой культуры».**

Изучение повседневной жизни женщин, динамики ее изменений, особенностей и содержания в прошлом и настоящем – **новое важное направление** современного исследовательского поиска. В нынешнем постиндустриальном обществе повседневная жизнь человека незаметно, но постоянно подвергается стандартизации, а это, в свою очередь, становится одним из каналов воздействия массовой культуры на сознание, манипуляции им. Реакцией на этот постмодернистский вызов, стремлением избежать подобного символического насилия объясняется усиление исследовательского поиска в отношении изучения повседневности в исторической и этнологической ретроспективе. Изучение повседневной жизни позволяет многое узнать о человеке. Это способствует более достоверному исследованию исторических процессов, обретающих контуры «живого», действительного, не схематизированного прошлого.

Учет многовариативного фактора пола и его влияние на содержание структур повседневного – **еще более новое направление в изучении обыденного в разные исторические эпохи.** Аналитическая работа над источниками с учетом воздействия этого фактора на процессы и явления позволяет понять то, как люди проводили свою жизнь изо дня в день, выявить различия в их социальном статусе, имущественном и правовом положении, уровне образованности и интеллектуальных запросов, степени религиозности, приверженности этнокультурным традициям, то есть

приблизиться к пониманию **основных параметров ежедневного бытия мужчин и женщин.**

Для системного анализа состояния любого общества необходима комплексная характеристика всех без исключения социальных слоев. В современной историографии особую эвристическую значимость имеет методологическое признание того, что повседневная жизнь представительниц и представителей различных социальных когорт являлась важной составляющей исторического процесса. В силу культурных или идеологических ограничений те или иные слои общества (как привилегированные, так и маргинальные), социальные группы, сообщества оказались менее исследованными в исторической, историографической и этнологической науках XX в.

Наряду с такими «забытыми» историографией социальными слоями вне предмета исторического изучения долгое время оставались **женщины, и как социальная группа, и как сообщества, их повседневность, ментальность, религиозность,** что делает неполной историко-этнологическую картину прошлого. Этнология женской части многих обществ в истории мировой культуры незаслуженно оставалась вне поля зрения специалистов еще и ввиду **непризнания за женщинами качественного вклада в созидание и трансляцию своеобразного этоса культуры** в период ее становления и расцвета. Причина этого – в сохранявшейся методологической установке на андроцентризм любой из исторически существовавших культур.

Содержание **повседневной жизни женщины** является темой, через которую мы понимаем **женскую личность определенной эпохи,** поскольку «повседневность» – это самое типичное, привычное, незамечаемое, ритуализованное, в конечном счете, – это **устойчивые стили жизни,** подлежащие, однако, в отличие от близкого по смыслу «быта», **субъективному переживанию и рефлексии.** Историко-

этнологическое знание о женской личности имеет важность сегодня не только ввиду повышения социально-политической и экономической роли женщин в современном мире, формирования стандартов гендерного равенства, но и ввиду необходимости нового постижения истории через исследование глубины и масштабности ее собственно «человеческого» измерения, через качественное проникновение в жизненные опыты конкретных, «живых» людей определенного пола, придающее историческим реконструкциям этнологическую достоверность.

В связи с этим особую актуальность в настоящее время имеет изучение повседневной жизни наиболее *репрезентативных представительниц женских сообществ в истории мировой культуры*, понимание того, что составляло их *повседневную жизнь, привычки, вкусы, предпочтения, мотивации*, чем именно они отличались от других. Важно усвоить, что **наличие различий между представительницами разных культур и сообществ не отменяет черт сходства между ними в том, что касается их антропологической сущности.** В этом заключаются важнейшие социально-антропологические механизмы преемственности в истории мировой культуры.

Поэтому целесообразным и эффективным становится изучение женской повседневности посредством анализа **структурообразующей категории возраста.** Именно возрастные особенности являлись важнейшим фактором организации и дифференциации повседневной жизни женщин, определяли их поведение и мировосприятие. С осознанием возрастной идентичности соотносились качественно различные антропологические опыты и последовательно сменявшие друг друга этапы жизненного цикла женщин. Изучение мира повседневности разновозрастных носительниц той или иной культуры позволяет реконструировать не только механизмы функционирования исконных пластов культуры, но и этнической, национальной, культурной традиции в

целом. **Тема социальной антропологии женской повседневности** интегрирует проблемный и методологический потенциал нескольких **актуальных в современной историографии научных направлений** – женских и гендерных исследований в этнологии, гендерной антропологии и истории повседневности, антропологически ориентированной истории, истории женщин и гендерной истории.

Социальная антропология женской повседневности нуждается в академическом изучении в рамках системы вузовского обучения, став предметом многочисленных специальных исследований в отечественной исторической и этнологической науке.

Антропологический ракурс женского бытия, а именно: специфические переживания, сопряженные с **трансформацией собственной телесности и эмоциональности** в периоды детства девочек, взросления девушек, зрелости женщин репродуктивного возраста, старения пожилых женщин, подлежит анализу на примере истории мировой культуры.

В ходе освоения дисциплины «Женщины в истории мировой культуры» предстоит ответить на **вопросы** о том,

- что представлял собой **жизненный цикл женщин в разных обществах**,
- в чем заключались содержание и особенности прохождения ими разных возрастных этапов,
- какие **обычаи, традиции, обряды** могли быть с этим связаны.

Изучение социальной антропологии женской повседневности позволяет поставить и решить **ряд важных проблем**, а именно:

- как сами женщины осознавали, воспринимали и переживали различные антропологические состояния и основные «вехи» своей жизни,

- в какой мере категория «возраста» и сопряженные с ней нормы поведения, стереотипы и реальные опыты проживания, осмысления и чувствования структурировали их жизненный континуум, их «миры повседневности».

Изучение разнообразных аспектов повседневной жизни женщин позволяет понять, как «рядовые» индивиды женского пола проживали и переживали изо дня в день наиболее привычные, казалось бы ничем не примечательные, жизненные реалии, каким было самоощущение женщины на разных этапах жизненного цикла. В конечном счете, это приводит к непосредственному пониманию человека в истории, причем с учетом гендерных и этнических различий, что актуально как для социальной и культурной антропологии, в том числе в историческом аспекте, так и для социальной истории в целом.

□ **Актуальность этнологического и социально-антропологического исследования «возрастов жизни».**

Открытие термина «возрасты жизни» принадлежит представителю третьего поколения французской школы «Анналов» Филиппу Арьесу (*Philippe Ariès, 1914–1984*). Термин вошел в научный дискурс разных национальных историографий¹. Первоначально его происхождение связано с историческими источниками разных эпох. Употребление концепта «возрасты жизни» для изучения прошлого женщин и «пережитой» ими в разных возрастах истории повседневности открывает новые познавательные возможности этнологического и антропологического измерения мировой культуры. Прежде всего потому,

---

¹ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010. Переизд. СПб., 2014; 2017.

что позволяет сделать предметом исследования культуры, которые никогда не маркировались как традиционные, и следовательно, не становилась объектом внимания этнологов и антропологов.

Вместе с тем этнологический интерес к разным культурам, а не только архаическим, представляется оправданным в контексте **общей тенденции в развитии антропологического знания на рубеже XX–XXI вв. к расширению предмета исследования:** от незападных, дописьменных культур к культурам всех типов, вплоть до современных. Систематическое изучение **традиционно-бытовых компонентов культуры**, то есть обычаев, традиций, верований, искусства, обрядов, праздников, в особенности свадебной и родильной обрядности, анализ гендерной дифференциации жизненных циклов женщин и мужчин имеет существенное значение для исследования проблемы сохранения традиционного этоса, укорененность в котором (несмотря на внешнюю подверженность инокультурным влияниям и наряду с ней) составляла важную этнокультурную характеристику любого сообщества. При таком понимании **повседневная жизнь женщин – часть общей социально-культурной антропологии** разных стран и народов.

Историографический «прорыв» последних десятилетий XX в. в области истории женщин и междисциплинарных гендерных исследований показал, что игнорирование методологии, позволяющей вскрывать властные иерархии между полами, а также внутри каждого из полов, ведет к неизбежному искажению прошлого. Зачастую **при видимой патриархальности той или иной культуры определяющую роль в функционировании и воспроизводстве традиционного быта играли жизненные практики и ежедневные опыты женщин.**

Анализ повседневности женщин с учетом этнических и гендерных различий приближает к решению ряда **фундаментальных проблем, связанных с этнологическим и социокультурным прошлым**, таких как:

- проблема механизмов формирования и транслирования национальных культурных традиций,
- проблема этно- и социокультурной природы сообщества,
- проблема ментальности сообщества,
- проблема механизмов внутренней консолидации социальной общности,
- проблема этнокультурного взаимодействия разных социальных слоев.

Изучение этих проблем изменяет социальную историю, расширяет наши представления о культурной традиции. Проблема этнологии, возрастной и социальной антропологии женской повседневности, выявления динамики повседневных опытов женщин с учетом влияния как инокультурных, так и традиционных этнокультурных факторов на протяжении господства **структур «большой длительности»** расширяет понимание вклада женщин в историю мировой культуры.

Жизненные опыты и переживания в периоды детства, девичества, зрелости, старости как наиболее важные для понимания всего спектра повседневности женщин, включая хозяйственную, духовную, религиозную, интеллектуальную, коммуникативную, могут выступать своего рода **инвариантом антропологии женской повседневности** вне зависимости от статусных, локальных и даже конфессиональных различий.

□ Структура учебника.

Учебник состоит из введения, десяти теоретических тем, заключения, библиографического списка и списка трудов автора по истории женщин и социальной антропологии женской повседневности, глоссария. Все темы сопровождаются научно-справочным и методическим аппаратом, способствующим освоению учебного материала.

□ **Об авторе учебника.**

Автор учебника – Анна Валерьевна Белова – доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета, ведущий научный сотрудник Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН. Директор Организационного отдела Исполкома Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ).

Автор свыше 180 научных работ по истории женщин и социальной антропологии женской повседневности, список которых приведен в учебнике, в том числе монографии «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 480 с. (Серия «Гендерные исследования»), переизданной дважды (СПб., 2014; СПб., 2017) и глав в трех коллективных монографиях, посвящённых изучению сексуальной², репродуктивной³ и семейной⁴ культуры в России. В фокусе научных интересов автора учебника – история повседневности, женская история, история российских женщин-дворянок в Новое время, антропология женской повседневности, антропология родства и возраста, история женской автобиографической памяти, женские эго-документы.

А.В. Белова входит в состав четырех редколлежий и редакционных

---

² Пушкарева Н., Белова А., Мицюк Н. Сметая запреты. Русская сексуальная культура XI–XX веков. Коллективная монография. М., 2021.

³ Мицюк Н., Пушкарева Н., Белова А. Человек рождающий: История родильной культуры в России Нового времени / Н.А. Мицюк, Н.Л. Пушкарева, А.В. Белова. М., 2022.

⁴ Воспитание в пространстве семьи и общества (социология, этнология, история): коллективная монография / отв. ред.-сост. М. Г. Котовская, А.М. Коршунов. М., 2022.

советов научных журналов из перечня ВАК («Вестник Тверского государственного университета. Серия: История», «Преподавание истории в школе» (Москва), «История повседневности» (Санкт-Петербург), «Женщина в российском обществе» (Иваново, перечень ВАК РФ, международная база SCOPUS). Научный руководитель трех защищенных и утвержденных ВАК РФ диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук по истории женской повседневности.

Автор цикла «Из жизни женщины. Русская дворянка второй половины XVIII века» в Лектории Государственного исторического музея (г. Москва, 2022), лекций о повседневности российских дворянок и женской эмансипации в ГИМ (г. Москва, 2023), о дворянском девичестве в Государственном музее истории российской литературы им. В.И. Даля отдела «Дом-музей И.С. Остроухова» в Трубниковском переулке (г. Москва, 2019). Участница программ «Культура повседневности» на радиостанции «Говорит Москва» и экспертных интервью международному журналу «Forbes Woman» (г. Москва, редакция «Forbes Woman»).

Созданию учебника по социальной антропологии женской повседневности, необходимого для теоретической подготовки по дисциплине «Женщины в истории мировой культуры», предшествовало многолетнее ее преподавание с 1997 г. на историческом факультете Тверского государственного университета в рамках бакалавриата. Учебник стал результатом обобщения обширного как исследовательского, так и педагогического опыта автора, прошел необходимую апробацию. Печатается по решению кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (протокол № 1 от 28.08.2023 г.) и Учёного Совета исторического факультета ФГБОУ ВО (протокол № 1 от 06.09.2023 г.). Рекомендован учебно-методическим советом ТвГУ (протокол заседания № 1 от 20.09.2023 г.).

□ **Ключевые понятия.**

Социальная антропология женской повседневности, женщины, повседневная жизнь женщин, женщины как социальная группа, женщины как сообщества, женская личность, жизненный цикл женщин, телесность, эмоциональность, самоощущение женщин, «возрасты жизни», традиционно-бытовые компоненты культуры, жизненные практики женщин, ежедневные опыты женщин, повседневные опыты женщин, вклад женщин в историю мировой культуры, инвариант антропологии женской повседневности.

□ **Вопросы для самопроверки.**

1. Почему изучение повседневной жизни женщин, динамики ее изменений, особенностей и содержания в прошлом и настоящем стало новым научным направлением современных историко-этнологических исследований?

2. В чем заключается научная актуальность этнологического и социально-антропологического исследования категории «возрастов жизни» и основных этапов жизненного цикла женщин?

3. Что понимается под инвариантом антропологии женской повседневности?

ТЕМА I. СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАК ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

План

1. Четыре волны феминизма как общественные предпосылки женской истории и социальной антропологии женской повседневности.
2. Предмет истории женщин и женской истории.
3. Иной взгляд женской истории на историю мужчин.
4. Методологические проблемы источников по женской истории и социальной антропологии женской повседневности.
5. Отличия женских текстов от мужских.
6. Антропология женской дворянской повседневности.
7. Ключевые понятия.
8. Вопросы для самопроверки.

- **Четыре волны феминизма как общественные предпосылки женской истории и социальной антропологии женской повседневности.**

На развитие **первой волны феминизма** повлияла насущная необходимость решения «женского вопроса», борьба женщин за политические права **в конце XIX – начале XX в. – суфражистское движение**. Женщины стремились к равноправию с мужчинами, к обретению **политического «голоса» в обществе**, к получению и реализации законного права влиять на принимаемые решения. В каждом обществе женщины составляют фактическое большинство населения, являясь при этом символическим меньшинством. До первой волны феминизма, будучи пораженными в правах, они оставались «невидимой»

«молчащей» группой в обществе, исключенной из политического процесса, не имевшей права участвовать в выборах.

На удачное завершение первой волны феминизма повлияли во многом решимость и настойчивость самих женщин, готовых идти до конца в борьбе за обретение политических прав – выдерживать тюремные заключения и голодовки, рост женского политического самосознания и, как ни парадоксально, Первая мировая война, способствовавшая женской эмансипации. Женщины заменили на предприятиях ушедших на фронт мужчин, освоив практически все профессии, доступ в которые ранее им был закрыт: на оружейном военном и автомобильном производстве, в железнодорожной и угольной промышленности, на земельно-бетонных и сельскохозяйственных работах, овладели профессиями грузчиц, механиков, пожарных, полицейских. По окончании войны они не пожелали оставлять рабочие места, обретя **опыт профессиональной общественно-полезной деятельности в публичном пространстве, самостоятельность в принятии решений, экономическую независимость**. Женщины не захотели вернуться в узкие рамки частной домашней жизни к неоплачиваемому обслуживающему труду. Не стоит преуменьшать и непосредственный профессиональный опыт женщин в военных условиях в качестве медицинских работниц, водителей машин медицинской помощи, вывозивших раненых, и, наконец, бойцов женских батальонов (пример ударного батальона Марии Леонтьевны Бочкаревой (1889–1920)⁵ был не единственным).

Вторая волна феминизма была обусловлена пониманием того, что обрести политические права оказалось недостаточно для реализации **социальных возможностей женщин**, для решения общественных

---

⁵ *Кулегин А.М.* Звезда женского батальона. (Серия «Легенды политической истории»). СПб., 2007.

проблем, с которыми они сталкивались. По-прежнему существовало множество ограничений во всех сферах общественной жизни, а, главное, предубеждений в массовом сознании. Женщины сталкивались с тем, что называлось «**стеклянный потолок**», препятствиями в карьерном росте при той же профессиональной компетентности, что у мужчин.

В **1960-е гг.** на фоне второй волны феминизма исследовательницы захотели понять, каким образом женщины стали символическим меньшинством, фактически являясь большинством. **Появилась история женщин, научная попытка осмыслить историческую ретроспективу женского опыта.**

При этом особенно важным стало понимание того, что ограничения в отношении женщин действуют не только в публичной, но и в частной сфере, в повседневной жизни. Вменяемое материнство, дискриминация в семейных отношениях, привязка к дому и быту, уходу за всеми членами семьи по-прежнему составляли жизненную реальность большинства женщин вместо образовательного роста, карьеры, самореализации и саморазвития. Известный лозунг феминистской активистки и публицистки **Кэрол Ханиш «Личное – это политическое»** («*The Personal is Political*») (февраль, 1969) стал формулой «второй волны» феминизма⁶. Многие жизненно важные вопросы, связанные с контролем женщин над своим телом, с возможностью самостоятельно принимать решение о деторождении, наконец, открыто обсуждать все, что касается телесности, сексуальности, репродуктивного поведения, не могли не выйти на первый план, поскольку от их решения зависело обретение женщинами

---

⁶ Белова А.В. Предисловие // Личное есть историческое 2.0: сборник статей к 65-летию профессора Т.Г. Леонтьевой / сост. А.В. Белова, Д.А. Беговатов; отв. ред. А.В. Белова. Тверь, 2022. С. 6.

социальных и профессиональных возможностей, а также новое осознание себя.

Начало **третьей волны** пришлось на **1990-е гг.** При этом в 1980-е гг. в научном дискурсе появилось и было концептуализировано понятие «гендер» как социальный пол, возникло направление гендерных исследований. В центре внимания третьей волны оказались вопросы **преодоления множественных дискриминаций, связанных с расовыми, этническими и иными различиями.** Под интерсекциональностью понимается пересечение дискриминаций, их системный характер, конструирование их ситуативно в каждодневных социальных взаимодействиях.

Четвертая волна началась в **2010-е гг.** Речь идет о равенстве прав и возможностей женщин и девочек в условиях новой цифровой реальности. С **2016 г.** появился **Международный день женщин и девочек в науке.** Поднимается **вопрос о равной оплате труда, о недопущении маргинализации женщин разных уязвимых групп, о преодолении гендерных стереотипов и предубеждений.** В центре внимания оказались вопросы сексуальных домогательств на рабочем месте и на улице, насилия в отношении женщин, включая домашнее насилие, репрезентации женщин в СМИ, женоненавистничества в интернете. Эти вопросы включаются в широкую повестку экономического благосостояния, экологического благополучия, устойчивого развития, борьбы с бедностью, зависимости от технологий. Новая линия ограничений и дискриминаций обусловлена **неравным доступом к интернету, цифровым мультимедийным устройствам, социальным сетям; недостаточной представленностью женщин в цифровой экономике, высокотехнологических и передовых областях.** Благодаря всем «волнам феминизма» роль женщин в мире

существенно возросла при сохраняющейся вместе с тем нерешенности проблем гендерного равенства⁷.

□ **Предмет истории женщин и женской истории.**

История женщин, женская история и гендерная история – это не только разные термины, но и последовательно сменявшие друг друга этапы становления предметной области.

В 1960-е годы на фоне возросшего активизма второй волны феминизма европейские и американские независимые исследовательницы и профессиональные женщины-историки поставили задачей понять, **каким образом женщины стали символическим меньшинством в обществе, фактически являясь численным большинством.** Обращение к исторической ретроспективе женских движений, борьбы за обретение равных прав, социальных возможностей и «своего голоса» привело к попыткам **обнаружить в прошлом женское присутствие и участие, женские опыты и роли в истории мировой культуры, влияние женщин на происходящие процессы.**

В большинстве обществ (если это не общества с исключительным преобладанием мужчин, например Ватикан) женщины составляют 51–53% населения. В частности, согласно утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 4356-р **Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023 – 2030 годы**, «по данным Федеральной службы государственной статистики, **на начало 2022 года в Российской Федерации проживали 145,6 млн.**

---

⁷ Белова А.В. Предисловие // Личное есть историческое 2.0... С. 6.

человек, из них 77,9 млн. составляли женщины. Это более половины населения страны»⁸.

Антропологи объясняют количественное преобладание женщин большей «затратностью» мужчин в сообществе⁹: последние менее бережно относятся к себе. Их участие в вооруженных конфликтах, сопровождавших ход истории, также приводило к значительным потерям мужского населения. Однако несмотря на то, что количественно женщин больше, они долгое время не имели своего «голоса», не могли озвучить собственный опыт, их жизненные потребности считались несущественными. Одно из объяснений этому: женский труд был исключен из структуры рыночных отношений. Причина – концепция мира, в которой женщинам атрибутировалось природное начало, то, что противостоит культуре; культура же, наоборот, соотносилась с «мужским» аспектом бытия. **Женщина – наиболее очевидный Другой в истории.** Неслучайно во многих языках «человек» и «мужчина» – это одно и то же слово. Вопрос о том, человек ли женщина, со всей серьезностью дискутировался в историософии еще в XIX в.¹⁰

Для истории женщин было важно сначала **«вернуть истории женщин»**, а затем показать, что **женщины не только участвовали в**

---

⁸ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023 – 2030 годы, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 4356-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/ilHtVckhskBAE9DAflD3Akpd787xAOc4.pdf> (дата обращения: 23.08.2023).

⁹ Арутюнов С.А., Рыжакова С.И. Культурная антропология. М., 2004. С. 166.

¹⁰ Рябов О.В. «Человек ли женщина?». Русская антропология XIX – начала XX века в контексте исторических поисков национальной идентичности // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. Санкт-Петербург, 2001. С. 34–36.

происходящем, но и вносили в общество существенный вклад (в некоторых вопросах даже более существенный, чем мужчины). Это важно как минимум потому, что если мы не понимаем, кто являлся субъектами и участниками тех или иных процессов и событий, наше знание об истории неполно и недостоверно.

Но исторические источники очень противоречивы, асимметричны: они фиксировали, как правило, мужской опыт, а женский часто оказывался неучтенным и, следовательно, не оцененным – либо же оцененным с позиции «мужского взгляда». Это не всегда то, что на самом деле происходило с женщинами, и не то, как они видели себя.

К этому добавляется тот факт, что **женщины-исследовательницы несколько иначе видят и интерпретируют прошлое**. Они задают источникам другие вопросы, нежели исследователи-мужчины. Поскольку женщины сами являются символическим меньшинством, **их интересуют в других культурах не только те, кто обладают социальными возможностями, но и те, кто этих возможностей лишены**. «Женский» подход позволяет охватить более широко и полно разные группы респондентов.

Конечно, **среди мужчин существовало значительное количество групп, которые подвергались дискриминации и маргинализации в том или ином сообществе в каждый исторический период – по самым разным основаниям**, от возраста и владения собственностью до сексуальных предпочтений и религиозных взглядов. Например, после замыкания средневековых цехов во второй половине XV в. подмастерья в большинстве своем не имели шансов стать полноправными членами общества – жениться на вдове или дочери мастера с тем, чтобы самому стать мастером, удавалось единицам. Остальные, ощущая себя маргинализированным сообществом, сохранявшим пожизненный приниженный статус, вымещали переживание социального ограничения на

вступление в брак в создании преследуемых властями союзов подмастерьев, скрепленных идеологией «мужской солидарности» и нарочитой мизогинией (женоненавистничеством)¹¹.

О женщинах, как и о мужчинах, можно сказать – это не монолитная группа в каждой культуре. Причем есть интересное наблюдение: **женщины из привилегированных слоев общества нередко оказывались в большей степени ограничены в своих социальных возможностях, нежели представительницы более низкого социального статуса.**

Итак, **женская история – это изучение прошлого женщин исследовательницами-женщинами.**

В 1980-е годы появляется гендерная история, которая исходит из того, что проблема социально-культурного пола, или гендера – это проблема власти и иерархии. Авторитетный американский историк Франции, представительница интеллектуальной истории, чья статья, опубликованная в 1986 г. в журнале «Американское историческое обозрение» (*The American Historical Review*) стала хрестоматийной и основополагающей для формирования нового направления гендерной истории, **Джоан Уоллак Скотт (Joan Wallach Scott, род. 1941)** назвала гендер не только «**полезной категорией исторического анализа**», но и «**первичным способом означивания властных отношений**»¹². Одна группа в обществе маргинализируется, другая, наоборот, наделяется преимуществами в распределении власти, престижа и собственности, и

---

¹¹ Ретина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002. С. 79–80.

¹² Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. СПб., 2001. С. 405–436.

предмет гендерной истории состоит в том, как эти дискриминационные стратегии соотносятся с полом.

Это не про отдельное изучение женщин и мужчин и последующее понимание их социального и культурного взаимодействия. Это про то, каким образом осуществляется доступ к собственности, власти, ресурсам и к возможности проявлять себя в тех или иных контекстах общественной жизни.

□ **Иной взгляд женской истории на историю мужчин.**

Женская история способствовала формированию иного взгляда на историю мужчин. На протяжении длительного времени, когда фактор социально-культурного пола не учитывался при изучении источников и формулировании выводов, считалось, что в истории действует некий универсальный человек. Невидимыми были не только половые, но и многие другие различия. Этнические, культурные, конфессиональные; культурная специфика, различия в повседневных привычках и самоощущениях; различия, связанные с социальным статусом, имущественным положением. Все это оставалось как бы за пределами исторического рассмотрения. В марксистской интерпретации были «массы», вершившие ход истории под влиянием «великих личностей».

При таком взгляде утрачивалось подлинное понимание того, как реальные живые люди действовали, жили изо дня в день, ощущали себя. Невидимыми оказывались не только женщины, но и мужчины – в роли последних и выступал этот «универсальный человек». Так что мужская история, или историческая андрология, возникшая по аналогии с исторической феминологией, подхватила импульс женской истории за изменение подхода.

□ **Методологические проблемы источников по женской истории и социальной антропологии женской повседневности.**

Дефицит исторических источников – одна из существенных сложностей, с которыми пришлось столкнуться исследовательницам женской истории. Справедливости ради стоит заметить, что среди внесших весомый вклад в изучение истории женщин было немало историков-мужчин. Один из самых известных – французский медиевист, представитель третьего поколения школы «Анналов» **Жорж Дюби** (*Georges Duby*, 1919–1996), многие работы которого посвящены истории женщин в средневековой Франции¹³, и который стал одним из редакторов пятитомной **«Истории женщин» (1990–1991)**¹⁴.

При этом следует уточнить, что можно получить информацию и в тех источниках, которые выражают мужской взгляд или официальный взгляд на происходящее. Фигура умолчания (то, что намеренно или непреднамеренно не проговаривается) – тоже свидетельство. Но, конечно, особенно важны источники, созданные самими женщинами. Очень большое значение для изучения женской истории и социальной антропологии женской повседневности имеет как раз **женская**

---

¹³ Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщины во Франции XII в. // Одиссей: человек в истории. 1990. М., 1990. С. 90–96; *Его же*. Почтенная матрона и плохо выданная замуж: восприятие замужества в Северной Франции около 1100 года // Одиссей: человек в истории. 1996. М., 1996. С. 236–251.

¹⁴ В пер. на рус.: История женщин на Западе: в 5 т. / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро. Т. I: От древних богинь до христианских святых / под ред. П. Шмитт Пантель. СПб., 2005; Т. II: Молчание Средних веков / под ред. К. Клапиш-Зубер. СПб., 2009; Т. III: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / под ред. Н. Земон Дэвис и А. Фарж. СПб., 2008; Т. IV: Возникновение феминизма: от Великой французской революции до Мировой войны / под ред. Ж. Фрассе. СПб., 2015; Т. V: Становление культурной идентичности в XX столетии / под ред. Ф. Тебо. СПб., 2015.

автодокументалистика. В первую очередь то, что называют эго-документами, субъективными источниками, или источниками личного происхождения, к которым относят дневники, письма, мемуары, автобиографии, эссе.

Отдельно стоит отметить, как к этим текстам относились в ту эпоху, когда они создавались. Такой пример: князь **Пётр Алексеевич Кропоткин (1842–1921)** в воспоминаниях упоминает «дамский письменный стол, на котором никто никогда не писал, но на котором зато было расставлено множество всяких фарфоровых безделушек». А через несколько страниц сообщает, что обнаружил дневники и тетради покойной матери: «в углу, в кладовой, в нашем деревенском доме нашел много бумаг, написанных ее твердым и красивым почерком»¹⁵. То есть кто-то все-таки писал за этим «дамским» столом, и написал немало. Но тот факт, что все написанное «замечательной женщиной» оказалось в итоге сваленным в углу кладовой в деревенском дворянском доме (то есть перевезенным из дома на Старой Конюшенной в Москве), показывает, что к женским текстам относились как к чему-то неважному. Многие из них не сохранились просто потому, что были точно так же выброшены за ненадобностью. А именно в них было запечатлено сокровенное для автора-женщины проговаривание себя – о том, что «она не была счастлива» с мужем, – «в ее дневниках, которые она вела в Германии, когда уже с чахоткою в груди ездила лечиться на воды, эта скорбь выливалась грустными строками»¹⁶. Не лишне заметить, что мать князя П.А. Кропоткина была разносторонней творческой личностью, увлекалась поэзией, музыкой, живописью, сама нарисовала «много акварелей», «писала иконы».

---

¹⁵ *Кропоткин П.А.* Записки революционера / предисл. и примеч. В.А. Твардовской. М., 1988. С. 35–474.
http://az.lib.ru/k/kropotkin_p_a/text_1902_zapiski_revolutionera.shtml

¹⁶ *Кропоткин П.А.* Указ. соч.

В XIX в. даже женское писательство не считалось работой. Оно воспринималось блажью, а не трудом, не чем-то, что может иметь рыночную стоимость. А тем более записи, которые ведутся для себя и в которых есть некий субъективный нарратив о чувствах, переживаниях, и вовсе не считались значимыми. Такое восприятие накладывало отпечаток и на самих женщин. Психологи это хорошо знают: если человеку постоянно говорить, что его чувства не имеют значения, он в конечном счете усвоит этот внешний взгляд и сам начнет смотреть на себя так же.

Для женщин часто был закрыт доступ к образованию, ввиду того, что их основной жизненной задачей считалось выполнять репродуктивную функцию. Женщина, получившая образование, профессию, возможность заработка, естественно, усомнилась бы в том, нужно ли ей делать то, что вменялось «по природе» – вступить в брак с человеком, с которым ее не связывали глубинные интересы, на протяжении всего периода фертильности, в среднем двадцати лет, каждый год рожать детей. У нее могли возникнуть альтернативные интересы в отношении себя самой.

□ **Отличия женских текстов от мужских.**

Женские тексты отличались от мужских. Многие женщины транслировали то, что от них ожидали окружающие. Но некоторые сомневались. В дневнике первой четверти XIX в. можно было встретить казалось бы «крамольную» по тем временам мысль: «я совсем замуж не хочу»¹⁷. Для того времени женщина, не вышедшая замуж, – это человек, выпавший из социальной обоймы. «Старая дева», или «старая девушка» – изначально официальный юридический термин, когда в документах писали «девица такая-то», но постепенно он обрастал негативными

---

¹⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1280. Оп. 1. Д. 134. Л. 17.

коннотациями. Вместе с тем о браке, который состоялся, могли написать: «участь моя решена», – в этих словах чувствуется какая-то обреченность, безысходность.

Если мы сравним мужские и женские воспоминания, то различия опознаются в самом принципе и подходе. Для мужчин любая публично рассказанная история – это парадный портрет. Для женщин все иначе, отчасти потому, что у них не было публичной деятельности, с которой бы они себя ассоциировали. Их мемуары – это чаще история переживаний, отношений с людьми. Они не боялись писать и какие-то нелицеприятные вещи, вероятно, предполагая, что написанное ими никто никогда не прочтет.

В автодокументах женщины проговаривали даже то, что не могли обсудить с другими людьми. Это особенно заметно в письмах. **Письма в XIX в. играли особую роль в поддержании социальных связей внутри семьи, сообщества.** Но если мужчины в большей степени находились под влиянием стандартов деловой переписки, то женские письма – притом, что в них тоже присутствовал эпистолярный этикет, – по наполнению и содержанию отличались от мужских большим количеством подробностей повседневной жизни, нюансов отношений, внимания к другим членам семьи. «Длинное письмо» на нескольких страницах не писали за один присест – его могли писать день, два, неделю, внося туда все происходящие события.

Письма и дневники были одним из немногих (наряду с религиозностью) способов оказаться в пространстве, где женщину не пытались контролировать. В XIX в. женщина не могла одна выходить на улицу, не могла одна перемещаться в пространстве, не могла даже пойти в университет, чтобы послушать лекцию. Правда, в России существовала перлюстрация писем, причем ею занималось не только государство. В письмо юной девушки могла заглянуть гувернантка, мать или отец. В

институтах – классная дама. Да, и вообще, письма не считались чем-то приватным: в одном письме даже могли встречаться фрагменты, написанные разными людьми, а читать его могли вслух всей семье. Но были и личные письма, которые можно было передать с доверенным лицом.

С точки зрения откровенности, правдивости наиболее достоверны дневники. Но женских дневников XVIII–XIX вв. в российском пространстве почти не сохранилось. Наименее достоверны мемуары, потому что пишущий/ая их мог ошибаться, забывать и перепридумывать, как бы перепроживать свою жизнь. Но даже в этом случае важно, как именно переосмысливаются события. Когда женщина преклонных лет в 1880-е годы мысленно возвращалась во времена своей молодости, в текстах проявлялась критическая рефлексия и по отношению к воспитанию, и к матримониальным установкам. Под влиянием новых веяний менялось отношение к собственному прошлому.

□ **Антропология женской дворянской повседневности.**

Антропология женской дворянской повседневности – новая тема в российской историографии¹⁸, позволяющая активизировать ранее не востребованный потенциал всей совокупности источников личного происхождения: писем¹⁹, мемуаров, автобиографий, дневников,

---

¹⁸ Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей / ответ. ред. и сост. Н.Л. Пушкарева. М., 2013. (Серия Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»). С. 25–67.

¹⁹ Белова А.В. Дискурсы «женского письма» в русской дворянской повседневности конца XVIII – первой половины XIX вв. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.):

оставленных образованными²⁰ дворянками и отражающих многообразный спектр их субъективного мировосприятия, жизненных опытов и практик. «Проговаривание» себя стало для большинства из них единственно доступной формой компенсации исключенности из публичного пространства и отсутствия официально признаваемых возможностей для социальной реализации.

Этнокультурная специфика российской дворянской среды ориентировала женщин на одновременную рецепцию западноевропейских повседневных практик и воспроизводство традиционных поведенческих и ментальных стратегий, сближающихся с исконными механизмами трансляции национальной культуры²¹. Данная амбивалентность становилась своеобразным фактором дифференциации «структур повседневности» столичных и провинциальных дворянок, в реализации которых преобладала соответственно та или другая тенденция. Провинциальные дворянки в большей степени сохраняли приверженность в повседневной жизни традиционным ритуалам, связанным с замужеством²², беременностью²³ и родинами²⁴ как основными антропологическими опытами женского бытия.

материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веретенко. СПб., 2013. С. 64–69.

²⁰ Белова А.В. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29–31.

²¹ Белова А.В. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века как проблема исследования // Женщина в российском обществе. 2004. № 1/2 (30–31). С. 72–82.

²² Белова А.В. Процедура замужества русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века // Женщины. История. Общество: сборник научных трудов / отв. ред. В.И. Успенская. Тверь, 1999. Вып. 1. С. 23–33.

²³ Белова А.В. Беременность как антропологический «контекст» женской дворянской повседневности // «Сохрани мне жизнь». (Ценность жизни в контексте

«Возрасты жизни» дворянок в соответствии с четырехчастной схемой (детство, молодость, зрелость, старость) переживались и субъективно осмыслялись многими из них как периоды репрессирующего нажима и социального диктата со стороны наделенных властью ближайших представителей родственного окружения обоего пола, занимавших формально доминирующие позиции в семье. Это в значительной мере не позволяло им почувствовать и осознать себя не только эмоционально комфортно, но и социально полноценно.

Дворянское происхождение и официальная принадлежность к «привилегированному» сословию российского общества не гарантировали женщинам ни личного благополучия, ни социальной защищенности во внутрисословных властных иерархиях. При этом маргинальность провинциальных дворянок становилась для многих из них стимулом к самореализации через неформальные «сети влияния» и вербальное конструирование собственной идентичности в разнообразных автодокументальных текстах.

Этнология женской повседневности включала в себя не только участие в социально признаваемых ритуалах и обрядах, в частности

гуманитарного и утилитарного подходов). 2-ая междисциплинарная научно-практическая конференция с международным участием (г. Смоленск, 18 мая 2012 г.). Смоленск, 2012. С. 21–24; *Ее же*. Беременность в структуре российской репродуктивной культуры дворянства в XVIII – середине XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2017. № 2. С. 4–23.

²⁴ *Белова А.В.* Организация родов и родовспоможения в дворянской среде России XVIII – середины XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 2. Вып. 14. С. 29–48.

свадебном²⁵ и родильном²⁶, но и специфические опыты осознания и переживания возрастных и гендерных различий.

Женский дворянский проект в России XVIII – середины XIX в. – это парадоксальное на первый взгляд сочетание эссенциализма, провиденциализма и феминизма²⁷. В действительности, оно отражало стремление к максимально более полному самовыражению российских дворянок, которые осознавали свою жизненную цель в одновременной реализации антропологической, религиозной и социальной программы. Такая универсальность не только не была для них внутренне противоречивой, но и задавала максималистское ощущение полноты проживаемой жизни, законченности ее возрастных и повседневных циклов.

Длительное сохранение и воспроизводство ряда практик и представлений в повседневной жизни дворянок, иногда вне зависимости от их общественного положения и места жительства, свидетельствует о **традиционном характере культуры российского дворянства**, ранее не подлежавшего изучению в таком ракурсе. Указанное обстоятельство вовсе не означает отсутствия какой бы то ни было динамики в **антропологических «структурах повседневности» женского провинциального дворянского мира**, но характеризует их как «циклы

---

²⁵ Белова А.В. Свадебная обрядность у российских дворян в XVIII – середине XIX в.: ритуалы и практики // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 4 (64). С. 93–110.

²⁶ Белова А.В. Послеродовой период как элемент родильного обряда в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX в. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 3. Вып. 24. С. 69–88; *Ее же*. Период грудного вскармливания как элемент дворянского родильного обряда в XVIII – середине XIX в. // Смоленский медицинский альманах. 2016. № 4. С. 129–137.

²⁷ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 466.

большой длительности».

Анализ участия женщин в **традиционных обрядах жизненного цикла** позволяет по-новому интерпретировать социокультурную роль провинциальных дворянок²⁸. Разработка аспектов женской телесности, сексуальности и религиозности в контексте дворянского быта (усадебного, городского, столичного, провинциального) как культурно-антропологического феномена дает возможность сопоставить и **типизировать повседневные опыты и переживания дворянок** с учетом возрастных, статусных, локальных, конфессиональных, этнокультурных отличий и решить проблему этнокультурного конструирования гендера.

Изучение традиционных аспектов дворянской культуры приближает нас к разрешению чрезвычайно существенной проблемы ее функционирования на основе **сохранения обычаев²⁹, традиций и родовых связей**.

Жизненный цикл провинциальных дворянок – последовательные переходы из одной возрастной категории в другую: от «малолетки» или «маленькой барышни» (до 5-ти лет), затем «девочки» или «барышни» (от 5-ти до 12–14-ти лет) к «девице» или «взрослой барышне» (от 14-ти до 19-ти лет), позднее к «даме» или «барыне» (от 18–19-ти до 45-ти лет) и, наконец, к «пожилой даме» или «старой барыне» (после 45-ти лет) и «старухе» (60-ти лет и более). При этом **переходные этапы, переживавшиеся с помощью ритуала** (прежде всего свадьбы и родин),

---

²⁸ Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середины XIX в.): автореф. дисс... д-ра ист. наук. Специальность: 07.00.07 – этнография, этнология и антропология. М., 2009.

²⁹ Белова А.В. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.: «корневое» и «иноземное» // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете: Научно-методический сборник / Отв. ред. В.И. Успенская. Тверь, 2000. С. 32–44.

не только сохраняли отдельные традиционные черты и элементы сходства с православной народной средой (жизненный опыт дворянки, выросшей в усадьбе, неизбежно включал в себя представления о быте, нравах, духовном облике крестьян и дворовых), но и были подвержены более отчетливому влиянию социокультурных предписаний и стереотипов, что зачастую психологически затрудняло переход дворянской женщины из одного «возраста жизни» в другой.

Тем не менее на протяжении жизненного пути дворянки находили возможности компенсировать психологические трудности интеллектуальной и хозяйственной активностью, устройством семейных отношений, заботой о детях, ведением бытовой переписки или мемуарным обращением к прошлому. Биографии многих провинциалок демонстрируют их превращение из жертв социальных обстоятельств в создательниц своих судеб, несмотря на все культурные запреты и ограничения.

Провинциальные дворянки Центральной России в XVIII – середине XIX в.³⁰ не были безликой, безграмотной массой, как полагали на рубеже XIX–XX вв. многие публицисты и историки. У знатных женщин, обитательниц провинции и представительниц образованной прослойки дворянства, регулярно писавших и получавших письма³¹, аккуратно хранивших официальные документы, образовывались личные и семейные архивы как **свидетельства не только интенсивного письменного общения, но и потребности в самовыражении и культурной**

---

³⁰ Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середины XIX в.): дисс... д-ра ист. наук. Специальность: 07.00.07 – этнография, этнология и антропология. М., 2009.

³¹ Belova A. Women's Letters and Russian Noble Culture of the Late 18th and Early 19th Centuries // *Women and Gender in 18th-Century Russia* / edited by Wendy Rosslyn. Aldershot, 2003. P. 147–161.

рефлексии.

Анализ женских писем³² – субъективных источников – является основой для написания **«пережитой» истории российских дворянок**. Изучение женской повседневности как способа исторической интерпретации человеческой субъективности³³ во всех многообразных ее проявлениях может стать в российской историографии, как и в западных, одним из реальных вариантов перехода от событийно-политизированной истории структур к антропологизированной гендерно чувствительной социальной истории³⁴.

Интерес российской историографии к истории повседневности как одной из новых парадигм расширяет возможности работы ученых в области изучения женской повседневности разных сословий, повышает источниковедческую ценность субъективных, в первую очередь эпистолярных источников³⁵, стимулирует дальнейшие исследования по изучению повседневных опытов в социально и культурно

---

³² Белова А.В. «Женское письмо» в дворянской культуре России конца XVIII – первой половины XIX века // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. Сборник научных статей / сост. и отв. ред. Г.И. Зверева. М., 2001. С. 260–273.

³³ Белова А.В. Женская повседневность как предмет этнологического изучения // VI Конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: Тезисы докладов / отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб., 2005. С. 284–285.

³⁴ Белова А.В. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувствительной социальной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 2 (8). С. 5–14.

³⁵ Белова А.В. «Женское письмо» как источник по истории российской дворянской повседневности // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции (Москва, 18–19 апреля 2002 г.) / сост. Р.Б. Казаков; Редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.), А.Б. Безбородов, С.М. Каштанов, М.Ф. Румянцева. М., 2002. С. 116–118.

дифференцированных средах, корреляции этих опытов с гендерно маркированными политическими контекстами.

□ **Ключевые понятия.**

«Женский вопрос», первая волна феминизма, вторая волна феминизма, третья волна феминизма, четвертая волна феминизма, история женщин, женская история, гендерная история, женщины-исследовательницы, историческая феминология, женская автодокументалистика, эго-документы, субъективные источники, источники личного происхождения, антропология женской дворянской повседневности, антропологические опыты женского бытия, «возрасты жизни» дворянок, «сети влияния», этнология женской повседневности, антропологические «структуры повседневности» женского провинциального дворянского мира, жизненный цикл провинциальных дворянок, «пережитая» история российских дворянок.

□ **Вопросы для самопроверки.**

1. Какие исторические обстоятельства повлияли на возникновение первой волны феминизма?
2. К чему стремились женщины в условиях первой волны феминизма?
3. Какие ключевые события повлияли на удачное завершение первой волны феминизма?
4. Чем была обусловлена вторая волна феминизма?
5. К чему стремились женщины в условиях второй волны феминизма?
6. Какие вопросы оказались в центре внимания третьей волны феминизма?

7. Что артикулируется женщинами в контексте четвертой волны феминизма?
8. Как соотносятся понятия «история женщин», «женская история», «гендерная история»?
9. В чем заключается отличие подходов женщин-исследовательниц к выявлению и интерпретации исторических и социально-антропологических данных?
10. Почему женская история позволяет иначе воспринимать историю мужчин?
11. Чем обусловлены методологические проблемы источников по женской истории и социальной антропологии женской повседневности?
12. В чем состоят источниковедческие отличия женских текстов от мужских?
13. Какие научные проблемы относятся к антропологии женской дворянской повседневности как к новой теме в российской историографии?

ТЕМА II. ПОНЯТИЕ «ПОВСЕДНЕВНОСТЬ»: ИСТОРИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

План

1. Содержание понятия «повседневность».
2. Историческое содержание терминов, описывающих повседневность.
3. Культурологические теории повседневной жизни и повседневности.
4. Ключевые понятия.
5. Вопросы для самопроверки.

□ **Содержание понятия «повседневность».**

Вопрос о содержании **понятия «повседневность»** носит принципиальный характер ввиду связи даже не столько с необходимостью уточнения предмета динамично развивающейся истории повседневности, сколько с определением статуса данного направления в историографии. **Закрепившись в новоевропейском сознании как оценочное понятие, оно парадоксальным образом стало преградой на пути утверждения одноименной истории.** Вместе с тем в работах российских ученых «повседневность» часто фигурирует как нечто интуитивно ясное и для всех очевидное³⁶. На самом же деле это понятие относится, скорее, к разряду «**лжеочевидностей**» (термин Р. Барта³⁷). Важно постараться

---

³⁶ Также об этом см.: *Пушкарева Н.Л.* Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. (Далее: ЭО). 2004. № 5. С. 3; *Кром М.М.* Повседневность как предмет исторического исследования. (Вместо предисловия) // История повседневности: Сб. научн. работ / Отв. ред. М.М. Кром. СПб., 2003. С. 7–8.

³⁷ *Барт Р.* Из книги «Мифологии». Предисловие / Пер. с фр. Г.К. Косикова // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1989. С. 46.

определить его содержание, приписываемые ему смыслы и по возможности «очистить» от оценочности.

В современном русском языке существует **не менее четырех близких по смыслу терминов**, часто употребляемых как синонимы, выяснить соотношение между которыми представляется необходимым, – «повседневность» / «повседневная жизнь», «каждодневность» / «каждодневная жизнь», «обыденность» / «обыденная жизнь», «будни». Все они имеют выраженную в большей или меньшей степени негативную коннотацию. Их можно отнести к долгое время обесценивавшимся понятиям, поскольку реалии, которые в них отражались, постулировались как несущественные, вторичные, незначимые.

□ **Историческое содержание терминов, описывающих повседневность.**

Выясняя соотношение понятий, описывающих повседневность, не обойтись без углубления в **историческое содержание терминов**.

В русском языке **XI–XVII вв.** бытовало несколько вариантов современного слова «повседневный»: *повседенный/повсьдѣньный* (ежедневный, повседневный), *повседневный/повсядневный* (ежедневный; обычный, повседневный, будничный, не праздничный), *повсякоденный* (ежедневный; постоянный)³⁸. При определенных смысловых нюансах все они обозначали то, что **происходит или востребуется ежедневно**.

Собственно «*повседенный/повсядневный*» – это **противоположный праздничному**, а праздниками в то время считались религиозные праздники. Значит, повседневность следует понимать как время и пространство между православными праздничными днями. Собственно

---

³⁸ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989. (Далее: СлРЯ XI–XVII вв.) С. 175–176.

дню праздника предшествует один или несколько дней предпразднства, а за ним следует несколько дней попразднства³⁹.

В субстанциальном смысле природа повседневного кроется в сфере богослужения. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» знает «повседневие» как «один из видов богослужения – вечерни, который служится в будничные, непраздничные дни». Ежедневное существование христиан (мужчин формально в большей степени, чем женщин) было «вписано» в суточный, седмичный и годичный богослужебные круги. По Домострою, женщина в ряде случаев могла пропустить богослужение, в то время как мужчина обязательно должен был присутствовать в церкви (гл. 12, 13). При ведении домашнего хозяйства «Домострой» ориентировал мужа и жену на завершенность каждого дня, для которого определялись свои конкретные задачи (гл. 16). Вместе с тем это означало **принципиальную возобновляемость каждодневного хозяйственного цикла, как и доминировавшего над ним суточного богослужебного круга.**

Определение «повседневный/повсядневный» в русском языке XI–XVII вв. стояло в одном ряду с такими, как «повсегдашний» (повседневный, будничный⁴⁰; постоянный, часто бывающий),

---

³⁹ См. об этом: Настольная книга священнослужителя. Т. 1. 2-е изд. Издат. отдел Моск. Патриархата, 1992. С. 444.

⁴⁰ Приводимый авторами словарной статьи пример употребления слова в данном значении также имеет явно выраженную церковную коннотацию: «Два антиминса, одинъ праздничной, другои повсегдашней. Опис. Холмог. ц., 18. 1696 г.» (СлРЯ XI–XVII вв. С. 175.) Антиминс – это ««вместопрестолие», четырехугольный, из льняной или шелковой материи плат, на котором изображается положение Христа во гроб; по углам помещаются изображения четырех евангелистов, а на верхней стороне вшиваются частицы мощей». (Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. / Ред. кол.: С.С. Аверинцев (гл. ред.) и др. М., 1993. Т. 1. С. 88.)

«повсегодний» (ежегодный), «повселѣтний» (ежегодный), «повсенощный» (продолжающийся всю ночь или повторяющийся каждую ночь), «повсяконедеѣльный» (еженедельный). Все эти определения указывали на известное **постоянство, повторяемость, регулярность в масштабе той или иной хронологической категории.**

Таким образом, буквальное содержание термина «повседневный», связанное происхождением с богослужебной практикой, служило для обозначения **временных промежутков между церковными праздниками в составе седмичного и годового кругов богослужения и потому было не оценочным, а функциональным.** Этимология слова «повседневный/повсядневный», идущая от выражению «по вся дни», свидетельствует о том, что речь шла о чем-то происходившем или случившемся «во все дни, кроме праздничных».

Аналогичное значение слов «повседневность», «повседневный», «будни» именно как «вседневность», «вседневный», «все дни», звучит и в немецком языке: *die Alltäglichkeit, alltäglich, der Alltag*. **Негативные ценностные коннотации, привнесенные позднее просветительским проектом в восприятие повседневного, были следствием и одним из проявлений «встроенных» в него оппозиций «высокого» / «низкого», «выдающегося» / «заурядного», «гениального / посредственного.** Живучесть просветительских мифов доказывается бытующим вплоть до сегодняшнего времени противопоставлением «обыденности» «творчеству».

В **XIX в.** слово «повседневный» продолжало выполнять функцию «каталогизации», дифференцируя **непраздничную часть календарной недели или календарного года.** В Словаре В.И. Даля слова «повсякдень», «повсядни» сохраняли оттенок повторяемости и имели значение – все-, еже-, каждодневно/денно, «'изодня вѣ день». Слово «каждоденный / каждодневный» воспроизводилось В.И. Далем в ряду однотипных:

«каждомесячный, каждогодный или каждолетний» и обозначало наряду с «ежедневный» еще и «обиходный», т.е. «непраздничный, будничный».

Будни же, или «будень / овидень» – это «не праздник, рабочий день, не праздничный, простой; один из недельных дней, кроме воскресенья, и если на такой день не придется праздника» (В.И. Даль). Употребление слов «обиходный» и «будничный / буднишний / буденный» в значении «непраздничный» было связано прежде всего с одеждой.

Существовало даже обозначение «будничник / будник» для особой разновидности мужской и женской повседневной одежды. В.И. Даль определяет ее так: «буденная одежда, мужская и женская, рабочая сермяга, тяжелко, гунишка, сарафан». Первоначальный смысл оценочного выражения «серые будни» не был уничижительным и лишь фиксировал отсутствие праздничной яркости, в том числе и в одежде. В немецком языке существует аналогичное выражение: *der graue Alltag* – серые будни, житейская проза.

Имеющее наибольший негативный резонанс определение «обыденный» восходит к слову «обы'денки», т.е. «сутки, день и ночь» (В.И. Даль), и вместо современного значения «обыкновенный, заурядный» (С.И. Ожегов) в XIX в. обозначало «однодневный, одноденный, суточный, об один день сделанный, одни сутки длящийся» (В.И. Даль). Этимологически «обыденность» относилась не к качеству, а к продолжительности. По В.И. Далю «обыдённо, обыдёнкой, -дёнками, -дёнком, обыденье» – «в один день, за один день, одним днем, или в сутки, сутками, в 24 часа». Таким образом, по своему исходному смыслу слова «повседневный» и «обыденный» выражали не сниженную оценку качества жизни, а конкретную временную длительность, определенную часть недели и года.

Характерно, что в немецком, французском, английском языках слова «обыденный», отличного от «повседневный», не существует. Это значения

одного и того же слова: *alltäglich* – 1. ежедневный; повседневный 2. обыкновенный, обыденный; заурядный; *quotidien, -ne* – ежедневный, повседневный, обыденный, будничный; *everyday* – ежедневный; повседневный; обычный; обыденный.

Таким образом, понятие «повседневность» может иметь множество толкований и интерпретаций, складывавшихся на протяжении длительного времени вне контекста современного историографического направления истории повседневности. Аналитический процесс, порождающий его современные научные трактовки, также нельзя считать завершенным. Реконструкция исторического содержания терминов в русском языке, возникших достаточно рано, показала более позднее привнесение негативных ценностных и смысловых коннотаций под влиянием наиболее авторитетных культурных парадигм. В настоящий момент поле культурных смыслов понятия «повседневность» достаточно широко, что каждый раз побуждает конкретизировать исследовательскую позицию во избежание неоднозначности его понимания и применения.

□ **Культурологические теории повседневной жизни и повседневности.**

В качестве особого вида источников для анализа исторических смыслов концепта «повседневность» обратимся к культурологическим теориям Р. Барта, А. Белого, А. Бергсона, Ж.-Ф. Лиотара, Э. Мунье, В.В. Розанова, М. Хайдеггера, Й. Хейзинги, Ж.-П. Гарнье.

Уже в культуре романтизма конца XVIII – первой половины XIX в. повседневная жизнь отвергалась как «бесцветная и прозаическая», навевавшая «тоску вечного однообразия», а неоромантизм рубежа XIX–XX вв. унаследовал в качестве одного из общих принципов поэтики – «отрицание всего обыденного и прозаического». Именно с романтической эстетикой, влиятельной и в западноевропейской, и в русской культуре,

возымевшей впоследствии продолжение в символизме, во многом была связана негативизация «повседневности», которая в контексте так называемого романтического двоемирия («разлада между идеалом и действительностью») отождествлялась со «страшным миром», нуждавшимся в идеальном «пересоздании». При этом романтики не просто «стремились ко всему необычному», создавая «свой, особый мир, более прекрасный и истинный, а потому и более реальный, нежели эмпирическая действительность», но и смешивали «обыденное и необычное».

«Раздвоенность» их творческого сознания унаследовали **символисты**, «видевшие во всем окружающем только отблеск, подобие, тайные знаки иной, подлинной реальности»⁴¹. Как утверждал **Андрей Белый (1880–1934)**, «реализм окружающей видимости символисты рассматривают как отражение некоей возможной полноты. Окружающая жизнь есть бледное отражение борьбы жизненных сил человеческих с роком. Символизм углубляет либо мрак, либо свет: возможности превращает он в подлинности: наделяет их бытием»⁴². Обнаруженные А. Белым «основания называть символизм неоромантизмом» объясняют и стремление «прорваться сквозь покров повседневности к «запредельной» сущности бытия», и «уйти от гнетущей повседневности»⁴³, которая могла отождествляться с «ужасом обыденности, пошлостью», «колыхающейся декорацией»⁴⁴.

---

⁴¹ Турков А. Колокола Александра Блока // Блок А.А. Стихотворения. Поэмы. Драммы. Проза / Сост., предисл. и коммент. А.М. Туркова. М., 2004. С. 6.

⁴² Белый А. Символизм // Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л.А. Сугай. М., 1994. С. 256.

⁴³ Долгополов Л.К., Калмыков В.А. Символизм // БСЭ. М., 1976. Т. 23. С. 386–388.

⁴⁴ Белый А. Чехов // Белый А. Символизм как миропонимание... С. 374.

Французский философ **Анри Бергсон** (*Henri Bergson, 1859–1941*), представитель интуитивизма и философии жизни, повлиявший в ряду других мыслителей Запада на складывание картины мира «короткого» XX в.⁴⁵, в знаменитом эссе «Смех» (*Le Rire*) утверждал, что «комическое в действиях и положениях» как особый род комического «довольно часто встречается в повседневной жизни»⁴⁶. Важность приобретает различие торжественного и обыденного тонов языка, причем переложение торжественного на обыденное дает пародию (с. 79). В теории смеха (термин А. Бергсона) обыденное приравнивается к тривиальному, с которым торжественное соотносится как лучшее с худшим (с. 80).

Нидерландский историк культуры **Йохан Хейзинга** (*Johan Huizinga, 1872–1945*), один из виднейших теоретиков концепции культуры как игры, противопоставлял игру «обыденной» жизни как отличное от нее определенное качество деятельности⁴⁷. Означает ли это, что повседневность лишена игрового начала и игра не является одним из ее элементов? Или Хейзинга трактовал повседневную жизнь достаточно узко? Но, по его же признанию, игра – «специфический фактор всего, что окружает нас в мире» (с. 7), и в ней реализуется «абсолютно первичная жизненная категория, некая *тотальность*, если существует вообще что-нибудь заслуживающее этого имени» (с. 12). Тем не менее оппозиция игры и повседневности возводилась в ранг одного из главных признаков игры: «Игра не есть «обыденная» жизнь и жизнь как таковая» (с. 18).

---

⁴⁵ См.: Якимович А.К. Двадцатый век. Искусство. Культура. Картина мира: От импрессионизма до классического авангарда. М., 2003. С. 96, 170, 175–176, 182.

⁴⁶ Бергсон А. Смех / Предисл. и примеч. И.С. Вдовиной. М., 1992. С. 47.

⁴⁷ Хейзинга Й. Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл. / Общ. ред. и послесл. Г.М. Тавризян. М., 1992. С. 13.

С «обыденной» жизнью Й. Хейзинга соотносил *«процесс непосредственного удовлетворения нужд и страстей»* (с. 19). Этот процесс «прерывается» игрой. Отсюда – определение игры как «интермеццо повседневной жизни, занятие во время отдыха и ради отдыха» (с. 19). Иерархизируя игру и повседневность, Хейзинга усматривал место первой «в сфере более возвышенной, нежели *чисто биологический процесс добывания пищи, спаривания и самосохранения»* (с. 19). Сведение повседневного к перечисленным атрибутам не только сужает, но и девальвирует содержание этого понятия. За скобки повседневной жизни, из проартикулированного помимо отдыха, выносятся «сфера праздника и культа, сфера священного» (с. 19). При этом как праздник может остановить «обыденную» жизнь, так и та, в свою очередь, таит в себе угрозу прерыва игры (с. 33).

В итоговом определении понятия «игра» Хейзинга также исходил из термина «обыденная» жизнь и некоего представления о ней как разновидности бытия: *«...игра есть добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а также сознанием «иного бытия», нежели «обыденная» жизнь»*⁴⁸. Этот термин встречается в “*Homo ludens*” чаще других, обозначающих повседневное. Наряду с ним Й. Хейзинга употребляет также такие термины как «повседневная жизнь» (с. 19), «“обыденная” реальность» (с. 25) и даже метафору «трезвое житейское море повседневных нужд» (с. 39).

У **Мартина Хайдеггера** (*Martin Heidegger, 1889–1976*), находившегося под сильным влиянием феноменологии Эдмунда Гуссерля,

---

⁴⁸ Хейзинга Й. Указ. соч. С. 41.

в свою очередь, послужившей одним из общетеоретических источников истории повседневности, феномен повседневности встречается как «повседневное бытие здешности», «бытие повседневности», «повседневность здесьбытия», «повседневное здесьбытие»⁴⁹. «Здесьбытие» (*Dasein*) – один из специфических терминов философии М. Хайдеггера.

Противопоставляя бытие подлинное и неподлинное, Хайдеггер утверждает, что первое – это бытие «перед лицом смерти», сосредоточенность личности на будущем, второе же обусловлено тем, что человеку трудно решиться посмотреть на смерть как предел существования, трудно вынести самого себя, свою свободу и ответственность за совершенное. Отсутствие решимости и мужества быть личностью (составляющие которой – свобода, выбор, ответственность) заставляет человека самого отворачиваться от своего подлинного бытия, избавляться от него бегством в настоящее, в мир вещей, мир повседневности, обыденности (неподлинное бытие). Мир повседневности заслоняет от человека его конечность⁵⁰.

««Субъектом» повседневности» Хайдеггер называет «среднее, или неопределенно-личное»⁵¹ (*man*). Неопределенно-личное местоимение *man* не имеет соответствия в русском языке. Употребляется в качестве подлежащего в немецких предложениях, когда не называется конкретное действующее лицо и не важно, кто совершает действие (напр., говорят, пишут, думают, носят...).

---

⁴⁹ Хайдеггер М. Бытие и время // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. Пер. с нем. / Сост., переводы, вступ. ст., примеч. А.В. Михайлова. М., 1993. С. 30–31, 39, 40.

⁵⁰ Гайденок П.П. Экзистенциализм и проблема культуры. (Критика философии М. Хайдеггера). М., 1963. С. 14, 22.

⁵¹ Хайдеггер М. Бытие и время... С. 319.

Обезличенное существование в “man” определяет сферу обыденности, в которой присутствует некий «усредненный» человек. «Man, которое не есть что-то определенное и в то же время есть Все, предписывает человеку способ бытия повседневности». Сфера повседневности, по Хайдеггеру, – это сфера, где человек подчиняется определенным нормам, законам, внешним предписаниям, требованиям общественного мнения, где он несвободен и его личность не проявляется (например, вся сфера государственной и политической жизни, правовые отношения)⁵².

Еще одно философское направление – персонализм – сосредоточен на «личностном универсуме», исходит из «существования свободных и творческих личностей» и «предполагает наличие в их структурах принципа непредсказуемости, что ограждает от жесткой систематизации»⁵³. Для основоположника французского персонализма **Эмманюэля Мунье (Emmanuel Mounier, 1905–1950)** хайдеггеровский «мир “man” (фр. “on”))» – «это мир дремлющего сознания, обезличенных инстинктов, ни к чему не обязывающих отношений, повседневной болтовни, ложной стыдливости, социального и политического конформизма, моральной посредственности; это мир толпы, анонимных масс, безответственных исполнителей – мир опустошенный, лишенный жизненных сил, где всякая личность изначально себя отвергает, чтобы стать каким-нибудь «некто», которого всегда можно заменить»⁵⁴.

Вместе с тем наряду с «*беспочвенностью пропасти и ничтожества несвоехарактерной повседневности*»⁵⁵, о которой М. Хайдеггер писал в 1927 г. в «Бытии и времени» (*Sein und Zeit*), в его последующих работах

---

⁵² Подробнее см.: *Гайденко П.П.* Указ. соч. С. 12–14.

⁵³ См.: *Мунье Э.* Персонализм / Пер. с фр. и примеч. И.С. Вдовиной. М., 1992.

⁵⁴ *Мунье Э.* Указ. соч. С. 46.

⁵⁵ *Хайдеггер М.* Бытие и время... С. 43.

появляются понятия и образы, гораздо более близкие по содержанию к интерпретациям позднейшей истории повседневности.

Так, в «Истоке художественного творения» (*Der Ursprung des Kunstwerkes*, 1936) в определении «мира» (*Welt*) заключено описание повседневного как цикла реализации субъективного: «Мир есть то непредметное, чему мы подвластны, доколе *круговращения рождения и смерти, благословения и проклятия* отторгают нас вовнутрь бытия. Где выносятся сущностные решения нашего исторического совершения, где *мы следуем или перестаем следовать им, где мы не осознаем их и вновь их испрашиваем* – везде, всюду бытийствует мир. Для камня нет мира. И для растения, и для животного тоже нет мира – они принадлежат неявному напору своего окружения, которому послушествуют, будучи ввергнуты в него. *А у крестьянки, напротив, есть свой мир*, поскольку она находится в разверстых просторах сущего»⁵⁶.

В этом же ряду стоят и три небольших автобиографических проникновенных, преемственных друг с другом текста: «Творческий ландшафт: почему мы остаемся в провинции?» (1933), «Проселок» (1949) и «О тайне башни со звоном» (1954).

Отклонив в 1933 г. повторное предложение сменить провинциальный Фрейбург на столичный Берлин, М. Хайдеггер предпринял попытку публичного объяснения мотивов⁵⁷. Описывая «свой мир», хижину в Шварцвальде, где он трудился, и окрестный ландшафт, он отмечал, что мир этот подлежит созерцанию только с позиции стороннего наблюдателя, сам же он не рассматривает, а «постигает его *в опыте жизни: ежечасно, денно и ноцно* плавает он в великих волнах *времен*

---

⁵⁶ Хайдеггер М. Исток художественного творения // Хайдеггер М. Работы и размышления... С. 77.

⁵⁷ Подробнее см.: Гайденок П.П. Указ. соч. С. 101–102.

года»⁵⁸. Перечисляя дальше разнообразные составляющие ландшафта, философ заключал: «...все это... ведет свою ноту сквозь *каждодневность существования* там, вверху, на горах» (с. 218).

«Каждодневность существования» для Хайдеггера – это «свое собственное существование – внутри своего труда, в нем» (с. 218). В свою очередь, «*череда трудов* до конца погружена в ландшафт, в его *совершающееся пребывание*» (с. 218). Для объяснения тождественности «философской работы» труду крестьянина, «глубокой принадлежности собственного труда к Шварцвальду и к людям Шварцвальда», Хайдеггер не нашел более действенного способа, чем коллаж, запечатлевающий некоторые из повседневных занятий и высказываний швабских крестьян. При этом «*однообразие* крестьянской жизни» (с. 219), противопоставляемое суетному «миру горожан» (с. 220), имело отнюдь не негативную, а, наоборот, позитивную коннотацию.

Эта же тема была продолжена в «Проселке», ставшем нарицательным философии позднего Хайдеггера⁵⁹: «Когда человек рассеивается, односложность простоты начинает *казаться* ему *однообразной*»⁶⁰. Жизненный цикл человека соположен природному циклу времен года и календарному циклу сельских работ: «На пути, каким бежит проселок, встречаются зимняя буря и день урожая, соседствуют будоражащее пробуждение весны и невозмутимое умирание осени и видны друг другу игры детства и умудренная старость» (с. 240).

Упоминания Хайдеггера в «Проселке» о «службе» отца «при башенных часах и колоколах» (с. 238) и о том, как от веревок старинного

---

⁵⁸ Хайдеггер М. Творческий ландшафт: почему мы остаемся в провинции? // Хайдеггер М. Работы и размышления... С. 218.

⁵⁹ См.: Михайлов А.В. Вместо введения. II. Философия проселка // Хайдеггер М. Работы и размышления... С. XII–XXXVI.

⁶⁰ Хайдеггер М. Проселок // Хайдеггер М. Работы и размышления... С. 240.

колокола «горели когда-то ладони мальчика» (с. 241), его самого, предвосхищали припоминаемое им позже в статье «О тайне башни со звоном» каждодневное возвешение колоколами «сопряженной в целое последовательности церковных праздников, вигилей⁶¹, времен года, утренних, дневных и вечерних часов каждого дня, так что единый звон проникал и пронизывал юные сердца, сны и мечты, молитвы и игры»⁶². В этом самом автобиографичном из трех названных текстов особенно сильно звучит мотив позитивной каждодневности, реалии которой субъективно переживались М. Хайдеггером в детстве и, потому, вспоминались им впоследствии.

Новое отношение к повседневности как объекту научного интереса, придание ей значимости именно в этом качестве связано с постмодернистским вызовом гуманитарному знанию, в том числе исторической науке⁶³. Литературовед и семиолог, один из крупнейших представителей французского структурализма **Ролан Барт** (*Roland Barthes, 1915–1980*) в «Мифологиях» (*Mythologies*) (1957) обращался к анализу «знакового функционирования обыденной социальной жизни»⁶⁴. Это произведение относилось еще к «доструктуралистскому» (1950-е гг.) периоду его деятельности. Г.К. Косиков выделяет три этапа в

---

⁶¹ Фр. *la vigile* – церк. канун праздника.

⁶² *Хайдеггер М.* О тайне башни со звоном // Хайдеггер М. Работы и размышления... С. 261.

⁶³ См.: *Гуревич А.Я.* Историк конца XX века в поисках метода. Вступительные замечания // *Одиссей. Человек в истории.* 1996. М., 1996. С. 5–10; *Репина Л.П.* «Постмодернистский вызов» и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 224–247.

⁶⁴ *Косиков Г.К.* Ролан Барт – семиолог, литературовед // *Барт Р.* Избранные работы... С. 6.

«тридцатилетнем “семиологическом приключении”» (с. 3) Р. Барта: «доструктуралистский» (50-е гг.), «структуралистский» (60-е гг.) и «постструктуралистский» (70-е гг.). По словам самого Барта, он «попытался подвергнуть систематическому осмыслению некоторые мифы, порожденные повседневной жизнью»⁶⁵ современной ему Франции.

Изучив «достаточное число фактов повседневности» (с. 47), Барт пришел к выводу в послесловии «Миф сегодня» о детерминированности «всего» в «обыденной жизни» вырабатываемым буржуазией, но распространяемым на все французское общество «представлением об отношениях между человеком и миром»⁶⁶. Повседневная жизнь, недоступная по Р. Барту так называемым «левым» мифам, – это «обширная область обычных человеческих отношений, целый слой «незначащей» идеологии», куда он относил «семейную жизнь, приготовление пищи, домашнее хозяйство, театр, правосудие, мораль и т.п.» (с. 117).

Анализируя изменение природы и статуса знания в эпоху постмодерна («недоверие в отношении метарассказов») **Жан-Франсуа Лиотар** (*Jean-Francois Lyotard, 1924–1998*) писал об обмене знаний «в рамках поддержания обыденной жизни (восстановление рабочей силы, «выживание»))» вместо распространения их в силу «”образовательной” ценности или политической значимости»⁶⁷. В то время как не «великие рассказы» (диалектика Духа, эмансипация человечества) оправдывают постмодернистский научный дискурс, а «маленький рассказ» (с. 144), «повседневный дискурс» переворачивается «в своего рода метадискурс» (с. 148).

---

⁶⁵ Барт Р. Из книги «Мифологии». Предисловие... С. 46.

⁶⁶ Барт Р. Из книги «Мифологии». Миф сегодня / Пер. с фр. Б.П. Нарумова // Барт Р. Избранные работы... С. 109.

⁶⁷ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.; СПб., 1998. С. 22.

Лиотар же цитировал в «Состоянии постмодерна» (*La condition postmoderne*, 1979) **Ж.-П. Гарнье**, в понимании которого «каждодневная жизнь» включала в себя достаточно широкое разнообразие сфер: «образование, здоровье, правосудие, культурную деятельность, урбанизм и архитектуру и т.п.»⁶⁸ При этом «новые эксперименты в каждодневной жизни» диагностировались как «альтернативные практики» по отношению к государству. Гарнье приводил пример связи между разведенными сферами каждодневного и государственного через взаимодействие негосударственного центра по социальным инновациям и государственных органов социальной защиты.

Именно импульсы, исходившие от **постмодернизма**, в частности пересмотр господствовавшей ценностной иерархии, сыграли не последнюю роль собственно в открытии повседневности и повседневного опыта как темы исследования и предмета научного анализа. Это открытие стало, по признанию ряда гуманитариев, одним из главных в прошлом столетии.

XX век был отмечен в гуманитарном знании и другим важным новшеством: **интеллектуальным поиском исторической ретроспективы женского опыта и концептуализацией философии пола, истории женщин, гендерной истории.** Причем женщины-историки соотносят эти открытия между собой⁶⁹.

В постмодернистской культуре особое значение приобретают обыденное мышление, организация повседневной жизни, повседневные жизненные практики, внимание исследователей концентрируется, в том

---

⁶⁸ *Garnier J.-P. Le marxisme lénifiant. Paris, 1979. P. 93. Цит. по: Лиотар Ж.-Ф. Указ. соч. С. 45.*

⁶⁹ См., напр.: *Davin A. Frauen und Alltagsgeschichte // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte / Hrsg. von Berliner Geschichtswerkstatt. Red.: H. Diekwisch et al. Münster, 1994. S. 37, 41.*

числе, и на «феноменах культуры повседневности (костюмах, моде, манерах, интерьере, стилистике частной и деловой переписки)». В качестве «культурных практик» последние стали предметом особого направления «**культурных исследований**» (*Cultural Studies*), связанных происхождением с британской интеллектуальной традицией. Близкое культурной антропологии расширительное толкование культуры «как способа жизни, как совокупности практик» предполагало включение ее «повседневно-бытовых» форм наряду с прочими в спектр изучения данного направления. Главный тезис о том, что «**культура обыденна**» (*Culture is ordinary*), пробуждал интерес к «многообразным способам жизни» обычных людей, их «повседневным практикам», формирующим образ мыслей, обретению ими культурных смыслов именно в «повседневном опыте»⁷⁰.

Из приведенного обзора видно, что интерес к историческому изучению повседневности, явственно проявившийся в последней трети XX в., возник не внезапно, а был подготовлен на протяжении всего столетия рядом идей и положений **философии жизни и концепции игровой культуры, феноменологии и экзистенциализма, постмодернизма и связанных с ним «культурных исследований»**. Также особо отмечается влияние представителей Франкфуртской школы⁷¹.

---

⁷⁰ Белова А.В. Понятие «повседневность»: историческое содержание и культурные смыслы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2007. № 25 (53). Вып. 3. С. 101–102.

⁷¹ Об этом см.: *Ehalt H.Ch. Geschichte von unten: Umgang mit Geschichte zwischen Wissenschaft, politischer Bildung und politischer Aktivierung // Geschichte von unten: Fragestellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags / Hrsg. von H.Ch. Ehalt. Wien, Köln, Graz, 1984. S. 13; Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности»... С. 3–19.*

В трактовках философов и культурологов, для которых «повседневность» была аналитической и одновременно оценочной категорией, в ее восприятии различимы как минимум **два подхода**: повседневность как непрерывность, сплошная среда, континуум и повседневность как сфера жизни или условная совокупность нескольких разрозненных сфер. Для историка повседневности первый подход, безусловно, является более продуктивным, поскольку позволяет увидеть в повседневности особое измерение человеческой жизни, многомерное «длящееся» пространство жизненных практик и восприятий. Отождествление же повседневности с одной из конкретных сфер жизни, в соответствии с другим подходом, таит в себе опасность сужения предмета исследования вплоть до сведения его к анализу исключительно бытовых аспектов культуры.

□ **Ключевые понятия.**

Понятие «повседневность», «каждодневность», «обыденность», «будни», «повседнебие», «будничник / будник», «обыденный», негативизация «повседневности», оппозиция игры и повседневности, «повседневное бытие здешности», «бытие повседневности», «повседневность здесьбытия», «повседневное здесьбытие», хайдеггеровский «мир “man” (фр. “on”)», «свой мир», «мифы, порожденные повседневной жизнью», факты повседневности, «поддержание обыденной жизни», «повседневный дискурс», «каждодневная жизнь», «культурные исследования», «повседневные практики».

□ **Вопросы для самопроверки.**

1. Почему термины, обозначающие повседневность, имеют выраженную в большей или меньшей степени негативную коннотацию?

2. Какие варианты современного слова «повседневный» бытовали в русском языке XI–XVII вв.?

3. Какова этимология слова «повседневный/повсядневный» в русском языке XI–XVII вв.?

4. Какие смыслы имели слова «будни» и «обыденность» в русском языке в XIX в.?

5. В каких культурологических теориях и философских направлениях складывались исторические смыслы концепта «повседневность»?

6. Какие основные подходы к трактовке понятия «повседневность» можно выявить у философов и культурологов в XX в.?

ТЕМА III. ОПРЕДЕЛЕНИЕ «ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ЖЕНЩИН, ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

План

1. Определения понятий «повседневность» и «женская повседневность».
2. Взаимосвязь истории повседневности с женскими исследованиями.
3. Ключевые понятия.
4. Вопросы для самопроверки.

□ Определения понятий «повседневность» и «женская повседневность».

Понятия «повседневность» и «женская повседневность» нуждаются в дополнительной теоретической разработке. В качестве одной из версий предложу свои определения «повседневности» и «женской повседневности».

На мой взгляд, **повседневность** – это **жизненный континуум, непрерывность опытов, практик, восприятий, а главное – переживаний, реализующих субъективность**. Не случайно история повседневности, в отличие от прочих направлений и методологических подходов, – именно «**пережитая**» история⁷².

Повседневность имеет формальную длительность, определяемую суточным, годичным, жизненным циклами индивида. Вместе с тем время

---

⁷² *Bausinger H.* Erlebte Geschichte – Wege zur Alltagsgeschichte // *Saeculum* 43. 1992. S. 95–107; *Burkardt A.* «Am Leben gescheitert?» Die Kritik der Mentalitätsgeschichte in Frankreich und der Alltag // *Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte...* S. 60.

повседневности – это субъективное время, дифференцируемое собственными вехами в зависимости от значимости того или иного индивидуального переживания и последующего воспоминания о нем. Эти вехи – структурообразующие ретроспективы повседневности – результат умножения определенного субъективного опыта на поле культурных смыслов. При этом континуум повседневности обеспечивает своеобразное вневременное тождество идентичности, исходя из понимания «<Эго, или Я, которое> постоянно сопровождается сознанием того, что оно идентично самому себе: как бы явно ни видел человек собственные телесные, духовные и душевные изменения, он знает, что все-таки «по сути» (т.е. в самой сердцевине Я) он всегда остается тем же»⁷³.

Объяснение феномена женской повседневности не исчерпывается простой применимостью изложенного выше определения к субъектам-женщинам. Речь идет о *качественной специфике* именно женских опытов и переживаний, жизненных практик и восприятий, поведенческих стратегий и отношений.

Под **женской повседневностью** (Frauenalltag) я понимаю **способы проживания и переживания всех разновидностей, форм, сфер и проявлений неинституционализованного женского опыта** (как отрефлексированного, так и ментального, вербального и телесного, эмоционального, культурно-символического, хозяйственного, религиозного, сексуального и др.). Важно подчеркнуть, что даже в рамках таких значимых в этнологическом и социологическом дискурсах институтов, как, например, родство, брак, семья и др., собственно женский опыт отличался разнообразием реакций, часто выходил за рамки предписываемых практик и «нормативных» поведенческих стратегий.

---

⁷³ Philosophisches Wörterbuch. Neu bearbeitet von G. Schischkoff. Stuttgart, 1991. S. 319.

«Неинституционализованный опыт» только и был специфически женским ввиду того, что опыт женщин в рамках того или иного социального института, конституируемого мужчинами, в чистом виде таковым не являлся. Не случайно, раскрывая термин «патриархатный», И.Л. Савкина замечает, что «патриархатные отношения являются структурными, они укоренены в социальных и культурных институциях и практиках и не могут быть объяснены системой выборов, субъективными намерениями конкретных индивидов – мужчин или женщин»⁷⁴. Институциональный женский опыт включался и адаптировался «мужскими» институтами. Причем, адаптация через унификацию, а не через плюральность – принадлежность мужского опыта. Опыт женского – это опыт плюрального, неуловимого в прямом и символическом смыслах, нефиксируемого или с трудом фиксируемого мужчинами.

□ **Взаимосвязь истории повседневности с женскими исследованиями.**

Тема **взаимосвязи истории повседневности с женскими исследованиями** нашла особое решение в работах женщин – историков и этнографов, – представительниц немецкой и английской историографий.

В частности, профессор, а в 1997–2003 гг. вице-президент университета в Гёттингене (*Göttingen*), **Карола Липп** (*Carola Lipp*, род. 1950), специалист в области культуры повседневности в эмпирических культурных исследованиях и этнографии, настаивает на тесном соединении этих синхронно развивавшихся исследовательских полей. С ее точки зрения, женские исследования часто относят к исследованиям

---

⁷⁴ См.: Савкина И. Пути, переулки и тупики изучения истории русской женской литературы // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века / Под ред. Е. Строгановой и Э. Шоре. Тверь, 2006. С. 17.

повседневности ввиду того, что *будни (der Alltag)* «как место прямой коммуникации и удовлетворения непосредственных потребностей аналогичны господствующей дефиниции гендерного характера *жизненного пространства женщины (der Lebensraum der Frau)*»⁷⁵. Она утверждает, что именно в женских исследованиях с их «микроскопическим взглядом» возникло большое число работ под заглавием «*женская повседневность*» (*Frauenalltag*), посвященных «жизненным и рабочим отношениям женщин всех слоев» (от работниц и служащих, крестьянок, портних или водительниц речных судов до супругов профессоров).

К. Липп делает чрезвычайно важный вывод о том, что **женские исследования форсировали развитие исследований повседневности**. По ее мнению, начавшееся в ранние 60-е гг. XX в. развитие этнографических женских исследований было также в значительной степени инспирировано дискуссиями женщин-историков и культурно-антропологическими начинаниями американских феминисток⁷⁶. «Аналогично изменялись и постановки вопросов: от описаний материальной повседневности к символическим аспектам повседневных поступков»⁷⁷.

---

⁷⁵ Lipp C. Alltagskulturforchung in der empirischen Kulturwissenschaft und Volkskunde // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte... S. 85.

⁷⁶ Lipp C. Überlegungen zur Methodendiskussion. Kulturanthropologische, sozialwissenschaftliche und historische Ansätze zur Erforschung der Geschlechterbeziehung // Frauenalltag. Beiträge zur 2. Tagung der Kommission Frauenforschung in der DGV. Frankfurt; Bern; N. Y., 1988. S. 29–46.

⁷⁷ Lipp C. Alltagskulturforchung in der empirischen Kulturwissenschaft und Volkskunde... S. 86. См. также: Schimpfende Weiber und patriotische Jungfrauen. Frauen im Vormärz und in der Revolution 1848 / Hrsg. von C. Lipp. Bühl-Moos, 1986.

Таким образом, проблематизация женской повседневности стала предметом сближения этнологии не только с женскими исследованиями, но и с историей повседневности. Обоюдность процесса провоцировалась тем, что история в последней трети XX в. явно ощущала на себе, по выражению представителя четвертого поколения французской исторической школы «Анналов» Жака Ревеля (*Jacques Revel*, род. 1942), «очаровывающее воздействие опыта этнологии»⁷⁸.

Анна Дэвин (*Anna Davin*, род. 1940) по праву считается не только одной из видных представительниц английской историографии, но и теоретиком истории женской повседневности – сравнительно нового научного направления⁷⁹. Активная участница английского движения исторических мастерских (*History Workshop movement*) – конференций по истории и историографии, доступных широким кругам, а также долгосрочных рабочих групп по истории, объединяющих как профессионалов, так и интересующихся дилетантов, – она известна своими трудами по женской рабочей истории. В ее работах тема взаимосвязи истории повседневности с женскими и гендерными исследованиями нашла особое решение⁸⁰.

---

⁷⁸ Ревель Ж. Микроанализ и воссоздание социального: Лекция, прочитанная в центре М. Блока 9 сентября 1994 г. М., 1995. С. 21. См. также расширенную версию: Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. 1996: Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996. С. 112.

⁷⁹ Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // ЭО. 2006. № 4. С. 85.

⁸⁰ Белова А.В. Взаимовлияние истории женщин и истории повседневности в концепции представительницы английской историографии Анны Дэвин // Великобритания: проблемы становления и модернизация политических, экономических и культурных форм развития: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 14 октября 2014 г. / отв. ред. И.И. Явнова. Стерлитамак, 2014. С. 96–98.

В отдельных национальных историографиях **причины маргинализации истории повседневности как научного направления** интерпретируются по-разному. А. Дэвин еще в 1990-е гг. связывала их с тем, что «господствующая сегодня культура презирает практическое: только теоретическое ценится высоко»⁸¹. По ее замечанию, «история повседневности видится как прикладная история,.. подходящая скорее для музеев и школ, чем для университетов». В конечном счете, элитарность академической среды, негласно отторгающей изучение «народных» практик, стала причиной неприятия нового направления в английской историографии. Единственное допущение для реконструкции повседневных активностей обществ прошлого делалось в рамках археологии из-за давно сложившихся связей последней с классическим образованием английских высших кругов.

В английской историографии история повседневности разрабатывалась, как отмечает А. Дэвин, «женщинами и дилетантами», в чем, по ее мнению, заключалось еще одно сходство с женской историей, и долгое время не признавалась академическим миром.

Вместе с тем А. Дэвин еще в начале 1990-х гг. вынуждена была констатировать, что **«мужчины, которые пишут этнически ориентированную историю, до сих пор мало занимались женскими и гендерными темами»** (S. 47). Напротив, **феминистские историки**, по ее убеждению, аргументируют то, что **вопросы социального пола, сексуальности, места и опыта женщин являются существенными для видения прошлого, не только обогащая, но и преобразовывая его** (S. 48). Исследование исторической субъективности, идентичности и сознания подчинено задаче «выяснения **контекстов**, внутри которых формируются **многообразные и часто наслаивающиеся идентичности женщин** (как

---

⁸¹ Davin A. a.a.O. S. 37.

женщины, но также как работницы и/или «не имеющей занятия», гетеросексуальной и/или гомосексуальной, матери или нет, замужней или свободной, англичанки и/или ирландки, еврейки, африканки, индианки, западноиндианки, члена того или иного класса), и обнаружения комплексных отношений между идеологией и практикой в этих областях» (S. 48).

Э. Дэвин, как и К. Липп, принадлежит к числу тех **женщин-историков, которые напрямую соотносят развитие истории женщин и истории повседневности**. Не случайно, одна из ее специальных статей посвящена этой взаимосвязи и носит характерное название **«Женщины и история повседневности»** (*Frauen und Alltagsgeschichte*)⁸². В этой статье, в частности, утверждается, что в Англии история повседневной жизни родилась из инициированных в конце 1960-х студентками и феминистками ежегодных конференций исторических мастерских, на которых, правда, еще не употреблялся сам термин «история повседневности» (S. 41). Э. Дэвин указывает на значительную социальную востребованность и истории женщин, и истории повседневности. По ее мнению, «вызывающие всеобщий интерес книги о женской жизни и биографиях женщин процветают» (S. 53), а «богато иллюстрированные книги (без сносок) об истории одежды, воспитании детей, истории мебели, инструмента, транспорта или различных повседневных вещей» (S. 53) не уступают им в популярности.

Э. Дэвин подчеркивает одно чрезвычайно важное обстоятельство: **более глубокое понимание различий в повседневных привычках, подтверждающее то, что общества меняются, а вместе с ними меняются и способы, которыми обычные люди ведут свою жизнь и оформляют свои отношения, должно также противодействовать фаталистическому**

---

⁸² Davin A. a.a.O. S. 37–58.

признанию сложившегося порядка вещей как «естественного» (S. 55). Это актуально, на мой взгляд, прежде всего в плане критического осмысления распределения социально-половых ролей и функциональных сфер в обществе. **История женщин и история повседневности открывают, с точки зрения Э. Дэвин, новые возможности до тех пор, пока осуществляется коммуникация между женщинами-историками разного профиля и женщинами-авторами и читательницами.** Это всегда было целью, правда, не всегда достигаемой исторических мастерских (S. 55).

В методологическом плане «узкий угол зрения на локальное или специфическое» может действовать столь же ограничивающе, сколь и «широкий обзор или слишком теоретический анализ» (S. 55). Поэтому **историком повседневности, по мнению Дэвин, будут востребованы разные инструменты анализа: и «микроскоп», и «телескоп» (S. 55).** Важно видеть историю вещей как историю их проектирования, производства, продажи и использования. Другой, теперь уже общий для большинства исследователей аспект, – положение о том, что «история женщин должна пониматься относительно мужчин» (S. 55). Это же относится и к истории старых и молодых, рабочего класса и других классов, традиционного и нового.

Тем не менее Э. Дэвин особо отмечает, что «специализированные истории структур или внешних знаков повседневной жизни ни в коем случае не достаточны» (S. 55). **Повседневность для нее связана с тем, как люди думают, чувствуют, взаимодействуют при регулярном исполнении своих обязанностей дома, во время работы или находясь в своем привычном материальном окружении.** При этом семья – не просто совокупность старых и молодых, мужчин и женщин. Она охватывает также хозяйственные, эмоциональные и властные отношения, которые обнаруживают вариации как при сравнении разных периодов

времени и разных мест, так и в течение одного и того же периода и на одном месте. «Значения домашнего очага, национальной идентичности, сексуальности, возраста, материнства, работы, этнической идентичности и религии варьируют и изменяются. И исследование вариаций и изменений столь же необходимо для таких понятий, как народность и традиция, которые имеют свою собственную историю, сколь и для нации, хозяйства или государства» (S. 55–56).

Своим окончательным выводом Энн Дэвин как бы солидаризируется с Каролой Липп, утверждая, что **«история женщин имела важное влияние на историю повседневности»** (S. 56). Это влияние заключалось прежде всего в том, что она способствовала **установлению связи между повседневными подробностями и общественными структурами пола, власти, сексуальности и культуры**. Одновременно рост числа исследований по практическим аспектам повседневной жизни помог, с точки зрения Э. Дэвин, документировать то, как люди жили в таких структурах. Более того, она убеждена, что **исследования по истории повседневности и истории женщин, плодотворно влияющие друг на друга, могут воздействовать на общее понимание истории в академическом мире и за его пределами** (S. 56).

□ **Ключевые понятия.**

«Повседневность», «женская повседневность», жизненный континуум, субъективность, «пережитая» история, субъективное время повседневности, структурообразующие ретроспективы повседневности, континуум повседневности, вневременное тождество идентичности, неинституционализированный женский опыт, патриархатные отношения, опыт плюрального, женские исследования, исследования повседневности, жизненное пространство женщины, этнографические женские исследования, история женской повседневности, движение исторических

мастерских, различия в повседневных привычках, «микроскоп» и «телескоп».

□ **Вопросы для самопроверки.**

1. Как автор учебника определяет понятия «повседневность» и «женская повседневность»?

2. В чем, по мнению автора учебника, заключается качественная специфика именно женских опытов и переживаний, жизненных практик и восприятий, поведенческих стратегий и отношений?

3. Что понимается под «неинституционализированным женским опытом»?

4. В чем заключается его отличие от институционального женского опыта?

5. В чем состоит взаимосвязь истории повседневности с женскими исследованиями?

6. Почему, с точки зрения Каролы Липп, женские исследования часто относят к исследованиям повседневности?

7. Почему проблематизация женской повседневности стала предметом сближения этнологии с женскими исследованиями и с историей повседневности?

8. Как Анна Дэвин объясняет причины маргинализации истории повседневности как научного направления в английской историографии?

9. Как Анна Дэвин трактует повседневность?

10. В чем, по мнению Анны Дэвин, заключалось влияние истории женщин на историю повседневности?

11. Как, по мнению Анны Дэвин, исследования по истории повседневности и истории женщин воздействуют на общее понимание истории?

ТЕМА IV. ИСТОРИОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

План

1. «История повседневности» как направление в историографии.
2. Интерес «истории повседневности» к женскому опыту.
3. Ключевые понятия.
4. Вопросы для самопроверки.

□ **«История повседневности» как направление в историографии.**

«История повседневности» существует как направление в историографии с конца 60-х гг. XX в.

Время и обстоятельства возникновения на волне бурных общественно-политических изменений и связанного с ними методологического бума в историографии 1960-х, а также пройденный путь от маргинализации к академическому признанию роднят ее с другой субдисциплиной – «историей женщин»⁸³.

Появление истории повседневности было обусловлено общезначимым методологическим поворотом в исторической науке, ознаменованным признанием инновационного потенциала **социальной истории** по отношению к политической, и последовавшей затем дифференциацией самих представителей социальной истории на тех, кто занимался **макроисторией классов, слоев и общественных изменений**, и

---

⁸³ О возникновении истории женщин см.: *Corbin A., Farge A., Perrot M. u.a. Geschlecht und Geschichte: Ist eine weibliche Geschichtsschreibung möglich? / Hrsg. von M. Perrot. Frankfurt am Main, 1989.*

«микроисториков», интересовавшихся, по словам **Винфрида Шульце** (*Winfried Schulze*), «повседневной жизнью нижних слоев»⁸⁴. Отсюда другое название истории повседневности – «история снизу» (*Geschichte von unten*)⁸⁵.

Это предопределило ее начало как демократического, научно-критического и политического (как ни парадоксально) проекта⁸⁶. Она исходила из намерения **показать якобы безымянным «простым людям» их историю**, а точнее, сделать ее отчетливой для других⁸⁷.

Основная интенция состояла в том, чтобы обнажить скрытое, озвучить, в том числе используя потенциал «устной истории» (*oral history*)⁸⁸, тех, кто, в отличие от элиты, не оставил собственных письменных свидетельств. В этом заключалось еще одно **сходство с историей женщин**, которых также предстояло «сделать видимыми» (как в 1970-е гг. сформулировали свою задачу авторы известного одноименного сборника американские исследовательницы **Р. Брайденталь и К. Кунз**)⁸⁹ и

---

⁸⁴ *Schulze W.* Einleitung // *Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion* / hrsg. von Winfried Schulze. Göttingen, 1994. S. 8.

⁸⁵ *Geschichte von unten: Fragestellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags...*; *Groh D.* “Geschichte von unten – Geschichte von innen”. Blick über die Grenzen // *Groh D.* *Anthropologische Dimensionen der Geschichte*. Frankfurt am Main, 1992. S. 175–181.

⁸⁶ *Davin A.* a.a.O. S. 37–58; *Lüdtke A.* *Stofflichkeit, Macht-Lust und Reiz der Oberflächen: Zu den Perspektiven von Alltagsgeschichte* // *Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion...* S. 75.

⁸⁷ *Lüdtke A.* a.a.O. S. 75.

⁸⁸ См., напр.: *Томпсон П.* *Голос прошлого: устная история* / Пер. 3-го англ. изд. М., 2003; *Хрестоматия по устной истории* / Автор введ., сост. и переводчик М.В. Лоскутова. СПб., 2003.

⁸⁹ *Becoming Visible: Women in European History* / Eds. R. Bridenthal, C. Koonz. Boston, 1977.

вывести из-под окутывавшего их, по выражению **Мишель Перро** (*Michelle Perrot*), «**покрова молчания**»⁹⁰. Правда, в отношении женщин замечу, что зачастую в безмолвии продолжали пребывать даже те из них, кто оставил после себя письменные тексты, ввиду того, что эти тексты попросту игнорировались, иногда сознательно замалчивались или неадекватно, а то и вовсе никак не интерпретировались традиционной историографией.

Вскоре стало ясно, что «не только рабочий», как пишет один из немецких теоретиков истории повседневности **Петер Боршайд** (*Peter Borscheid, Marburg*), «знает повседневность, но и политик, дворянин и священнослужитель»⁹¹. Аргументируя эту точку зрения, П. Боршайд проводит аналогию с понятием “*popular culture*”, подразумевающим не только культуру подчиненной части общества, но и всеобщие привычки, обычаи. «Если бы, – резюмирует он, – история повседневности ограничивалась только жизненными мирами бессильных и двигалась бы только по «следам побежденных» – такая новая книжная серия – она бы осталась историографическим ответвлением, которое вскоре запуталось бы в своих собственных паутинах»⁹².

Несмотря на то, что употребляемый П. Боршайдом мужской род обращает на себя внимание, в целом история повседневности априори была обречена на гендерную чувствительность, ведь среди депривированных и лишенных исторического голоса были люди разного пола и по-разному осознававшие свою половую идентичность. Что касается женщин, то их социальное подчинение и «бессилие»

---

⁹⁰ *Perro M.* История под знаком гендера // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история / Под ред. Н.Л. Пушкаревой. М., 2003. С. 45.

⁹¹ *Borscheid P.* Alltagsgeschichte – Modetorheit oder neues Tor zur Vergangenheit? // Über das Studium der Geschichte / Hrsg. von W. Hardtwig. München, 1990. S. 400.

⁹² *Ebd.*

определялись не только и не столько социальной позицией (которая могла быть и высокой), сколько именно принадлежностью к полу.

По мнению ряда ученых, **было бы ограничением сводить историю повседневности только к «истории снизу» или считать дополнением к «серьезной» истории, а, тем более, видеть в ней «историю будней» или описание быта**⁹³. Вопрос о **женской повседневности** предопределен пониманием того, что **«каждому человеку свойственна своя повседневность»**⁹⁴, которая может соотноситься как с частным, так и с публичным пространством жизни.

В 80–90-е гг. XX в. в национальных историографиях Австрии и Германии (в которых направление *Alltagsgeschichte* одно из ведущих) развернулись дискуссии социальных историков разного профиля относительно **содержания понятия «повседневность» и предмета «истории повседневности»**. Отражая процесс институционализации направления, эти дискуссии были спровоцированы тем, что в немецкоязычном мире исследования повседневности в известной мере все-таки были рецепированы у **французской школы «Анналов»**⁹⁵. Хотя Н.Л. Пушкарева справедливо разводит французский и немецкий подходы к изучению истории повседневности⁹⁶.

В ходе дискуссий акцентировалось, что в центре изучения «истории повседневности» стоят

---

⁹³ Ястребицкая А.Л. Город в системе повседневной культуры средневековья: костюм и мода // Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995. С. 344.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ См., напр.: *Ehalt H.Ch.* а.а.О. S. 14.

⁹⁶ См.: Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности»... С. 3–19.

- «формы восприятия и сознания прежде всего «маленьких людей», но также их материальные условия» (**Х.Х. Эхальт** (*Hubert Ch. Ehalt*), **Х. Конрад** (*Helmut Konrad*))⁹⁷,
- «жизненные миры» (вслед за **Альфредом Шютцем** (*Alfred Schütz*, 1899–1959))⁹⁸ – австрийский философ и социолог, последователь немецкого философа, основателя феноменологии Эдмунда Гуссерля (1859–1938), автора термина die “Lebenswelt” – «жизненный мир». У Гуссерля термин «жизненный мир» обозначает взаимосвязь дорефлексивных очевидностей и уверенностей, у Шютца – мир повседневности⁹⁹,
- «повторы человеческих поступков и мыслей, таким образом, как это выражается прежде всего в проживании, одежде и еде, в частной жизни и при исполнении служебных обязанностей, в удовольствии и общительности, а также в «культуре» в широком смысле» (**П. Боршайд**)¹⁰⁰.

Как видно, **П. Боршайд**, признающий наличие повседневности у представителей разных социальных слоев, не исключает и публичную сферу из ареала реализации повседневного и отнюдь не соотносит его только с частным пространством жизни.

---

⁹⁷ *Ehalt H. Ch., Konrad H. Vorwort der Herausgeber // Geschichte von unten: Fragestellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags... S. 7.*

⁹⁸ См.: *Borscheid P. a.a.O. S. 390.*

⁹⁹ См.: Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв и др. 2-е изд. М., 1989. С. 141–142, 753, 791. Н.Л. Пушкарева относит идеи и Э. Гуссерля и А. Шютца к общетеоретическим источникам истории повседневности. См.: *Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности»... С. 3–19.*

¹⁰⁰ *Borscheid P. a.a.O. S. 390.*

По мнению другого видного теоретика немецкой истории повседневности **Альфа Людтке** (*Alf Lüdtke, 1943–1919*), «история повседневности нацелена на постепенную реконструкцию поступков и образа действий, объяснений и чувствований людей»¹⁰¹. При этом, он утверждает, **«можно различить специфические способы переживания опыта, характерные для мужчин и женщин»**¹⁰².

Историю повседневности, таким образом, интересуют гендерно обусловленные субъективные опыты и переживания конкретных людей. Задача историка повседневности, в формулировке российского историка и этнографа **Н.Л. Пушкаревой**, – **«понять мир социума в терминах индивидуальных опытов и практик»**. По ее определению, «труд исследователя повседневности в этом смысле – **«конструкт конструктов»**, так как интерпретация чужих мыслей и слов всегда является **не просто нарративом, но транскриптом** – «переводом» с чужого эмоционального языка»¹⁰³.

При этом история повседневности коррелирует определенным образом и с историей структур. **П. Боршайд**, например, считает, что **«субъективные опыты и восприятия, переживания и образы жизни** будут передвинуты в поле зрения намного сильнее (однако, не исключительно), чем в истории структур, которая хочет исследовать главным образом структуры и процессы, “которые полностью не были известны решающим и действующим лицам, узнававшим о них или совсем ничего или только частично или искаженно”. Структуры должны

---

¹⁰¹ Lüdtke A. a.a.O. S. 75.

¹⁰² Людтке А. Что такое история повседневности?: Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 95.

¹⁰³ Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности»... С. 3–19.

дополнительно рассматриваться таким образом, как они появляются в повседневной жизни и там воспринимаются или нет»¹⁰⁴.

Американский историограф **Георг Иггерс** (*Georg G. Iggers, 1926–2017*), анализирувавший историю повседневности в интернациональном историографическом контексте, подчеркивает **взаимосвязь «между всеобъемлющими структурами и практикой субъектов»**, а также акцентирует внимание на изучении **«субъективности многих людей»**, что, по его мнению, ведет к новому пониманию истории, преодолению центристского и однолинейного ее видения¹⁰⁵. Самое важное, что «очеловечение истории» трактуется им как переход в историописании от больших процессов к истории на ограниченном пространстве с анализом **переживаний и жизненных опытов конкретных людей или маленьких групп людей, но всегда в рамках этих более больших процессов**¹⁰⁶.

Г. Иггерс особо отмечает, что история повседневности, дистанцировавшись от таких макроисторических категорий, как «рынок» и «государство», имеющих решающее значение для марксизма и различных форм социально-исторического знания, напротив, приняла идею того, что **господство и социальное неравенство являются основными факторами истории**. Только теперь эти факторы исследуются через **повседневные опыты людей** (S. 81).

Вслед за **Мишелем Полем Фуко** (*Michel Foucault, 1926–1984*) – французским философом, историком и теоретиком культуры, одним из представителей французского структурализма, – речь идет о том, как отношения **господства** (власти, *le pouvoir*) сказываются на отношениях между людьми. Наряду, например, с рабочей историей, исследующейся

---

¹⁰⁴ Borscheid P. a.a.O. S. 390.

¹⁰⁵ Iggers G.G. *Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert: ein kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang*. 2., durchges. Aufl. Göttingen, 1996. S. 75.

¹⁰⁶ Iggers G.G. a.a.O. S. 78.

«не только на макроуровне государства и рыночной экономики, но на очень личном уровне отношений людей на рабочем месте» (S. 82), подобная переориентация затронула и **историю женщин**, которая, по утверждению **Г. Иггерса**, отвернувшись от женского движения, первоначально центральной темы женских исследований, стала двигаться в направлении «**критической истории женской повседневности**» (S. 82).

Без введения категории пола, например, с точки зрения марксистского представления о классах, **женщина невидима как женщина**, о чем хорошо известно, в частности, по индифферентной к полу советской историографии. Можно даже предположить, что история повседневности изначально содержит гендерное измерение внутри себя. При этом отношения мужчины и женщины видятся как существенно неравные. Однако то, что для марксизма является классовой борьбой, определяется многими историками повседневности и микроисториками как сопротивление. Оно выражается не столько в привлекающем всеобщее внимание бунте, сколько в «изошренных формах ежедневного поведения» (S. 82).

□ **Интерес «истории повседневности» к женскому опыту.**

«Что придет после истории повседневности?» – так звучала провокационная тема подиумной дискуссии, состоявшейся 26 сентября 1992 г. в рамках 39-го Дня историка в Ганновере (Германия) в присутствии около 800 слушателей. Ее участники, видные представители немецкой исторической науки – **Уте Даниэль** (*Ute Daniel, Siegen*), **Вольфганг Хардтвиг** (*Wolfgang Hardtwig, Berlin*), **Юрген Кокка** (*Jürgen Kocka, Berlin*), **Ханс Медик** (*Hans Medick, Göttingen*) и **Альф Людтке** (*Alf Lüdtke, Göttingen*) под руководством **Винфрида Шульце** (*Winfried Schulze,*

München), – обсуждали центральные проблемы актуальной историографии на «поле» истории повседневности.

Тем самым они констатировали значение этого направления не только как **новой парадигмы истории**, но и как одной из доминантных перспектив обширной **постистории**, *Posthistoire*¹⁰⁷. Заглавный вопрос ганноверской дискуссии свидетельствовал об истории повседневности как об уже состоявшемся историографическом этапе, маркированном массой прикладных исследований и концептуально осмысленном в целом ряде общетеоретических работ¹⁰⁸. Расширенные статьи по материалам этой дискуссии, вызвавшей повышенный интерес участников Дня историка, были опубликованы отдельным изданием¹⁰⁹.

В западноевропейской историографии существовало многоликое направление, представленное часто сопоставляемыми немецкой «**историей повседневности**»¹¹⁰, итальянской «**микроисторией**»¹¹¹ и французской «**историей ментальностей**»¹¹², обозначилась сфера занятий и методы

---

¹⁰⁷ О понятии «постистория» и о том, «закончилась ли история», см.: *Niethammer L.* unter Mitarbeit von D. van Laak. *Posthistoire: Ist die Geschichte zu Ende?* Hamburg, 1989.

¹⁰⁸ Выборочно историографию истории повседневности и понятия «повседневность» см.: *Schulze W.* а.а.О. S. 15–16.

¹⁰⁹ *Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion...*

¹¹⁰ *Hardtwig W.* *Alltagsgeschichte heute. Eine kritische Bilanz // Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion...* S. 19–32; *Lüdtke A.* а.а.О. S. 65–80; *Людтке А.* Что такое история повседневности?.. С. 77–100.

¹¹¹ *Ревель Ж.* Микроанализ и воссоздание социального...; *Его же.* Микроисторический анализ и конструирование социального... С. 110–127; *Medick H.* *Mikro-Historie // Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion...* S. 40–53.

¹¹² *Bruguière A., Burke P., Chartier R., Le Goff J., Hutton P. H., Meier Ch., Sprandel R., Vovelle M.* *Mentalitäten – Geschichte: Zur historischen Rekonstruktion geistiger Prozesse*

историков повседневности, отличающие их от микроисториков, историков частной жизни, социальных историков и этнологов.

В национальных историографиях Австрии и Германии процесс институционализации направления истории повседневности (*Alltagsgeschichte*) в середине 1980-х – 1990-х гг. настойчиво осмыслялся как содержательно и методически преемственный с французской «историей ментальностей» и спровоцированный, по выражению В. Шульце, «триумфальным шествием этой парадигмы по западному миру»¹¹³, несмотря на высказывавшееся параллельно критическое отношение к «истории ментальностей» в свете немецких исследований повседневности¹¹⁴.

В работах немецких женщин-историков в одном ряду оказывались не только история повседневности и история ментальностей, но и история женщин, или, как обобщенно назвала эти три субдисциплины У. Даниэль, «новые истории дефиса» (по-немецки *Alltags-, Mentalitäts-, Frauengeschichte*), противостоявшие, по ее мнению, в дискуссиях 1980-х гг. социальной истории¹¹⁵.

Представители третьего поколения школы «Анналов» Ж. Дюби (*Georges Duby*) и М. Перро (*Michelle Perrot*) в предисловии к широко известной и уже ставшей классической во французской историографии пятитомной «Истории женщин» отмечали, что выведению женщин из «тени истории» во многом способствовала, наряду с подъемом антропологии, история ментальностей, которая как раз «уделяла

/ Hrsg. von U. Raulff. Berlin, 1987; Kessel M. Mentalitätengeschichte // Geschichtswissenschaften: Eine Einführung... S. 235–246.

¹¹³ *Ehalt H.Ch.* a.a.O. S. 14; *Schulze W.* a.a.O. S. 11; *Hardtwig W.* a.a.O. S. 19.

¹¹⁴ *Burkardt A.* a.a.O. S. 59–77.

¹¹⁵ *Daniel U.* Quo vadis, Sozialgeschichte? Kleines Plädoyer für eine hermeneutische Wende // Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion... S. 54–55.

большее внимание **повседневной жизни, приватному и индивидуальному»**¹¹⁶.

Реализация фундаментального труда по «истории женщин» изначально **корреспондировала с изучением «женской повседневности»**, поскольку имела целью исследовать **«их жизненные миры, их роли и власть, образы действий, их молчание и говорение»**¹¹⁷. Еще раньше, отвечая на вопрос, «возможна ли история женщин», французские историки – авторы одноименного коллективного труда – **А. Корбен (Alain Corbin), А. Фарж (Arlette Farge), М. Перро** и другие связывали ее с использованием **антропологических методов и источников, понятийного аппарата истории ментальностей и подхода истории повседневности**¹¹⁸.

Очевидна прямая зависимость постановки **вопроса о женской повседневности** от позиции историка, в том числе от внутренней методологической установки на антропологически ориентированную историю¹¹⁹ с учетом социально-половых различий¹²⁰. Сложно изучать

---

¹¹⁶ *Duby G., Perrot M.* Vorwort. Eine Geschichte der Frauen schreiben // Geschichte der Frauen / Ed. G. Duby; M. Perrot. Bd. 4: 19. Jahrhundert / Hrsg. von G. Fraisse und M. Perrot. Frankfurt/Main; N. Y., 1994. S. 9.

¹¹⁷ Ebd.

¹¹⁸ *Corbin A., Farge A., Perrot M. u.a.* a.a.O. S. 8.

¹¹⁹ *Burke P., Geertz C., Ginzburg C., Isaac R., Sahlins M., Turner V.* Das Schwein des Häuptlings: Sechs Aufsätze zur Historischen Anthropologie / Hrsg. von R. Habermas und N. Minkmar. Berlin, 1992; *Gebauer G., Kamper D., Lenzen D., Mattenklott G., Wulf Ch., Wünsche K.* Historische Anthropologie: Zum Problem der Humanwissenschaften heute oder Versuche einer Neubegründung. Hamburg, 1989; *Groh D.* Anthropologische Dimensionen der Geschichte...; *Vogel J.* Historische Anthropologie // Geschichtswissenschaften: Eine Einführung... S. 295–306.

¹²⁰ *Пушкарева Н.Л.* Как заставить заговорить пол? (гендерная концепция как метод анализа в истории и этнологии) // ЭО. 2000. № 2. С. 27–42; *Она же.* Женская

повседневность, если не видеть в этом **один из способов исторической интерпретации человеческой субъективности во всех многообразных («возможных и невозможных») ее проявлениях**, не признавать значимости многих субъективностей в реализации исторического прошлого. Каждый момент, в который действуют или бездействуют, думают о чем-то или не думают, чувствуют или не чувствуют, рефлексиируют над собой или не рефлексиируют множество субъектов, причем обязательно каким-то образом осознающих свою половую идентичность, есть история в исконном понимании как «прошлое: то, что уже было, что происходило во времени и уже прошло»¹²¹.

Другое дело, что любой историк имеет право решать для себя – интересоваться **человеческой субъективностью** или предпочитать «не видеть» ее за флёром процессов, тенденций, структур. История повседневности предоставляет шанс «всем желающим» попытаться **увидеть, услышать, понять людей прошлого**, и, вместе с тем, убедиться, что это историческое прошлое – не абстрактное, а «живое» – **сплетается из множества отдельных жизненных реальностей конкретных женщин и мужчин**.

Объективируется же историческое прошлое, если говорить не об абстракции, а о реальности, в неразрывной сети исчисляемых человеческих поколений. С культурологической точки зрения наиболее наглядное сопоставление – пример того, как в библейском повествовании история мира разворачивается через название непрерывной преемственности поколений. По одной из других версий, **«история в ее**

история, гендерная история: сходства, отличия, перспективы // Социальная история. Ежегодник, 2003... С. 9–44.

¹²¹ *Серебряный С.Д.* Введение // История мировой культуры: Наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение: Курс лекций / Под ред. С.Д. Серебряного. М., 1998. С. 21.

объективированном состоянии» – «та, что в течение длительного времени аккумулировалась в вещах и машинах, зданиях и книгах, а также в обычаях, праве, во множестве разновидностей норм и институтов, которые служат посредниками во взаимодействиях людей»¹²².

Ставшее трюизмом соотнесение представительниц и представителей двух полов с функционально «разделенными» частной и публичной сферами¹²³ дает основание полагать, что многообразные опыты индивидов, в том числе и ежедневные, в каждой из этих сфер отличались. Равно как и опыты женщин и мужчин в одной и той же сфере не были схожими. При этом **женская повседневность**, формально сопряженная в истории со сферой приватного, как минимум, **не менее релевантна для интерпретации социокультурного контекста, чем «противоположная» ей мужская**, поскольку она составляла особое измерение в культуре и по-особому функционировала.

Само слово «повседневность» – **женского рода** и в русском, и в немецком (*die Alltäglichkeit*) языках, в которых есть эта отдельная лексема. В английском и французском языках – в отсутствии отдельной лексемы – «повседневность» передается выражением «повседневная жизнь» (*everyday life, la vie quotidienne*). В немецком, как и в русском, выражение «повседневная жизнь» – *das Alltagsleben* – сосуществует со словом «повседневность» (*die Alltäglichkeit*). Есть в немецком языке и слово «будний день», «будни», – оно мужского рода: *der Alltag*.

При определенной осмотрительности, можно задаться вопросом: сказывается ли это на содержании и коннотациях данного понятия. Известно, что грамматический род наименования способен задавать образ

---

¹²² См.: Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М., 1998. С. 25–26.

¹²³ Подробнее о концепции «разделенных сфер» см.: Репина Л.П. Гендер, власть и «теория разделенных сфер» // Репина Л.П. «Новая историческая наука»... С. 194–208.

восприятия самого феномена, и, что историография обращает внимание на особенности такого рода. В частности, **Лутц Нитхаммер** (*Lutz Niethammer*), противопоставляя **историю** (*die Geschichte*) **постистории** (*das Posthistoire*) признавал, что в немецком и французском языках «история» ((также и в русском) – слово женского рода: *die Geschichte*, *l'histoire (f)*) столь же «женственна», сколь и ее муза Клио: «Уже громоздкое словосочетание <das Posthistoire>, по-французски звучащий неологизм, чуждо французскому языку и дополнительно выделяется (в немецком. – А.Б.) артиклем среднего рода, так как его французский язык также не знает. История (как коллективное единственное число) на обоих языках так же женственна, как и ее муза Клио...»¹²⁴.

Значение истории женской повседневности как научного направления в современном историческом и социально-этнологическом знании велико. Проблематизация женской повседневности позволяет сделать **объектами этнологического изучения те культуры, которые никогда не маркировались как традиционные**, и следовательно, не привлекали внимания этнологов и антропологов. Именно исследование женской повседневности станет одним из искомых реальных путей «интеграции истории женщин в пространство всеобщей истории»¹²⁵.

При этом **аналитический подход к женской повседневности** позволяет реализовать **новое качество** исторического и этнологического исследования, поскольку история повседневности, будучи, в отличие от прочих направлений и методологических подходов, «**пережитой**» **историей**¹²⁶, – это, как назвал ее бросающий «взгляд через границы» немецкий историк **Дитер Гро** (*Dieter Groh*), «**история изнутри**»

---

¹²⁴ *Niethammer L. Einladung zur Spurensuche im Zeitgeist // Niethammer L. a.a.O. S. 8.*

¹²⁵ *Ретина Л.П. «Новая историческая наука»... С. 214.*

¹²⁶ *Bausinger H. a.a.O. S. 95–107; Burkardt A. a.a.O. S. 60.*

*(Geschichte von innen)*¹²⁷.

Как вариант социальной истории, история повседневности принимает в расчет целостное восприятие человеческой жизни в разных циклах – от рождения до смерти, через череду повторяющихся природных сезонов в течение каждого календарного года, с утра до вечера на протяжении суток. Поскольку время, в котором реализовывалась историческая повседневность – сверхмедленное и «структуры повседневности» являлись **реальностями «длительных циклов»**, то важно понять, можно ли выявить элементы динамики в эволюции повседневных опытов людей, каково соотношение в них неизменного и «нового».

Постановка проблемы женской повседневности показывает, что результаты такого исследования позволят уяснить не только особенности самих повседневных опытов и переживаний, но и специфику социально-половых отношений и идентичностей в культурной модели. Изучение **женской повседневности как способа исторической интерпретации человеческих субъективностей в их многообразных проявлениях** может стать одним из реальных вариантов перехода от событийно-политизированной истории структур к антропологизированной гендерно чувствительной социальной истории. Однако новое качество последней во многом зависит от признания познавательного потенциала «пережитой» истории, от переоценки значения субъективных источников и собственно плюральности исторических субъективностей, переживаний и опытов для интерпретации прошлого. Вклад в это социальной антропологии женской повседневности невозможно переоценить.

□ **Ключевые понятия.**

---

¹²⁷ Groh D. «Geschichte von unten – Geschichte von innen»... S. 175–181.

Социальная история, макроистория, микроистория, «история снизу», «устная история», «сделать видимыми», «покров молчания», «своя повседневность», школа «Анналов», «маленькие люди», «жизненные миры», мир повседневности, способы переживания опыта, «конструкт конструктов», субъективные опыты и восприятия, «субъективность многих людей», «критическая история женской повседневности», женщина невидима как женщина, постистория, «история ментальностей», «новые истории дефиса», «пережитая» история, «история изнутри», «структуры повседневности», реальности «длительных циклов», человеческие субъективности.

□ **Вопросы для самопроверки.**

1. Каков социально-исторический контекст возникновения «истории повседневности» как направления историографии?
2. Какие основные определения и интерпретации выявили дискуссии социальных историков относительно содержания понятия «повседневность» и предмета «истории повседневности»?
3. Чем обусловлен интерес «истории повседневности» к женскому опыту?
4. Какие познавательные возможности открывает аналитический подход к женской повседневности?
5. В чем заключается источниковедческий потенциал «пережитой» истории?

ТЕМА V. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

План

1. Эго-документы как дисплей женской субъективности.
2. Специфика источников по изучению женской повседневности.
3. Женские автодокументы как источник по изучению социальной антропологии женской дворянской повседневности.
4. Ключевые понятия.
5. Вопросы для самопроверки.

□ Эго-документы как дисплей женской субъективности.

Своеобразным дисплеем женской субъективности являются так называемые «субъективные источники» (*subjektive Quellen*)¹²⁸ в немецкой истории повседневности, иначе называемые «частными источниками»¹²⁹ во французской традиции, или «источниками личного происхождения»¹³⁰ в российской. Это важнейшие источники по истории повседневности: **письма, дневниковые записи, автобиографические тексты, мемуары, частные альбомы и журналы, книги домашних расходов**¹³¹. Существенно, что они не только служат источниками типичного для своего времени восприятия внешних событий, но

---

¹²⁸ *Diekwisch H.* Einleitung // *Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte...* S. 10.

¹²⁹ *Перро М.* Указ. соч. С. 50.

¹³⁰ *Румянцева М.Ф.* Исторические источники XVIII – начала XX века // *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособ.* / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 466.

¹³¹ *Diekwisch H.* а.а.О. S. 9–11; *Davin A.* а.а.О. S. 39.

прежде всего выражают **грань внутриспсихического переживания, сокровенные мечты и страхи, сознательные и бессознательные стратегии действия и вытеснения**¹³². Следует заметить, что письменные источники личного происхождения могут содержать **записи устной коммуникации**, дающей представление о повседневном дискурсе, его содержании, функциях и свойствах.

Также к источникам по истории повседневности относятся **предметы обихода, визуальные свидетельства**, такие как **частные семейные фотографии**, которые могут оказаться своеобразным «резервуаром воспоминаний»¹³³.

Важное значение имеют и источники, на которых базируется **устная история** (*oral history*), а именно **интервью-воспоминания**. Последние позволяют **выявить плюральность культур и жизненных укладов, сделать акцент на различиях ценностных ориентаций и мотиваций человеческих действий, отказаться от монолитной картины мира**, якобы присущей людям разного пола, находящимся на разных уровнях властных иерархий.

□ **Специфика источников по изучению женской повседневности.**

С учетом специфики источников по изучению женской повседневности еще более отчетливыми становятся **отличия ее от мужской повседневности**.

Мужчины – авторы «воспоминаний» или «записок» – в большинстве своем преследовали цель вписать себя, какие-то вехи своих индивидуальных биографий в общественный, точнее, государственный и,

---

¹³² Diekwisch H. a.a.O. S. 10.

¹³³ Ebd.

шире, исторический контекст. Даже при ведении образа жизни частного лица **позиционирование себя в «мужских» текстах коррелировало со сферой публичного**. Это непосредственно отразилось на жанровом своеобразии этих текстов, относимых с источниковедческой точки зрения к **мемуарам**, в отличие от женских, которые, вне зависимости от формальных названий, писались как **автобиографии**¹³⁴.

Интересно, что в «мужских» **автобиографиях**¹³⁵, подчас представляющих собой расширенную версию послужного списка, можно вообще не встретить той самой «пережитой» истории, с которой и отождествляется повседневность. Нередко доминировавшие конструкты мужественности ориентировали мужчин на табуирование описаний собственных переживаний, внутренних эмоциональных опытов, избегание в текстах подробностей того, что происходило с ними изо дня в день в пределах частного пространства жизни и не добавляло им, в их же глазах, большей значимости с точки зрения публичной репрезентации.

В **женских письмах** реже, чем в мужских, содержатся упоминания о фактах общественно-политической значимости, принадлежащих событийной истории, а чаще – описания повседневных реалий и личных переживаний¹³⁶. Вместе с тем в источниковедении долгое время

---

¹³⁴ См.: *Пушкарева Н.Л.* У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62–69; *Ее же.* Гендерная лингвистика и исторические науки // ЭО. 2001. № 2. С. 31–40; *Савкина И.Л.* «Пишу себя...»: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Тампере, 2001.

¹³⁵ См., напр.: Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова: Автобиография // Давыдов Д.В. Гусарская исповедь: Стихотворения. М., 1997. С. 5–20; *Суворов А.В.* Автобиография // А.В. Суворов – великий сын России. М., 2000. С. 15–79.

¹³⁶ *Белова А.В.* Женская эпистолярная культура и дворянская повседневность в России конца XVIII – первой половины XIX века // Российские женщины и европейская

преобладал **утилитарный подход к источникам личного происхождения**, в том числе к частной переписке, исключительно с точки зрения извлечения конкретных исторических фактов¹³⁷. Именно поэтому **письма женщин занимают маргинальную позицию в иерархии исторических источников, основанной на критерии узко понимаемой документальности и «мнимой объективности»**¹³⁸. Одним из наглядных подтверждений служит не востребованность женских писем как источника и в центральных (например, Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Центральный государственный архив города Москвы, Отдел хранения документов до 1917 года (ЦГА Москвы, ОХД до 1917 года), ранее ЦИАМ), и в региональных архивах (Государственный архив Тверской области (ГАТО)).

Акцент в мужских письмах почти всегда делается на описании **очевиднособытийного**, причем эта внешняя по отношению к мужчине как к субъекту событийность практически никогда не связана с внутренним миром его собственной эмоциональности. В мужском дискурсе запечатлеваются некие условно общезначимые, с точки зрения этого дискурса, факты и события, характеризующие **мир вокруг мужского субъекта**. Письма мужчин либо отражают уже существующую включенность их в иерархию, либо как раз выстраивают такую иерархию.

культура: Мат-лы V конф., посв. теории и истории женского движения (Санкт-Петербург, 7–9 июня 2001 г.) / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб., 2001. С. 49–55; *Ее же*. «Женское письмо» в дворянской культуре России конца XVIII – первой половины XIX века... С. 260–273; *Belova A.* Women's Letters and Russian Noble Culture of the Late 18th and Early 19th Centuries... P. 147–161.

¹³⁷ См.: *Белова А.В.* «Женское письмо» как источник по истории российской дворянской повседневности... С. 117.

¹³⁸ *Будде Г.-Ф.* Пол истории // Пол, гендер, культура: немецкие и русские исследования / под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. М., 1999. С. 140.

В мужских письмах прочитывается **субординированность по отношению к адресату** вне зависимости от пола последнего.

Для женщин же характерно и, следовательно, более значимо **установление горизонтальных связей, создание «сети отношений»** (термин К. Гиллиган), **вместо акцентирования властной вертикали**. Искренняя привязанность предпочитается ими маркированию статусов. **Для женщины написание писем – постоянно возобновляющееся переживание собственной субъективности**, для мужчины, как правило, вынужденная необходимость передачи конкретной информации или поиска защиты, протекции, покровительства.

Анализ **мемуаров** женщин, живших в разное время и принадлежавших к разным социальным, имущественным, конфессиональным слоям, связан с попыткой реконструировать весьма многоликий «парад» идентичностей, выяснить особенности восприятия возраста с учетом влияния разнообразных факторов. При этом важным методологическим нюансом является учет присущей мемуаристкам своего рода **неявной установки на публичность записанного**. Даже в случаях, когда они прямо заявляли о своем нежелании делать написанное достоянием гласности (а это является чуть ли не канонической чертой большинства женских автодокументальных текстов), вспоминая, «прокручивая» в памяти, «переживая» заново и фиксируя на бумаге пережитые опыты, прежние ощущения и восприятия (часто травматичные), они как бы **переконструировали прожитую жизнь и самих себя, моделировали собственную идентичность в глазах читателя** (или хотя бы **авточитателя**), тем самым стремились к преодолению наиболее болезненных и наименее выигрышных переживаний и оценок.

□ **Женские автодокументы как источник по изучению социальной антропологии женской дворянской повседневности.**

На рубеже XX–XXI вв. институционализация и академизация истории повседневности и социальной истории памяти как новых научных направлений в российской историографии привели к повышению эвристической значимости источников личного происхождения и усилению дискуссионности используемых для их обозначения научных терминов. Важно понять **информационные возможности женских автодокументов** как источников по социальной антропологии женской повседневности и истории женской социальной памяти.

При комплексном анализе проблем **женского автодокументального нарратива XVIII – середины XIX в.** наибольшую научную значимость имеют исторические источники личного происхождения – **эпистолярные, мемуарные, автобиографические, дневниковые, устно-исторические.** В момент написания они отражали многие важные аспекты повседневной жизни и менталитета дворянок, их субъективного мировосприятия, переживаний, своего рода автовзгляда на себя, воспитания в провинции¹³⁹, культурно-бытового уклада. Тексты, авторство которых принадлежит самим образованным и «пишущим» дворянкам, запечатлевшим в письмах, «своеручных записках», мемуарах, дневниках свое особое видение себя на разных этапах жизненного цикла, голоса «их самих», а не «о них», представляют наибольший источниковедческий интерес как для изучения провинциальной повседневности, так и женской социальной памяти.

---

¹³⁹ Белова А.В. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.: «корневое» и «иноземное»... С. 32–44.

Методологическое изучение женской дворянской повседневности¹⁴⁰ расширяет границы истории российского дворянства, которое традиционно в отечественной историографии представлялось как служилое сословие мужчин, делает наши знания о прошлом более достоверными, обращенными к жизненным реалиям и судьбам, переживаниям и ощущениям конкретных людей, не только мужчин, но и женщин, позволяет совершенно иначе представить этнологический образ русской провинциальной дворянки – как пишущей, мыслящей, рассуждающей о себе, своей настоящей и прожитой жизни, соотносящей удачу и поражения – по сравнению с привычным для большинства «образом Коробочки», хотя и такие типажи, наверняка, встречались в российской провинции.

Автодокументы, понимаемые как особый дискурс, или язык описания дворянской культуры, могут быть сопоставлены с другими дискурсами, например официальных документов и литературных произведений. При этом по отношению к последним **автодокументы формируют аутентичный язык ее самоописания**. В сопоставлении разных дискурсов, их соотношении между собой состоит один из методов современного исторического исследования – так называемый дискурсивный. Наряду с анализом нормативных и делопроизводственных материалов, не вполне репрезентативных для изучения этических требований самоорганизации сообщества, не упоминание в письмах и мемуарах дворянок общественно осуждаемого поведения позволяет судить о том, какие темы и почему замалчивались в **женском автодокументальном дискурсе**, о чем могла или не могла позволить себе

---

¹⁴⁰ Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический... С. 25–67.

писать барышня/барыня, о чем принято или не принято было рассуждать «на письме» в определенном социальном кругу.

Анализ автодокументального дискурса «женского письма»¹⁴¹ в русской дворянской повседневности побуждает к определению **источниковедческой специфики собственно эпистолярных текстов.** Письма русских провинциальных дворянок конца XVIII – первой половины XIX в. представляют собой очень важный и репрезентативный, но, к сожалению, мало изученный и практически неизвестный широкой научной общественности даже в России исторический источник. Этому есть несколько объяснений.

Одна из причин недостаточной изученности женских писем заключается в том, что этот вид исторических источников плохо сохранился. Вообще, ко всему, что писалось женщинами, отношение было несерьезным. Зачастую женские письма, дневники, альбомы сваливали на чердак или в кладовую вместе со старыми ненужными вещами. Именно о таком отношении к рукописям матери писал в своих воспоминаниях князь П.А. Кропоткин. Много, разумеется, погибло еще в XIX в., затем было уничтожено во время разорения дворянских усадеб в период революции 1917 г. Но существовали и «внутренние» факторы. Иногда сами девушки, выходя замуж, уничтожали «следы» своей добрачной жизни, письменные свидетельства своего взросления, интеллектуальных интересов и эмоциональных привязанностей.

Вторая и самая главная, связана с их неопубликованностью и, следовательно, с необходимостью очень кропотливой предварительной источниковедческой работы по выявлению этих писем в областных российских архивах, их прочтению, копированию и систематизации.

---

¹⁴¹ Белова А.В. Дискурсы «женского письма» в русской дворянской повседневности конца XVIII – первой половины XIX вв... С. 64–69.

Сложности прочтения обусловлены некоторыми специфическими особенностями рукописной традиции того времени, разной степенью сохранности писем, а иногда наличием грамматических ошибок, искажающих их содержание. Поскольку задача введения их в научный оборот находится на стыке изучения истории женщин, локальной истории и истории повседневности, причем процесс институционализации двух последних направлений в российской исторической науке нельзя считать завершенным, для столь трудоемкого «раскапывания» писем провинциальных дворянок, безусловно, нужна особая мотивация. Тем более, что невыявленность этих писем отчасти компенсируется в современном историко-феминистическом дискурсе уже опубликованными письмами и мемуарами некоторых гораздо более известных столичных и провинциальных дам.

Третья причина недостаточной изученности писем провинциальных дворянок состоит в преобладавшем до недавнего времени утилитарном, сугубо прагматическом подходе ко всем вообще источникам личного происхождения. В них видели исключительно средство трансляции так называемых «объективных» исторических фактов и оценивали их значимость с точки зрения наличия или отсутствия таковых и формальной «осведомленности авторов в тех или иных вопросах»¹⁴². Сами по себе как феномен определенной культуры, как выражение чьей-то, а тем более женской, субъективности и эмоциональности они не рассматривались и не интерпретировались.

По причине того, что **именно в женских письмах реже можно встретить упоминания о фактах общественно-политической**

---

¹⁴² *Никитин С.А.* Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х годов): Курс источниковедения истории СССР / Под ред. Ю.В. Готье. М., 1940. Т. II. С. 145.

значимости, принадлежащих событийной истории, а чаще описание повседневных реалий и личных переживаний, эти письма, как отмечалось выше, занимали маргинальную позицию в иерархии исторических источников, основанной на критерии узко понимаемой документальности. В соответствии с этим критерием традиционного источниковедения личная переписка как источник не сопоставима по своему эвристическому потенциалу, например, с законодательством, актовыми или делопроизводственными материалами.

Характерно, что в одном из самых авторитетных российских учебников по источниковедению издательства РГГУ 1998 г. частная переписка вообще, не говоря уже о женских письмах, не анализируется, наряду с другими, как вид исторических источников применительно к XVIII–XIX вв. Тем не менее очевидно, что именно к этому времени относится **«массовое» распространение в российском дворянском быту регулярной частной переписки, связанное, в первую очередь, с процессом обособления индивида и оформления пространства «приватной жизни», отделенной от публичной сферы.**

В отличие от традиционного источниковедения это не осталось незамеченным исторической феминисткой, именующей источники личного происхождения, к которым наряду с мемуарами и дневниками относят письма, **«ego-документами»** (Н.Л. Пушкарева), и современным литературоведением, рассматривающим их в качестве **«автодокументов»**, или **«автодокументальных жанров»**, то есть текстов с **«установкой на подлинность»** (И.Л. Савкина).

Под **женскими автодокументами**, в которые И.Л. Савкина включает женские письма, дневники и воспоминания, написанные в России, она понимает **тексты, которые «настаивают» на соотнесенности с реально бывшим, имеющие «установку на подлинность» за счет**

удостоверения авторского Я, субъекта дискурса¹⁴³. Вообще же, само словосочетание без терминологического значения употреблялось в отечественной литературной критике еще в 1970-е гг. Наряду с этим термином употребляются и другие, например **«авторереференциальные тексты»** (М. Медарич).

Почему **термин «автодокументальные» источники предпочтительнее «источников личного происхождения»?** Причина в том, что за последними закреплены совершенно определенные, «принятые» смыслы, а главный из них – наименьшая существенность данной группы видов исторических источников среди прочих, последнее место в иерархии источников.

Однако именно **такое отношение к «субъективным» источникам и пытается преодолеть методология истории повседневности**, для которой важны не только заметные личности, но и «рядовые», как бы ничем не примечательные, рассуждения о событиях и явлениях не только государственной и общественно-политической важности, но и самых что ни на есть «обыденных», повторяющихся, не имеющих публичного резонанса. Автодокументальная традиция, за которой для меня стоят, прежде всего, конкретные человеческие судьбы, «живые» люди, их переживания и ощущения в определенном историческом времени и пространстве, подчас, действительно, **«становится понятием одушевленным и мыслящим»**¹⁴⁴.

---

¹⁴³ Савкина И. «Пишу себя...»... С. 10.

¹⁴⁴ Белова А.В. Женский автодокументальный дискурс в источниках личного происхождения XVIII – середины XIX в. // Документы личного происхождения в теории и практике научных исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения медиевистов А.Я. Гуревича и М.М. Фрейденберга (г. Тверь, 30–31 мая 2014 г.) / отв. редактор Н.В. Серeda. Тверь, 2014. С. 42–50.

Таким образом, **женские автодокументы как источники по истории женской провинциальной повседневности и социальной памяти обладают существенным эвристическим потенциалом.** Их информационные возможности обусловлены прежде всего особой ролью в организации социальной коммуникации дворянства и автокоммуникации образованных женщин, для которых нарративная идентичность становилась не только способом конструирования прожитой реальности, но и важным свидетельством сопричастности коллективной идентичности общества.

□ **Ключевые понятия.**

Эго-документы, дисплей женской субъективности, субъективные источники, частные источники, источники личного происхождения, «мнимая объективность», «сеть отношений», женские автодокументы, женский автодокументальный нарратив, автовзгляд, автодокументы как дискурс, язык самоописания, дискурсивный метод исторического исследования, женский автодокументальный дискурс, частная переписка, автодокументальные жанры, установка на подлинность, автореференциальные тексты, эвристический потенциал, автокоммуникация, нарративная идентичность.

□ **Вопросы для самопроверки.**

1. Какими терминами в разных национальных историографиях называют эго-документы?
2. Какие типы и виды исторических источников относят к эго-документам?
3. В чем заключается специфика исторических источников по изучению женской повседневности?

4. Каковы информационные возможности исторических источников по социальной антропологии женской повседневности?

5. Как оценить источниковедческий потенциал женских автодокументов как источника по изучению социальной антропологии женской дворянской повседневности?

6. Чем определяется источниковедческая специфика женских писем, их репрезентативность как источника по социальной антропологии женской повседневности?

7. В чем состоят причины недостаточной изученности женских писем?

8. Что понимается под женскими автодокументами и какие еще термины существуют для их обозначения?

ТЕМА VI. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

План

1. Методологические подходы социальной антропологии женской повседневности.
2. Методы социальной антропологии женской повседневности.
3. Ключевые понятия.
4. Вопросы для самопроверки.

□ **Методологические подходы социальной антропологии женской повседневности.**

При изучении социальной антропологии женской повседневности могут быть реализованы актуальные в современном этнологическом, антропологическом и историческом знании **методологические подходы**: антропологически ориентированной истории, истории повседневности, культурной антропологии, феминистской этнологии, гендерной антропологии, интерсекциональный, психоаналитический, системно-функциональный, культурологический, новой биографической, или персональной истории и истории частной жизни.

В рамках подхода **антропологически ориентированной истории** «историческое исследование фокусируется на человеке в обществе, в группе, на человеке во всех его проявлениях»¹⁴⁵. Данный методологический подход позволяет не только воспринимать женщин как субъектов истории, а их каждодневные взаимодействия и жизненные опыты как значимые аспекты прошлого, но и анализировать способы переживания ими повседневности в качестве категории, существенной для

---

¹⁴⁵ Гуревич А.Я. К читателю // Одиссей. Человек в истории. 1989. М., 1989. С. 7.

интерпретации исторической реальности.

Подход **истории повседневности** – «пережитой» истории «маленьких» людей и, одновременно, истории «изнутри» – обращает к исследованию субъектов не только как обладательниц привилегированного социального статуса, а как «обычных» женщин, проживавших свои жизни с их субъективными опытами и переживаниями – радостями и горестями, ожиданиями и разочарованиями – в условиях включенности в различные властные иерархии (при понимании власти как среды, в которую повсеместно погружены индивиды) и с учетом поведения и реакций внутри них.

Подход **культурной антропологии** позволяет изучать культуру с точки зрения бытующих на протяжении длительного времени культурно-специфических черт, обычаев, традиций, сохранения ментального склада, а следовательно, в качестве одной из разновидностей традиционного типа культуры, в котором категория возраста играет важную социально детерминирующую роль.

Подход **феминистской этнологии** акцентирует исследовательскую позицию, трактующую повседневность как специфически женскую сферу социальной реализации.

Подход **гендерной антропологии** позволяет деконструировать господствующие в культуре представления о «мужском» и «женском», предписания и ожидания, связанные с полом как моделируемым социокультурным феноменом, вскрывать явные и завуалированные системы доминирования и иерархизации между полами и среди представительниц женского пола в зависимости от возраста и статуса.

Интерсекциональный подход выявляет пересечение дискриминаций и разных видов угнетения в отношении женщин, позволяет понять их наслоения, корреляцию и взаимообусловленность.

Психоаналитический подход дает возможность проникнуть во

внутренние мотивации поведения и эмоций разновозрастных представительниц женского сообщества, объяснить их скрытые предпочтения и страхи.

Системно-функциональный подход предполагает исследование культуры «как целостной, качественно определенной системы в структуре общественной жизни и в то же время внутренне противоречивой и динамичной»¹⁴⁶. В рамках этого подхода может быть выявлено функциональное назначение структур женской повседневности, сопоставлено сохранение в них традиционных элементов и формирование новаций.

Изучение возрастной антропологии женщин посредством анализа сферы повседневного, их бытового поведения и сопряженных с ним эмоциональных реакций определяется **культурологическим** подходом в той мере, в которой «рассмотрение культуры в ее жизненных опосредованиях и контекстах есть специфическое дело культуролога»¹⁴⁷.

Подход **новой биографической, или персональной истории** связан с тем, что «личная жизнь и судьбы отдельных исторических индивидов, формирование и развитие их внутреннего мира, “следы” их деятельности в разномасштабных промежутках пространства и времени выступают одновременно как стратегическая цель исследования и как адекватное средство познания включающего их и творимого ими исторического социума и таким образом используются для прояснения социального

---

¹⁴⁶ Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т. 1: Общественно-культурная среда. С. 6.

¹⁴⁷ *Кнабе Г.С.* Предисловие // *Кнабе Г.С.* Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С. 11.

контекста»¹⁴⁸. Этот подход позволяет, в частности, изучать социальную антропологию женской повседневности через персональные истории конкретных женщин, используя категорию «индивидуального прошлого».

Подход **истории частной жизни** ориентирован на то, чтобы «увидеть деяния человека и его переживания в частной сфере как взаимосвязанные проявления, с одной стороны, ментальных стереотипов, с другой – индивидуальных импульсов»¹⁴⁹, определить его ««пространство свободы», т.е. возможности выбора своего решения»¹⁵⁰. В контексте этого подхода анализируются самоощущения женщин: в какой мере на разных возрастных этапах они были вольны сами принимать решения, делать собственный выбор, реализовывать альтернативные модели поведения, а, в какой – следовать нормативным социокультурным предписаниям, представлениям о «должном».

□ **Методы социальной антропологии женской повседневности.**

При изучении социальной антропологии женской повседневности применяют следующие специальные **методы** исследования исторических, этнологических и антропологических источников: качественной интерпретации, включая инсайдинг и автоэтнографию, дискурсивный,

---

¹⁴⁸ *Репина Л.П.* Индивид, семья, общество: проблема синтеза в истории частной жизни и новой биографической истории // Репина Л.П. «Новая историческая наука»... С. 263.

¹⁴⁹ *Бессмертный Ю.Л.* Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное. В поисках новых решений // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996. С. 14.

¹⁵⁰ *Бессмертный Ю.Л.* О мире чувств и внутреннем мире человека прошлого // Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 2000. С. 572.

«включенного» наблюдения, анкетный, «сетевого анализа», рефлексивной социологии, интерпретативный, культурологический, историко-компаративный, агрегативный, казуальный.

Методы **качественной интерпретации** источников личного происхождения предполагают «вчитывание в текст» женских писем, мемуаров, автобиографий, дневников и выяснение мотиваций авторов, их внутренних интенций как способ понимания субъективностей; ведение диалога с авторами текстов, позволяющего более точно объяснить их поведение; отказ от дистанцирования от них и псевдообъективности, а, напротив, «вживание» и «вчувствование» (эмпатию), видение в текстах «живых» людей с их эмоциями, хотя и живших задолго до настоящего времени, но имевших во многом сопоставимые антропологические переживания.

Сюда же следует отнести такой метод работы с источниками, как **инсайдинг** (*insiding*) – помещение исследователя «вовнутрь» изучаемого феномена, воображаемая постановка себя на место исследуемого исторического лица, «погружение» в его жизненную ситуацию. Этот аналитический прием исходит из признания за исследователем возможности собственного эмоционального восприятия людей прошлого и ведет к «более субъективированному знанию, нежели знание, получаемое с помощью традиционного этнографического или исторического описания» (Н.Л. Пушкарева)¹⁵¹, утверждая, в конечном счете, по Ф. Анкерсмит, «право историка на личный «исторический опыт», на выражение своей индивидуальности в тексте исторического нарратива»¹⁵².

---

¹⁵¹ Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности»... С. 3–19.

¹⁵² См.: Зверева Г.И. Рецепция микроисторического подхода к изучению прошлого в «новой философии истории» // Дискурс: Коммуникативные стратегии культуры и образования. 1998. № 7. С. 53.

При этом для женщин-исследовательниц изучение женских сообществ и женской автобиографической памяти зачастую становится поводом к применению **автоэтнографии** – одного из методов качественной социологии. А.С. Готлиб определяет его как «сопряжение личности исследователя и культуры, к которой он принадлежит», как «соотнесение индивидуального опыта с социальным контекстом», как «попытку заглянуть внутрь себя, чтобы сделать обобщения»¹⁵³. По ее мнению, для автоэтнографии с «акцентом на конструировании реальности, на «повседневных теориях», с помощью которых мы определяем реальность и действуем в ней, важно и значимо совсем другое: истина нашего опыта, нашего переживания реальности, в котором сама эта реальность и ее переживание причудливо сплетены».

Дискурсивный метод позволяет различать в написанных женщинами текстах разные «языки», «способы говорения», «проговаривания себя». Неоднозначность социальных ролей, играемых индивидом в жизни, приводит к пересечению и напластованию дискурсивных стратегий, с помощью которых он позиционирует себя в тексте. Применение дискурсивного метода дает основание судить о том, что разрешалось и гласно или негласно запрещалось женщинам писать, а иногда и думать, о себе и своем близком и дальнем окружении, выявлять в их письменной речи позиции власти и подчинения, доминирования и субординации в том или ином пространстве.

Этнологический метод **«включенного» наблюдения** акцентирует внимание исследователя не только на фактах, свидетельствах, излагаемых в письмах, мемуарах, автобиографиях, дневниках образованных женщин, но и на контексте повествования, на рефлексивно-эмоциональной и

---

¹⁵³ Готлиб А.С. Автоэтнография (разговор с самой собой в двух регистрах). URL: <http://www.anamnesis.info/node/1414> (дата обращения: 23.08.2023).

материально-вещной среде их повседневности. Это один из специфических методов полевых исследований женских сообществ, обеспечивающих «вживание» исследовательниц в их ценностные установки, «погружение» внутрь изучаемых культур.

Анкетный метод предполагает постановку перед женскими автодокументальными текстами, относящимися к разным историческим периодам, вопросов, аналогичных тем, которые полевые этнологи задают своим респонденткам-современницам, что позволяет не только достичь «полноты» опроса, но и «расслышать живые голоса».

Метод **«сетевого анализа»** позволяет объяснить поведение, субъективные опыты и переживания женщин качеством межличностных контактов и взаимодействий, выявить «конфигурацию социальных связей индивида в соответствующий отрезок его жизненного пути»¹⁵⁴ и понять, как эти связи структурируют индивидуальную повседневность. Этот метод особенно актуален ввиду характерного для женщин создания «сети отношений» (К. Гиллиган), об интенсивности которых свидетельствует количественное преобладание женских писем в семейных архивах.

Метод **рефлексивной социологии** используется для сопоставления неодинаковых позиций женщин в различных иерархиях (возрастных, внутрисемейных, локальных, гендерных и др.) и выявления линий так называемого символического насилия, применяемого к обладательницам формально привилегированного социального статуса.

Интерпретативный метод применяется к анализу как письменных, так и визуальных источников, позволяя, в первом случае, расшифровывать скрытые или табуируемые смыслы, в том числе и подлежащие неосознанному умолчанию, во втором, – символику жестов, поз, композиции и характерных атрибутов изображения.

---

¹⁵⁴ Репина Л.П. Индивид, семья, общество... С. 268.

Культурологический метод позволяет выявить, сопоставить и объяснить видимые «противоречия» в культуре, такие, например, как соотношение корневого и заимствованного начал, традиционного и инновационного, придание особого смысла одним «возрастам жизни» и обесценивание других. Наряду с этим речь может идти о культурологических параллелях в восприятии и оценке возрастной и гендерной антропологии более раннего и последующего времени.

С помощью традиционного для отечественной историографии **историко-компаративного** метода осуществляется сравнительный анализ локальных, хронологических, дискурсивных, социальных, культурных и других различий.

Агрегативный метод позволяет суммировать разрозненные факты по истории женской возрастной антропологии и повседневности из источников различных типов и видов.

Казуальный метод позволяет уделить пристальное внимание анализу уникальных, нетипичных субъективных опытов и переживаний, которые даже в этом своем качестве являются репрезентативными с точки зрения меняющихся форм восприятия людей и внутреннего своеобразия той или иной эпохи.

□ **Ключевые понятия.**

Методологический подход антропологически ориентированной истории, подход истории повседневности, подход культурной антропологии, подход феминистской этнологии, подход гендерной антропологии, интерсекциональный подход, психоаналитический подход, системно-функциональный подход, культурологический подход, подход новой биографической, или персональной истории, подход истории частной жизни, методы качественной интерпретации источников, инсайдинг, автоэтнография, дискурсивный метод, метод «включенного»

наблюдения, анкетный метод, метод « сетевого анализа », метод рефлексивной социологии, интерпретативный метод, культурологический метод, историко-компаративный метод, агрегативный метод, казуальный метод.

□ **Вопросы для самопроверки.**

1. Какие методологические подходы востребованы при изучении социальной антропологии женской повседневности?
2. Какие методы исследования исторических, этнологических и антропологических источников применяют при изучении социальной антропологии женской повседневности?
3. Как проинтерпретировать утверждение Ф. Анкерсмита о «праве историка на личный “исторический опыт”, на выражение своей индивидуальности в тексте исторического нарратива»?
4. Почему при изучении социальной антропологии женской повседневности целесообразно комплексное применение всей совокупности методологических подходов и методов?

ТЕМА VII. ЭКСТРЕМАЛЬНЫЙ И ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЖЕНЩИН В ИЗУЧЕНИИ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

План

1. Женский опыт эмиграции в автобиографической памяти Елены Якобсон.
2. Женское противостояние нацистскому режиму на примере протеста женщин на Розенштрассе в Берлине.
3. Женская история Холокоста.
4. Ключевые понятия.
5. Вопросы для самопроверки.

□ Женский опыт эмиграции в автобиографической памяти Елены Якобсон.

Воплощение представлений о своей этнокультурной идентичности в автобиографической памяти является одним из наиболее характерных примеров личностного самоопределения и культурной самоидентификации. История **сохранения этнокультурной идентичности в контексте исторических событий «большого масштаба» и нахождения в инокультурной среде** тесно сопряжена с изучением вопросов женской социальной памяти¹⁵⁵, гендерных особенностей меморизации, межкультурного восприятия в условиях экстремальной повседневности. Немецкий историк, профессор

---

¹⁵⁵ Белова А.В. Женская социальная память как предмет изучения гендерной антропологии // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред. М.Ю. Мартынова. Москва; Казань, 2019. С. 268–269.

Лутц Нитхаммер (*Lutz Niethammer*, род. 1939) воспринимает гендер как «особо важный дифференциал»¹⁵⁶ при изучении памяти.

Международные миграционные процессы, усилившиеся в связи с политическими катаклизмами XX века, не в последнюю очередь были представлены эмиграцией из советской России в разные страны Европы, Америки и Азии. Для части эмигрантов выезд в Китай не был выражением явного намерения покинуть «социалистическую» родину, скорее речь шла о профессиональной мобильности, нивелировавшей скрытое стремление избежать реалий жизни в «новой» России.

Женские мемуары российского зарубежья являются репрезентативными источниками по истории памяти об эмиграции и социокультурной адаптации к новым условиям. Важно учитывать особый экспрессивный характер этих воспоминаний, ввиду соотнесения личной истории с общественным словом и осознания мотивов происходящих жизненных коллизий как во многом не зависящих от воли самих действующих субъектов.

Одним из наиболее характерных примеров таких мемуаров и уникальным источником по истории «русского» Китая 1920–1930-х гг. являются воспоминания **Елены Александровны Якобсон (1913–2002)**, без которой, по словам Л. Оболенской-Флам, написавшей сопроводительную статью при их публикации, «трудно представить себе русский Вашингтон»¹⁵⁷. С первых строк она сознается, что большую часть взрослой жизни считала себя «жертвой истории», попавшей в «водоворот событий», поглотивших Россию¹⁵⁸.

---

¹⁵⁶ *Нитхаммер Л.* Вопросы к немецкой памяти: Статьи по устной истории / пер. с нем. М., 2012. С. 437.

¹⁵⁷ *Оболенская-Флам Л.* О Е.А. Якобсон // Якобсон Е.А. Пересекая границы: Революционная Россия – Китай – Америка: Пер. с англ. М., 2004. С. 5.

¹⁵⁸ *Якобсон Е.А.* Указ. соч. С. 11.

Происходя по материнской линии из рода дворян Волковых, урожденная Елена Жемчужная начала жизнь «по обычаю женщин» дворянского «круга»: в этом сценарии на протяжении имперского периода мало что менялось. Родившуюся в Санкт-Петербурге дочь мать-дворянка вскоре отвезла в имение «воронежских родственников», где в «помещичьем доме» оставила «на попечение» няни-крестьянки¹⁵⁹.

Будущая первооткрывательница передач русской службы радиостанции «Голос Америки», заведующая кафедрой славянских языков и литератур Университета имени Дж. Вашингтона усвоила все атрибуты детства девочки в российской дворянской семье¹⁶⁰ – от тугого пеленания, нянинных историй и сказок, «грустных крестьянских песен» и «первых молитв» до «накрахмаленных платиц с оборками», «кудрей» и «лент»¹⁶¹. Особо она считает необходимым отметить спустя много лет меры дисциплинирующей педагогики, налагавшей сословные и гендерные ограничения: «не разрешалось играть во дворе с детьми слуг или бегать по комнатам огромного дома» (с. 14). И даже эпизодические визиты «эмансипированной» матери, разрешавшей «побегать и поиграть с другими детьми», не отменяли восстановления прабабушкой «прежних норм поведения» (с. 14).

Е.А. Яacobсон осознавала пересечение общественной и личной истории как крушение традиционной дворянской повседневности: «революция 1917 года и большевистский переворот пошатнули тот привычный мир привилегированного образа жизни и хороших манер, мир, в котором я родилась...» (с. 11).

---

¹⁵⁹ Яacobсон Е.А. Указ. соч. С. 13.

¹⁶⁰ Белова А.В. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.: «корневое» и «иноземное»... С. 32–44.

¹⁶¹ Яacobсон Е.А. Указ. соч. С. 13–14.

Вместе с тем ее **воспоминания о трагических перипетиях в истории «родной России» написаны, вопреки в целом пессимистической женской автодокументальной традиции, из позиции человека, профессионально и лично состоявшегося, научившегося «жить собственной жизнью»** (с. 244). Предназначение своих мемуаров она видела в своеобразном **пособии по адаптации «вновь приезжих» представителей эмиграции, востребованности обретенного ею собственного опыта аккультурации** в колониальном Китае и в США¹⁶².

Наиболее парадоксальный вывод Е.А. Якобсон касается того, что **не существует прямой зависимости между общественно-историческим благополучием и успешной личной самореализацией**: «...пережив войны, революции и общественные перевороты и наблюдая за сегодняшними поворотами колеса истории, я считаю, что от русской катастрофы я не столько пострадала, сколько выиграла. В той старой России меня бы подобающе воспитали и образовали для устоявшегося стиля жизни русского дворянства. Исторические события разрушили привычные устои и предоставили мне возможность стать кем-то другим – самой собой»¹⁶³. Катаклизмы национальной истории, выход из инерции семейного и родового быта, вынужденная эмиграция осмыслились в

---

¹⁶² Белова А.В. «Стать кем-то другим – самой собой»: гендерные особенности исторической памяти об эмиграции и социокультурной адаптации в женских мемуарах российского зарубежья (на примере воспоминаний Е.А. Якобсон) // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: материалы XII международной научной конференции: в 2 ч. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, И.О. Дементьев, М.Г. Шендерюк. М.; Калининград, 2019. Ч. 2. С. 343.

¹⁶³ Якобсон Е.А. Указ. соч. С. 12.

контексте исторической памяти как важные факторы женской личностной эмансипации¹⁶⁴.

Отец Е.А. Якобсон, по протекции «одного очень высокопоставленного советского чиновника», получил должность медицинского работника в «русской миссии в Китае»¹⁶⁵. Назначенный «главным врачом центральной больницы в Харбине (в Маньчжурии)» (с. 48), он уехал за границу в сопровождении жены и двух дочерей. **Елена Якобсон прожила в Китае тринадцать лет (1925–1938) – весь период осознанного взросления, девичества в возрасте от двенадцати до двадцати пяти лет.** Затем она переехала в США. Чем запомнился ей эмигрантский Харбин, имевший «самое большое число русского населения среди городов за пределами Советского Союза»¹⁶⁶, чем поразил воображение девочки из советской России, какие новые культурные коды ей предстояло освоить в Китае? Все эти вопросы позволят прояснить и образ самого Харбина в инокультурном восприятии, и устройство механизмов женской социальной памяти и многомерности реализации этнокультурной идентичности.

История Харбина, состав и численность населения города, организация городского пространства, виды городского транспорта, культурная жизнь, литература, музыка, театр, образование и наука, бытовые условия, школьные уроки и ведение дневника, а религиозность, мечтательность, дружба – все эти темы освещены Е.А. Якобсон в нарративе личной истории. Она уподобляла Харбин, культурная жизнь в котором, по ее словам, «била ключом», Парижу, «где русская

---

¹⁶⁴ Белова А.В. Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47). С. 47.

¹⁶⁵ Якобсон Е.А. Указ. соч. С. 48.

¹⁶⁶ Харбин // Britannica: большой иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 2009. С. 1135.

интеллигенция образовала собственное культурное государство в государстве». Якобсон описывает свою этнокультурную идентичность как сложное сочетание, сформированное миром помещичьего дома «ребенка “благородного происхождения”»¹⁶⁷ («я была “тургеневской девушкой”» (с. 64)), православной народной традицией через воспитание няни («когда я стою в русской православной церкви, я чувствую себя “дома”, в полной безопасности, и этим я обязана Аграфене» (с. 49)), новой советской школой, следовавшей «”революционному” методу обучения, который, кстати, на самом деле был системой, использовавшейся в американских дальтонских школах (*Dalton School*)» (с. 33). К этому следует добавить влияние исторических перепитий Гражданской войны, Харбина, бывшего, по определению Е.А. Якобсон, «когда-то процветающим русским городом с населением в двести тысяч человек» (с. 96), однако неоднородного, включавшего «советскую» и «эмигрантскую» общины (с. 76), к каждой из которых она оказалась причастна, наконец, японской оккупации и др.

Нарративы о собственном прошлом, «пережитые истории», запечатлевшие индивидуальную память о повседневной жизни в контексте происходивших политических и социальных событий, не только конструируют идентичность авторов, выявляют характерные для них дискурсы о мире, но и по особому преобразуют общезначимый контент в элементы автобиографической памяти.

Воспоминания Е.А. Якобсон о «русском» Китае 1920–1930-х гг. позволяют выявить новые аспекты соотношения практик меморизации и социального опыта женщин, уточнить функциональное предназначение автобиографических нарративов для трансляции женской социальной памяти. Образ эмигрантского Харбина стал в сознании Елены Якобсон первым воплощением культурной

---

¹⁶⁷ Якобсон Е.А. Указ. соч. С. 14.

инаковости, «другого». Жизнь в инокультурной среде запускала процессы аккультурации, которая облегчалась преобладанием русскоязычного окружения и подростковым возрастом, в котором личность постоянно и быстро меняется, легко адаптируясь ко всему новому.

По словам Е.А. Якобсон, «работа над «моей историей» оказалась увлекательным занятием, открывшим мне глаза на многое. До тех пор я никогда не думала о том, насколько тесно мое прошлое связано с моим настоящим и насколько оно определяет мое будущее» (с. 10). Анализ подобных утверждений мемуаристики важен для интерпретации исторической основы происходящих в современном мире трансформаций практик меморизации как одного из ресурсов укрепления общегражданской идентичности.

Таким образом, концептуализация женской автобиографической памяти расширяет предмет изучения социальной антропологии женской повседневности, позволяет осмыслить современные тенденции этнологического знания, обозначить пространство пересечения ее с антропологией памяти. Как важнейшее свойство мозга память аккумулирует социальный и культурный опыт сообщества с целью обеспечить его выживаемость в будущем.

□ Женское противостояние нацистскому режиму на примере протеста женщин на Розенштрассе в Берлине.

Проблематизация многофункционального потенциала женской социальной памяти об экстраординарных событиях, явлениях и процессах прошлого продвигает научное сообщество в изучении механизмов самоорганизации общества на всех уровнях выработки коллективной идентичности.

Восстание на Розенштрассе – уникальное событие истории сопротивления нацизму – **единственное успешное невооруженное**

противостояние официальной антисемитской политике Третьего Рейха. Этот протест можно считать одним из примеров того, что теоретик подхода «история повседневности» А. Людтке назвал *Eigensinn*, или **своеволием**¹⁶⁸, перед которым оказалась «бессильна» государственная машина. Дополнительную интригу конфликту придает его ярко выраженный гендерный характер, когда безоружные женщины открыто противодействовали вооруженным мужчинам и достигли желаемого результата.

Не останавливаясь подробно на контенте, который достаточно известен, напомним лишь основную линию сюжета.

После поражения под Сталинградом руководство нацистской Германии стремилось реабилитироваться в глазах общества и продемонстрировать успешные действия внутри страны. Была провозглашена задача «очистить» Берлин от евреев, который, в отличие от прочих территорий, оставался местом, где сохранялась возможность «затеряться» и не быть депортированными в лагеря уничтожения. Реализацию «окончательного решения еврейского вопроса» в Берлине сдерживало неоднозначное отношение нацистских бонз к смешанным бракам, что заставляло их откладывать проблему столицы и заниматься территориями, применительно к которым разногласий не возникало. Евреи-мужчины, женатые на женщинах-немках, особенно обладавшие профессиональными компетенциями, продолжали трудиться на предприятиях, прежде всего связанных с военной промышленностью.

В ночь с 27 на 28 февраля 1943 г. их арестовали и направили в пересылочный лагерь в здании, принадлежавшем ранее берлинской

---

¹⁶⁸ Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / пер с англ. и нем. К. А. Левинсона и др.; под общ. ред. и с предисл. С. В. Журавлева. М., 2010. С. 98.

еврейской общине на Розенштрассе. Причем некоторых увозили и в дневное время непосредственно с предприятий. В ответ на эти действия властей к зданию на Розенштрассе явились жены и родственницы арестованных и стали требовать их освобождения. Многие прибегали к уловкам, прося вернуть им, например продовольственные карточки, для того, чтобы удостовериться, что их родные еще живы и пока не депортированы. В итоге, простояв в течение двух недель, не реагируя на требования разойтись и угрозы вооруженной расправы, **женская демонстрация добилась беспрецедентного результата** – две тысячи арестованных были выпущены на свободу, а пятеро депортированных в Аушвиц возвращены обратно. Уникальность произошедшего на Розенштрассе позволяет формулировать многие вопросы, имеющие методологическое значение для изучения истории сопротивления нацизму.

Однако не менее впечатляющей представляется и **фиксация памяти о событии, и своеобразие его символизации**. Информация о женском протесте на Розенштрассе была опубликована сразу после окончания Второй мировой войны в **журнале «Она»** и затем надолго исчезла из исторического нарратива в ГДР. Это тем более странно, что событие не просто являло собой пример удачной антифашистской борьбы, но и было одним из немногих проявлений внутреннего противостояния нацистскому режиму и проводимой им антисемитской политике.

Возможно, определенное влияние на ситуацию оказала компания по борьбе с космополитизмом, имплицитно антисемитской направленности, в СССР, на который ориентировалась в политическом и идеологическом плане вновь образованная страна народной демократии. Сталин же, как известно, стремился избавиться от нацистского клише борьбы с «жидо-большевизмом», пытаясь разделить эти понятия в общественном сознании. Эпизод открытого противостояния антисемитизму в германской истории старались не афишировать.

Стоит тем не менее сказать, что уже в 1960-е гг. в ГДР предпринимались конкретные шаги к сохранению памяти о Холокосте. Например, была открыта мемориальная доска на знаменитой старинной синагоге в Берлине, поджог которой знаменовал собой начало событий печально известной Хрустальной ночи. В стране появилось большое количество мемориалов, памятных мест, отдельных памятников, посвященных формированию культуры памяти не только жертв нацизма в целом, но и непосредственно жертв Холокоста.

Несмотря на подобный вектор коммеморации женский протест на Розенштрассе надолго был предан забвению. И лишь к пятидесятилетию события возникла идея увековечения памяти о нем. Создание памятника было поручено берлинскому скульптору Ингеборг Хунцингер (1915–2009), имевшей особый личный опыт переживания антисемитских преследований. Работы начались в ГДР при Генеральном секретаре СЕПГ Э. Хоннекере, а реализован проект был после падения социалистического режима. Памятник «Блок женщин» открыли в 1995 г. на Розенштрассе¹⁶⁹ в самом центре Берлина, недалеко от Александерплатц тогда уже объединенной Германии.

Символика памятника напрямую связана с такими темами как сопротивление нацизму, стойкость и твердость духа, **взаимная поддержка женщин как один из ресурсов выживания в Холокосте**. Апеллируя к

---

¹⁶⁹ Белова А.В. Памятник на Розенштрассе в Берлине: символическая память о протесте женщин нацизму // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) [Электронный ресурс]: В 2 ч. Ч. 1: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года / Под ред. Н. С. Нижник; сост. Н. С. Нижник, С. А. Никифорова. – Электрон. дан. (23,3 Мб). – Санкт-Петербург, 2020. С. 1827–1832.

историографическим выводам Дж. Рингельхайм¹⁷⁰ о сплоченности и последовательной взаимовыручке и взаимоподдержке женщинами друг друга в период нахождения в лагере, благодаря чему им удавалось лучше, чем мужчинам, приспосабливаться к новым условиям и выживать, можно заметить схожую идею в основной теме памятника.

Современные практики памяти основаны на овладении культурой памяти, в развитии которой Германия преуспела и являет собой один из самых удачных примеров. Память о национал-социалистическом прошлом имеет свою историю осмысления в западной и восточной частях страны. Большинство памятников бывшей ГДР должны были символизировать антифашистское сопротивление нацизму под руководством коммунистов, закреплять новые идеологические клише и модели идейного воздействия на общественное сознание. Территория восточной Германии позиционировалась в официальной пропаганде как свободная от проявлений нацизма, очищенная от его остатков, средоточие всех прогрессивных общественных сил, устремленных на борьбу с тоталитарным режимом, и, открыто ему сопротивлявшихся. При этом под сопротивлением понималось вооруженное противостояние, осознанное манифестирование коммунистических взглядов и убеждений, равнозначных антифашистской деятельности.

В случае с историческими событиями, в память о которых был воздвигнут «Блок женщин», невозможно выявить не только мобилизующую роль коммунистов или отдельных их лидеров, но и акторов-мужчин вообще. Мужчины выступали в той ситуации в позиции двойной маргинализации, характерной обычно для женского статуса – как

---

¹⁷⁰ *Рингельхайм Дж.* Женщины и Холокост: перосмысление исследований // Антология гендерной теории. Сб. пер. / Сост. и коммент. Е. И. Гаповой и А. Р. Усмановой. Мн., 2000. С. 254–279.

евреи и как заключенные, лишённые шансов на выживание, если бы не **бесстрашие их жен, матерей, сестер и прочих родственниц, проявивших настойчивость в отстаивании своих требований и законных интересов.** Заключенные мужчины-евреи, ставшие жертвами тоталитарной диктатуры, оказались заложниками ситуации, когда воздействие на носителей публичной власти способны были оказать женщины, зачастую не только депривированные ими, но и подчиняющиеся в обычных условиях их личной семейной власти. Подобная инверсия означала фактическое бессилие тех, кто был наделен силой символической, олицетворяющей собой устойчивый социальный порядок и принятый гендерный контракт. Возможно, феминистская интенция заключенного в монументе посягательства на символический порядок, воспроизводимый общественными институтами, в особенности гендерные режимы и гендерный порядок (термин Р. Коннелл¹⁷¹), стала еще одним фактором забвения эпизода германской истории.

Не говоря о том, что женское противостояние нацистскому режиму отдаленно могло напоминать мирные протесты оппозиционных социалистическим диктатурам диссидентов, не согласных с воспроизведением советской модели и директив из СССР. Как я ранее утверждала, «для соцстран это означало клонирование институтов, структур и ошибок, подверстывание социальных реалий под навязываемые идеологические стандарты»¹⁷². Разумеется, этим не исчерпываются

---

¹⁷¹ Коннелл Р. Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика / пер. с англ. Т. Барчуновой. М., 2015. С. 163–194.

¹⁷² Белова А.В. Интернациональная дружба по переписке как феномен повседневности школьниц в социалистических обществах 1980-х годов (на примере ГДР и СССР) // Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы / под ред. Я. К. Берендса, В. Дубиной, А. Сорокина, с участием Е. Акоюн. М., 2015. С. 229.

основания, по которым социальная память о событии на Розенштрассе приобрела столь причудливую конфигурацию.

Заслуживают интерпретации и семантические аспекты монумента, и сравнительно недавняя репрезентация темы в кинематографе (фильм «Розенштрассе», реж. М. фон Тротта, 2003), что подчеркивает важность события для символической политики.

Особую роль в формировании культуры памяти играет практика взаимной экскурсии, когда стажирующиеся по теме преподавания истории Холокоста имеют возможность изучения особенностей символизации женского протеста на Розенштрассе.

Проблема меморизации культуры и социального опыта сообщества имеет ключевое значение в сохранении национального самосознания, нациестроительстве, укреплении фундаментальных основ государственности и упрочении принципов цивилизационной модели¹⁷³. Особую актуальность исследование женской социальной памяти приобретает в области понимания, исторической рефлексии и переосмысления процессов, происходящих в обществе на протяжении жизни отдельно взятой семьи, целого поколения или, еще шире, народа от эпохи к эпохе.

Изучение проблем женской меморизации позволяет понять с наибольшей достоверностью такие существенные вопросы, как изменения, происходившие в обществе, отражались на повседневных переживаниях и субъективных опытах отдельных «маленьких людей», составлявших человеческий потенциал нации, характере и способах их социализации и инкультурации. Возрастает актуальность исследований, связанных с этическими аспектами исторического развития, изменениями социальных,

---

¹⁷³ Белова А.В. Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти... С. 40.

политических и экономических отношений, влияющих на судьбы конкретных людей, по-разному ими оцениваемыми, в том числе в национально значимых механизмах женской памяти.

□ Женская история Холокоста.

Проблема артикулирования женского опыта в условиях Холокоста является сложной и все еще актуальной темой в современной историографии, несмотря на почти сорокалетнюю традицию ее изучения.

Начало систематическому обсуждению было положено конференцией «Выжившие женщины: Холокост», проведенной в колледже Стерн в 1983 г. Нью-Йоркским советом по гуманитарным проблемам при поддержке Института исторических исследований, благодаря чему она обрела феминистскую перспективу¹⁷⁴. Основной вклад в организацию этой конференции внесла доктор **Джоан Рингельхайм (род. 1939)**, заведующая отделом устной истории Исследовательского института Мемориального музея Холокоста в США. Данное научное событие стало знаковым, о чем свидетельствует размещение на официальном сайте коллекции документов Джоан Рингельхайм, переданной ею Мемориальному музею Холокоста в США в 2007 и 2016 гг.¹⁷⁵. В ней собраны материалы по планированию конференции, переписка и фотографии, а также письменные материалы, лекции, тематические файлы, печатные материалы и корреспонденция, документирующая научную работу Джоан Рингельхайм по теме «Женщины и Холокост». Соединив два основных направления своей исследовательской и

---

¹⁷⁴ Proceedings of the Conference on Women Surviving: The Holocaust / ed. E. Katz and J. M. Ringelheim. N. Y., 1983; *Рингельхайм Дж.* Указ. соч. С. 254, 277.

¹⁷⁵ United States Holocaust Memorial Museum. Joan Ringelheim papers. [Electronic resource]. URL: <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn560446> (date of the application: 17.10.2020).

преподавательской деятельности – **Холокост и феминистскую теорию**, – она открыла новую область исследований.

Особое значение имеют собранные ею **устные исторические интервью еврейских женщин, переживших Холокост**. Аудиозаписи этих интервью, размещенные на сайте, позволяют звучать голосам самих женщин-узниц концлагерей во время Холокоста. В них они не только обретают свой голос, но, наконец, сами говорят «своим голосом» о личных переживаниях.

То, насколько это важно в контексте сравнительно-исторических исследований травматического опыта Второй мировой войны и женской социальной памяти о нем, подтверждает помимо прочего написанная в том же 1983 г. документально-очерковая книга белорусской писательницы Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо», неоднократно подвергавшаяся официальной цензуре и самоцензуре автора при первых изданиях в СССР: «Все, что нам известно о войне, известно с “мужского голоса”. Мы все в плену “мужских” представлений и “мужских” ощущений войны. “Мужских” слов. А женщины молчат»¹⁷⁶.

Возможность изучения именно произнесённого самими женщинами с учетом не только того, что произнесено, но и того, как это произносилось, как звучал или прерывался / дрожал голос в этот момент, когда и в связи с чем возникали паузы, каким образом извлекаемый из памяти опыт переживания Холокоста обретал контуры нарративной идентичности, позволяющей справляться с болезненными фреймами, включает в себе **эвристический потенциал исследования отличий опыта женщин во время Холокоста**.

---

¹⁷⁶ Алексиевич С. У войны не женское лицо. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/zhensk.txt> (дата обращения: 17.10.2020).

Именно этот вопрос Дж. Рингельхайм поставила в центр своего анализа и критики¹⁷⁷. Ее утверждение о том, что «опыт и переживания еврейских женщин затемнялись или поглощались описаниями жизни мужчин; сходство судеб евреев, ставших жертвами нацистских преследований, считалось более важным, чем гендерные различия» (с. 254) стало импульсом к **постановке и изучению научной проблемы женщин и Холокоста**.

Именно Дж. Рингельхайм в работе **«Неэтичное и невыразимое: женщины и Холокост» (1981–1982)**, посвященной ею «родителям Анне и Дэвиду, а также памяти бабушки Мириам Рингельхайм, которая вместе со своим мужем Джейкобом и младшим сыном Джозефом была убита нацистами» (всего же помимо бабушки и дедушки по отцовской линии у нее «восемьдесят восемь родственников по отцовской линии погибли в Польше во время Холокоста» и она в детстве «долго обсуждала со своим отцом предрассудки, расизм и Холокост»¹⁷⁸), акцентировала внимание на «обнаружении различий, существующих между различными группами и классами», что, по ее мнению, «является центральной чертой всех исторических исследований»¹⁷⁹, в том числе направления женской истории.

---

¹⁷⁷ Рингельхайм Дж. Указ. соч. С. 256.

¹⁷⁸ Butler D. Holocaust Studies in the United States // Jewish Women's Archive. The Encyclopedia of Jewish Women. [Electronic resource]. URL: <https://jwa.org/encyclopedia/article/holocaust-studies-in-united-states> (date of the application: 18.10.2020).

¹⁷⁹ Ringelheim J. The unethical and the unspeakable: women and the Holocaust. [Electronic resource]. URL: <http://www.museumoftolerance.com/education/archives-and-reference-library/online-resources/simon-wiesenthal-center-annual-volume-1/annual-1-chapter-4.html> (date of the application: 17.10.2020).

Рингельхайм предположила, что **понимание опыта женщин позволит «по-другому взглянуть на Холокост»**. Один из существенных ее выводов сводится к тому, что «игнорируя свидетельства женского опыта и предоставляя так называемую “универсальную основу”, мы неправильно понимаем и неправильно решаем вопросы, касающиеся сопротивления, выживания, пассивности и уступчивости».

Она **впервые артикулировала** суждение о том, что «в литературе о Холокосте, особенно написанной мужчинами, не уделяется внимания гендерному опыту. Рассказанные истории, кажется, стирают или затемняют женщин. В случае стирания тот факт, что главным персонажем в истории является женщина, кажется рассказчику несущественным. **Женские жизни нейтрализуются в так называемую “человеческую перспективу”, которая при рассмотрении оказывается мужской»**.

Дж. Рингельхайм приводит наиболее убедительные примеры **игнорирования женского опыта даже в тех ситуациях, которые напрямую касались женщин**. Так, она критикует решение юденрата гетто Шауляй (Шавель) о принудительном аборте из книги «Свидетели Холокоста» как «ситуацию, в которой напрямую пострадают только женщины, но женщины здесь не говорят; только мужчины делают». Анализируя принятие мужчинами решения об осуществлении девятнадцати абортов, умерщвлении новорожденного после стимулирования преждевременных родов у одной из женщин, о санкциях к потенциальным, отказывающимся от принудительных абортов, матерям от лишения их минимальных жизненных благ (продовольственных карточек, медицинской помощи, дров), перевода работающих на худшую работу до угрозы выдачи полиции безопасности, предложения о запрете всем врачам и акушеркам оказывать помощь при родах, Дж. Рингельхайм резюмирует, что «юденрат использует такие же сильные методы запугивания, как те,

что используются СС, для принуждения к этим абортам, но смысл этого почему-то отсутствует в повествовании»¹⁸⁰.

Недоумение Рингельхайм вызывает и интерпретация Бруно Беттельхеймом в работе «Осведомленное сердце» (Нью-Йорк, 1971) известной истории танцовщицы, принужденной к исполнению танца в обнаженном виде перед офицером СС на пути в газовую камеру, в результате чего она «подошла к нему, схватила его пистолет и застрелила его». Дж. Рингельхайм дает оценку комментарию Беттельхейма, который «критикует евреев за то, что они не ведут себя как мужчины, но хвалит танцовщицу за то, что она ведет себя как мужчина, и даже делает из нее пример “мужественности”». При этом проигнорирована ее история как женщины, находящейся «под взглядом» мужчины, как той, которой традиционным мировосприятием уготовано «быть рассматриваемой», служить объектом мужского созерцания и сексуального использования. По словам Рингельхайм, «на самом деле произошло то, что к ней приставали, смотрели, заставляли танцевать обнаженной для эсэсовцев, когда она шла на газ. Это похоже на классическую сцену изнасилования». Однако для историка-мужчины важно то, что «умерев как человек», женщина, наконец, им станет.

Не секрет, конечно, что историософская мысль XIX в. со всей серьезностью обсуждала вопрос, «человек ли женщина»¹⁸¹, но вряд ли подобная риторика была уместна в историографии в условиях второй волны феминизма. Дж. Рингельхайм определенно заявляет, что в данной интерпретации **женщина остается невидимой как женщина**. Она заключает: «В рассказе Беттельхейма нет такого аспекта истории, в котором учитывалась бы жизнь этой женщины как женщины. Но действия

---

¹⁸⁰ Ringelheim J. Op. cit.

¹⁸¹ Рябов О.В. Указ. соч.

СС в этой истории были направлены против еврейской женщины, а не еврейки... Ее используют, присваивают не только СС, но и те, кто о ней пишет. Женщина в этих историях потеряна»¹⁸². Речь идет о маргинализации не только по этнической принадлежности, но и по гендерному признаку.

Эрика Поттер в работе «Феминистские интерпретации истории Холокоста» поддерживает ту же идею, утверждая, что «одну идентичность нельзя отделить от другой»¹⁸³. Она также считает, что «интерпретация Беттельхеймом Холокоста как успешной атаки на еврейскую мужественность – это отражение широко распространенного **отказа признать женскую уникальную виктимизацию во время Холокоста**».

Делая вывод о неэффективности традиционных этических конструкций для анализа Холокоста в условиях «выбора без выбора», Дж. Рингельхайм считает, что «имеет больше смысла начать использовать язык бессильных, язык угнетенных, чтобы понять эти ситуации, а не язык тех, кто имеет власть лишать других осмысленных решений, а именно тех, кто совершает угнетение»¹⁸⁴. Поэтому она призывает «исследовать те свидетельства, которые до сих пор оставались глухими, – в данном случае словарный запас, концепты, жизни и смерти женщин». При таком подходе в фокусе исследования оказывается непроговариваемый женский опыт¹⁸⁵,

---

¹⁸² *Ringelheim J.* Op. cit.

¹⁸³ *Potter E.* Feminist Interpretations of Holocaust History // Mount Royal Undergraduate Humanities Review. Vol. 4. P. 35. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/331910145_Feminist_Interpretations_of_the_Holocaust (date of the application: 18.10.2020).

¹⁸⁴ *Ringelheim J.* Op. cit.

¹⁸⁵ *Waxman Z.* Unheard Testimony, Untold Stories: the representation of women's Holocaust experiences // Women's History Review. 2007. Vol. 12, 2003 – Issue 4. P. 661–

отчасти из-за его непризнания и невидимости, отчасти из-за отсутствия соответствующего дискурса в языке патриархата, невозможности выразить женские переживания и практики в терминах доминирования, агрессии и героизма.

Несмотря на достаточно активную научную разработку темы в последующие годы¹⁸⁶ значимый общественный резонанс она обретает только к 2008 г., когда в Дрезденской картинной галерее экспонировалась созданная совместно с Мемориальным комплексом истории Холокоста Яд Вашем необычная мультимедийная выставка **«Пятна света – женщина в Холокосте»**, в центре которой стояли разнообразные реакции еврейских женщин на насилие и угнетение в условиях Холокоста, а также их индивидуальное поведение и борьба за выживание¹⁸⁷.

В 2011 г. теме переживаний еврейских женщин было посвящено **учебное пособие о женщинах и Холокосте** и прилагаемый к нему DVD-диск со свидетельствами очевидцев, переживших эту трагедию,

---

677. [Electronic resource]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09612020300200715?src=recsys> (date of the application: 18.10.2020).

¹⁸⁶ См., напр.: *Schwertfeger R.* Women of Theresienstadt: voices from a concentration camp. Oxford; N. Y., 1989; *Rosenbaum J. F.* Female experiences during the Holocaust. Boston, 1993; *Kaplan M.* Between dignity and despair: Jewish women in the aftermath of November 1938. N. Y., 1996; *Baumel-Schwartz J. T.* Double jeopardy: gender and the Holocaust. L.; Portland, OR, 1998; *Women and the Holocaust: Narrative and Representation / ed. by E. Fuchs // Studies in the Shoah. V. 22.* Lanham, MD, 1999; *Miller J. E.* Love carried me home: women surviving Auschwitz. Deerfield Beach, Fla., 2000; *Frauen im Holocaust / B. Distel (Hg.).* Gerlingen, 2001; *Baumgartner A.* Die vergessenen Frauen von Mauthausen: die weiblichen Häftlinge des Konzentrationslagers Mauthausen und ihre Geschichte. 2., durchgesehene Aufl. Wien, 2006; *Jacobs J.* Memorializing the Holocaust: gender, genocide and collective memory. L., 2010 и др.

¹⁸⁷ Lichtfleck: Frau sein im Holocaust. Dresden, 2008.

выпущенное Департаментом общественной информации Организации Объединенных Наций в партнерстве с двумя ведущими научными институтами – Институтом визуальной истории и просвещения фонда Шоа при Университете Южной Калифорнии и Международной школой по изучению Холокоста при Яд Вашем¹⁸⁸. В Предисловии Заместитель Генерального секретаря по коммуникации и общественной информации Кийо Акасака отметил, что «несмотря на постоянные унижения, лишения и насилие, многие женщины смогли вернуться к нормальной жизни после Холокоста, что является свидетельством человеческой силы, позволившей им проявить стойкость и терпение, не только ради себя, но и ради тех, кто оказывает помощь другим, и тех, кто в такой помощи очень нуждается» (с. 5).

Предпринимая усилия на современном этапе, направленные на «обеспечение защиты прав женщин и девушек во всем мире, их способности вносить свой вклад в благосостояние человечества», достижение и соблюдение «гендерного равенства и расширения прав и возможностей всех женщин и девочек», закрепленные в **Цели 5 ООН в области устойчивого развития**¹⁸⁹, ООН способствовала выработке научной интерпретации проблемы гендерного насилия, имеющей существенное значение для исследований Холокоста.

Согласно «**Декларации об искоренении насилия в отношении женщин**», принятой резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г., «...насилие в отношении женщин является проявлением *исторически сложившегося неравного соотношения сил между мужчинами и женщинами*, которое привело к доминированию над

---

¹⁸⁸ Женщины и Холокост: Мужество и милосердие: уч. пособ. Нью-Йорк, 2011.

¹⁸⁹ Цели ООН в области устойчивого развития. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/gender-equality/> (дата обращения: 18.10.2020).

женщинами и дискриминации в отношении женщин со стороны мужчин, а также препятствует всестороннему улучшению положения женщин... насилие в отношении женщин является одним из основополагающих социальных механизмов, при помощи которого женщин вынуждают занимать подчиненное положение по сравнению с мужчинами»¹⁹⁰.

Только в 2010 г. появилась **коллективная монография**, специально проблематизирующая тему сексуального насилия в отношении еврейских женщин во время Холокоста¹⁹¹.

Осознание того, что именно женщины могут свидетельствовать о преступлениях нацизма, в том числе насилия, совершаемого в концлагерях, пришло к женщинам же, представительницам разных категорий узниц еще во время Второй мировой войны и было обнародовано сразу по ее окончании. Немецкая коммунистка **Лина Хааг (1907–2012)**, имевшая опыт пребывания в гитлеровских тюрьмах и женском концентрационном лагере в Лихтенбурге, бывшая свидетельницей преследования и еврейских женщин, одной из первых **в опубликованных в 1947 г. автодокументальных записках «Горсть пыли»** призвала к звучанию «голосов живых свидетелей» совершавшегося там «чудовищного насилия», среди которых, как она знала, «было много мужественных женщин»¹⁹². Однако еврейские женщины, пережившие Холокост, не смогли заговорить, как и многие другие женщины-жертвы нацизма.

---

¹⁹⁰ Декларации об искоренении насилия в отношении женщин // ООН. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения: 18.10.2020).

¹⁹¹ Sexual Violence against Jewish Women during the Holocaust / edited by Sonja M. Hedgepeth and Rochelle G. Saidel. Waltham, 2010.

¹⁹² Хааг Л. Горсть пыли / пер. с нем. 2-е изд. М., 1987. С. 8.

Важно подчеркнуть, что изучение данного феномена исходит не просто из концепта травмы, но из понимания опытов гендерной травмы¹⁹³, различий переживания гендерного насилия. Философ Виктория Суковатая делает важные выводы на этот счет применительно к условиям тоталитаризма: «Гендерная травма не артикулирована как проблема в массовом сознании. “Травмированная” женщина обычно остаётся “молчащей” женщиной, ибо общество не способствует осознанию ею её субъективности. Для выражения своей гендерной субъектности женщине необходимо противопоставить себя патриархатным ценностям семьи, рода, нации, получив, неизбежно, статус “оппортунистки” и “предательницы”. Однако боль гендерной раны продолжает существовать в глубинах сознания и подспудно влиять на решения, поступки, настроения женщины»¹⁹⁴.

Изучение данной проблематики осуществляется **на стыке исследований Холокоста и женских исследований** на основе гендерной методологии, позволяющей обеспечить феминистские интерпретации истории Холокоста¹⁹⁵. Доктор Дейдре Батлер в блестящей статье об исследованиях Холокоста в США отметила, что «изучение женщин и Холокоста – одно из самых быстрорастущих направлений исследований

---

¹⁹³ *Hirth B. B.* The Limits of Language: Gender, Trauma and the Holocaust: A Thesis for the Degree of Master of Arts in English. Central Connecticut State University, New Britain, Connecticut, 2008; *Hyder E.* Women in the Holocaust: the memoirs of Ruth Kluger, Cordelia Edvardson, and Judith Magyar Isaacson: A Thesis for the Degree of Master of Arts. Graduate College of Bowling Green State University, 2009.

¹⁹⁴ *Белова А.В.* Женский опыт в контексте проблемы освобождения союзниками нацистских концлагерей: гендерные аспекты насилия // Освобождение союзниками нацистских концлагерей (1944–1945): Материалы 10-й Международной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия» / Сост. И. А. Альтман, М. В. Гилева, С. А. Тиханкина / Под ред. И. А. Альтмана. М., 2020. С. 46.

¹⁹⁵ *Potter E.* Op. cit. P. 34–45.

Холокоста. Хотя не все женщины-ученые работают конкретно с женщинами, среди них существует консенсус в отношении того, что женщины действительно должны учитываться при изучении Холокоста»¹⁹⁶.

Методологические подходы, обладающие при этом наибольшей эвристической значимостью, связаны с **гендерной антропологией**, изучающей насилие как антропологический феномен и делающей акценты на выявлении различий, а не сходств; теорией **интерсекциональности**, анализирующей женский опыт как пересечение дискриминаций и позицию сексуальной уязвимости; концептом **гендерного насилия**, имеющего системный характер как механизм социального подчинения женщин. Также Э. Поттер в работе «Феминистские интерпретации истории Холокоста» отмечает, что и «метод *Alltagsgeschichte*, **истории повседневной жизни**, использовался феминистскими историками Холокоста, чтобы выделить коллективный женский опыт Холокоста»¹⁹⁷.

В контексте теории интерсекционализма **изучение опытов жизни и выживания женщин в условиях Холокоста** приобретает особую актуальность и эвристическую значимость. Как утверждает **Дейдре Батлер**, вслед за **Марион Каплан**, «еврейские женщины подвергались двойной стигматизации со стороны антисемитизма и сексизма»¹⁹⁸. Каким бы ни было положение женщин в негласной иерархии, они всегда сохраняли сексуальную уязвимость, допустимость в отношении себя разнообразных проявлений гендерного насилия, включая сексуальное¹⁹⁹,

---

¹⁹⁶ *Butler D. Op. cit.*

¹⁹⁷ *Potter E. Op. cit. P. 36.*

¹⁹⁸ *Butler D. Op. cit.*

¹⁹⁹ *Krieg und Geschlecht: sexuelle Gewalt im Krieg und Sex-Zwangarbeit in NS-Konzentrationslagern / I. Eschebach, R. Mühlhäuser (Hrsg.). Band 3 von Materialien der Stiftung Brandenburgische Gedenkstätten. Metropol, Berlin 2008; Sexual Violence*

выраженную роль жертвы, при всей сложности их определения, о чем пишет **Карен Ховард** («женщины не подходят под один заранее определенный ярлык «жертвы»... женский опыт и жертва также неоднородны»)²⁰⁰, несмотря на виды деятельности и способности адаптироваться к жизненным обстоятельствам.

Применение концепта гендерного насилия к анализу положения женщин, выявление конкретных практик и структур институализированных насильственных действий в нацистских концлагерях (включая колечашие медицинские эксперименты), влекущих за собой нанесение физического, психологического, сексуального урона, причинение ущерба здоровью и страданий, связанных со всеми видами деприваций, вместе с тем трансформация всех проявлений телесного «женского» опыта (беременности, родов, материнства) в травматический при любом исходе (сохранение цикла менструации при отсутствии гигиенических средств или возникающая аменорея, сохранение беременности или ее прерывание, вынужденный аборт по собственной воле или насильственный аборт, роды и лишение жизни новорожденного на глазах у матери, выхаживание младенцев с угрозой для жизни и матери, и ребенка или необходимость сделать выбор в пользу сохранения жизни одного из своих детей) и потенциально опасный для жизни и выживания позволяют обозначить круг новых проблем, подлежащих исследованию. Как уже говорилось выше, **Дж. Рингельхайм назвала опыт женщин во время Холокоста «выбором без выбора».**

---

against Jewish Women during the Holocaust / edited by Sonja M. Hedgepeth and Rochelle G. Sidel. Waltham, 2010.

²⁰⁰ *Howard K.* Challenging definitions of female victims of war. [Electronic resource]. URL: <https://karentrebyhoward.wordpress.com/2018/10/18/challenging-definitions-of-female-victims-in-war/> (date of the application: 18.10.2020).

В рамках **Holocaust studies** особую актуальность приобретает тема **взаимной поддержки женщин как один из ресурсов выживания в Холокосте**. Апеллируя к историографическим выводам Джоан Рингельхайм²⁰¹ о сплоченности и последовательной взаимовыручке и взаимоподдержке женщинами друг друга в период нахождения в лагере, благодаря чему им удавалось лучше, чем мужчинам, приспособливаться к новым условиям и выживать, можно поставить ряд исследовательских проблем, связанных с пребыванием женщин в нацистских концлагерях. Как ни парадоксально, но традиционные гендерные роли заботы о других, самопожертвования и обесценивания себя ради благополучия близких, способность «создавать или воссоздавать “семьи” и тем самым обеспечивать сети выживания»²⁰², потребность в эмоциональной близости и опоре способствовали тому, что, по мнению Дж. Рингельхайм, «женщин выживало больше, чем мужчин»²⁰³.

Мужчины выступали в этой ситуации в позиции двойной маргинализации, характерной обычно для женского статуса – как евреи и как заключенные, лишенные шансов на выживание вне взаимной поддержки. Заключенные мужчины-евреи, ставшие жертвами нацистского режима, в ряде случаев оказывались в отношении женщин-узниц такими же насильниками, как и представители лагерных служб. Лишившись личной семейной власти над женами, олицетворяющей собой устойчивый социальный порядок и принятый гендерный контракт, мужчины-узники утрачивали человеческую, межгендерную, этническую солидарность и, находясь сами в ущемленном положении, были готовы причинить ущерб посредством открытого сексуального насилия.

---

²⁰¹ Рингельхайм Дж. Указ. соч. С. 254–279.

²⁰² Ringelheim J. Op. cit.; Рингельхайм Дж. Указ. соч. С. 261.

²⁰³ Рингельхайм Дж. Указ. соч. С. 260.

Таким образом, исследование женского опыта во время Холокоста не только позволяет понять многомерность и универсальность насилия в отношении женщин. Жертвы-женщины составляли одну из «молчащих групп» в соответствии с теорией Эдвина Арденера, которая вынуждена молчать или временно оставаться вне пространства артикуляции. Женщины, составлявшие половину еврейского населения и половину погибших в Холокосте, могут быть рассмотрены как «немая», «молчащая» группа, находившаяся в позиции двойной стигматизации со стороны антисемитизма и сексизма как еврейки и как женщины, опыт которых, обесцененный в историческом прошлом, впоследствии оставался невидимым и для ученых-мужчин, изучавших «историю Холокоста, как если бы это была только история мужчин в Холокосте»²⁰⁴.

Женщины-ученые, сделавшие учет гендерных факторов основной категорией анализа, стали ставить вопросы о Холокосте, которыми не задавались ученые-мужчины, включая табуированные темы сексуальности и насилия из области так называемой «запретной» антропологии. Феминистские интерпретации истории Холокоста включили в него прежде маргинальные сюжеты и темы, целостное осмысление практик гендерного взаимодействия, исследования роли и опыта женщин, бросающих вызов пониманию женщин и Холокоста и меняющих представления о нем и его изучении.

□ **Ключевые понятия.**

Этнокультурная идентичность, инокультурная среда, женская социальная память, экстремальная повседневность, опыт аккультурации, личностная самореализация, вынужденная эмиграция, женская личностная эмансипация, осознанное взросление, девичество, инокультурное

---

²⁰⁴ *Butler D. Op. cit.*

восприятие, нарратив личной истории, индивидуальная память о повседневной жизни, автобиографическая память, автобиографические нарративы, символическая память, коллективная идентичность, «своеволие», женская демонстрация, женский протест, взаимоподдержка женщин, культура памяти, женское противостояние нацистскому режиму, женская меморизация, национально значимые механизмы женской памяти, женская история Холокоста, артикулирование женского опыта, женщины-узницы концлагерей, «своим голосом», травматический опыт женщин, нарративная идентичность, научная проблема женщины и Холокост, обнаружение различий, женская уникальная виктимизация во время Холокоста, «выбор без выбора», язык бессильных, непроговариваемый женский опыт, насилие в отношении женщин, свидетельства женщин о преступлениях нацизма, женщины-жертвы нацизма, коллективный женский опыт Холокоста, двойная стигматизация, телесный «женский» опыт, Holocaust studies, двойная маргинализация, «молчащая» группа.

□ **Вопросы для самопроверки.**

1. Как конструировались представления об этнокультурной идентичности в автобиографической памяти представительниц русской эмиграции на примере нарратива личной истории Елены Якобсон?

2. В чем заключалась специфика женского противостояния нацистскому режиму на примере женского протеста на Розенштрассе в Берлине?

3. Почему проблема артикулирования женского опыта в условиях Холокоста стала актуальной темой в современной историографии?

4. Почему Джоан Рингельхайм считает взаимную поддержку женщин одним из ресурсов выживания в Холокосте?

ТЕМА VIII. ЖЕНСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

План

1. Изучение памяти как междисциплинарной проблемы.
2. Женская социальная память как проблема исследования.
3. Память и забвение в женском автобиографическом нарративе.
4. Ключевые понятия.
5. Вопросы для самопроверки.

□ Изучение памяти как междисциплинарной проблемы.

Современные *memory studies* – динамично развивающееся в начале XXI в. междисциплинарное поле, воплощающее новые подходы как в историографии, так и в антропологическом знании. В одном из современных учебных пособий память определяется как «способ конструирования людьми своего прошлого», утверждается, что, в одном из аспектов «она может изучаться как память-свидетельство людей, переживших некий опыт», в другом – «это понятие используют для изучения репрезентаций прошлого и его конструирования через медиа памяти»²⁰⁵.

Л. Нитхаммер приводит со ссылкой на предшественника и теоретика изучения долгосрочной памяти **М. Хальбвакса**²⁰⁶ предположение «о способности человека вспоминать то, что было давно», как о «реконструировании прошлого с помощью информации, доступной

---

²⁰⁵ Сафронова Ю.А. Историческая память: Введение. СПб., 2019. С. 15.

²⁰⁶ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 336.

на сегодняшний день, сегодняшних толкований и сегодняшних общественных установлений»²⁰⁷.

В то же время **память о прошлом равнозначна способности предвидеть будущее**. Одни и те же области мозга (гиппокамп) дают возможность визуализовать перед мысленным взором как прошлое, так и будущее, совершить трансфер во времени и в прошедшее, и в предстоящее, позволяя, в конечном счете, быть дальновидными²⁰⁸. Категории темпорального и мемориального сближаются содержательно с категориями исторического и футурологического. Не случайно, изучение ретроспективы и перспективы зачастую тесно связаны между собой и составляют суть анализа исторического процесса.

Антропологическая природа памяти, входящей в качестве одного из компонентов психики в структуру сознания человека, **делает проблему междисциплинарной** – предметом изучения одновременно в рамках исследований мозга, нейрофизиологии, биохимии, психологии, педагогики, истории, культурной антропологии, антропологии памяти.

Профессор когнитивной нейронауки Лондонского университета **Элеонор Энн Магуайр** (*Eleanor Anne Maguire*, род. 1970) усматривает связь **«автобиографических воспоминаний о личном прошлом людей и их способности представлять фиктивные и будущие сцены и события»**²⁰⁹, то есть считает предназначением памяти проецирование человека в будущее. Выбор оптимального образа действия из точки

---

²⁰⁷ Нитхаммер Л. Указ. соч. С. 18.

²⁰⁸ Белова А.В. Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти... С. 39–40.

²⁰⁹ Hassabis D., Maguire E. The construction system of the brain // Philosophical Transactions of the Royal Society B. Biological Sciences. 2009. Volume 364, Issue 1521. URL: <https://doi.org/10.1098/rstb.2008.0296>; <https://www.fil.ion.ucl.ac.uk/Maguire/> (дата обращения: 08.05.2022).

будущего становится обусловленным содержательными и структурными аспектами автобиографической и социальной памяти личности, что придает ее изучению особую научную значимость²¹⁰.

При этом в историко-этнологические исследования памяти включаются проблемы контр-памяти, забвения, борьбы за память, политик памяти, которые так или иначе представляют собой понятийный арсенал **антропологии памяти**, обусловленный в каждом конкретном случае специфическим историческим контекстом.

В то время как конструкторами доминирующей национальной «**исторической памяти**» являлись мужчины-историографы, **женщины**, как правило, **становились носительницами альтернативной социальной памяти**. Поэтому важно понять, каким образом данный вид памяти участвует в **конструировании национальной идентичности**, насколько гендерная дифференциация существенна для интерпретации общенационального исторического нарратива.

Это приобретает особое значение в контексте существующего в историографии различения **социальной памяти** как продукта общественного воображения и профессионально написанной истории как результата деятельности ученых²¹¹.

Проблема **меморизации культуры и социального опыта сообщества** имеет ключевое значение в сохранении национального самосознания, нациестроительстве, укреплении фундаментальных основ государственности и упрочении принципов цивилизационной модели. Основы российской государственности исторически формировались в условиях **родовой памяти** поколений, приоритета семейной организации,

---

²¹⁰ Белова А.В. Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти... С. 40.

²¹¹ Шнирельман В.А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018. С. 14.

широкого взаимодействия и тесного сотрудничества не только общинных объединений, но и разнообразных с возрастной, гендерной, этнической точек зрения общественных когорт.

Для российской цивилизационной модели характерно как наличие сильной общины, патриархальной большой семьи, так и **высокая степень женского участия в общественно-политических и частно-правовых процессах, которое усиливалось от средневековья к новому и новейшему времени.** Исторически россиянки выступали не только субъектами воспроизводства **человеческого капитала**, представлявшего один из возобновляемых ресурсов российской и советской государственности (особенно в послевоенное время), но и носительницами **«ментального капитала»** нации, целью поддержания которого являлась жизнеспособность общества как социальной системы.

□ **Женская социальная память как проблема исследования.**

Субъективные источники – мемуары, воспоминания, записи устных историй, автодокументальные нарративы, принадлежавшие женщинам, – выступают одновременно **документальной базой по истории женской социальной памяти и практик женской повседневности.**

Выявление исторического содержания, функционального предназначения и роли женской социальной памяти в аккумулировании ключевых составляющих устойчивого цивилизационного развития семьи, государства, нации в России имперского, советского и постсоветского периодов является фундаментальной исследовательской задачей. Важно проследить **механизмы преемственности консолидирующего потенциала женской социальной памяти** в условиях общественно-политических катаклизмов и войн, природно-климатических бедствий и социальных потрясений, мирных будней и производительного

повседневного опыта на протяжении последних трёх веков российской истории.

Наряду с преобладающими тенденциями вестернизации XVIII в. и модернизации XIX в., поиска баланса традиционного общества и инновационных установок, **особое значение в этой связи имеет исследование женской социальной памяти и о наиболее влиятельных событиях и процессах XX в.**, таких как эмиграция из России разных волн, мировые войны, массовые перемещения народов, геноциды, «холодная война», распад СССР, формирование новой российской государственности, **и об обыденном, привычном, повседневном**, которое всегда было фоном для событий «большого масштаба».

Практики женской меморизации подлежат научной интерпретации как уникальный общественно-исторический **инструмент преобразования трагических (травмирующих) опытов в конструктивную мотивацию к выживанию и дальнейшему развитию.** В этом и заключен основной **потенциал женской истории как основы российского социального оптимизма**, особенно в некоторые исторические периоды, каким был, например, период «хрущевской оттепели» в СССР. Проблематизация многофункционального потенциала женской социальной памяти об ординарных и экстраординарных событиях, явлениях и процессах прошлого продвигает научное сообщество в изучении механизмов самоорганизации российского и советского общества на всех уровнях выработки коллективной идентичности – семейном, поколенческом, государственном, национальном.

Изучение проблем женской меморизации позволяет понять с наибольшей достоверностью такие существенные вопросы, **как изменения, происходившие в обществе, отражались на повседневных переживаниях и субъективных опытах отдельных так называемых «маленьких людей»,** составлявших человеческий потенциал нации,

характере и способах их социализации и инкультурации. Возрастает актуальность исследований, связанных с этическими аспектами исторического развития, изменениями социальных, политических и экономических отношений, влияющих на судьбы конкретных людей, по-разному ими оцениваемыми, в том числе в национально значимых **механизмах женской памяти.**

В настоящий момент важно **проблематизировать женскую социальную память, фиксируемую в автобиографическом дискурсе, как предмет интегративных исследований женской истории, социальной антропологии женской повседневности и антропологии памяти.** Изучение гендерных особенностей исторической памяти²¹² представляет бесспорный научный интерес для проникновения в механизмы меморизации и выяснения их роли в конструировании нарративной идентичности личности. Лишь по прошествии времени можно целостно и концептуально осмыслить прожитые годы, сделать выводы о логике жизненного пути и целесообразности встречавшихся на нем пережитий.

Гендерные особенности запоминания и исторической памяти, с одной стороны, выявляли отличия женских жизненных опытов и социальных практик от мужских, вносящих коррективы в структуру традиционных гендерных ожиданий и систему гендерных отношений, с

---

²¹² *Иванова Е.Ф.* О гендерных особенностях памяти // Гендерные исследования. 1999. № 3. С. 242–252; *Ее же.* Память об исторических событиях (на материале Холокоста): гендерный аспект // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история... С. 217–234; *Пушкарева Н.Л.* Андрогинна ли Мнемозина? (Гендерные особенности запоминания и исторической памяти) // Сотворение истории. Человек – память – текст: Цикл лекций / науч. ред. Л.П. Репина; отв. ред. Е.А. Вишленкова. Казань, 2001. С. 274–304; *Ее же.* Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. С. 278–308.

другой, – позволяли в ряде случаев переосмыслить имеющийся опыт семейных взаимодействий, играли важную роль в трансформации гендерных идентичностей, прежде всего женской²¹³. Личная память, транслируемая в мемуарах женщин, становится **системообразующим дискурсом в повседневной жизни семьи**, в организации внутрисемейных связей в синхронном и диахронном аспектах и конструировании статусных и властных иерархий.

Историографические аспекты **корреляции материнской темы и проблемы памяти** намечены как значимые в контексте социальной истории, исторической этнологии, истории повседневности²¹⁴. Фиксация и закрепление **материнской идентичности в автобиографической памяти** носили сложный характер, не всегда полностью соотносимый с социальными ожиданиями от женщин, хотя и формируемый под их непосредственным влиянием.

Проблема женской социальной памяти объединяет эвристический потенциал исторических и этнографических исследований памяти, антропологии памяти, психологии памяти, нейроантропологии, гендерной антропологии и других²¹⁵. Нарративы о собственном прошлом, «пережитые истории», запечатлевшие **индивидуальную память о повседневной жизни** в контексте происходивших политических и социальных событий, в сочетании с актуальными «повседневными

---

²¹³ Белова А.В. Женская социальная память как предмет изучения гендерной антропологии... С. 268.

²¹⁴ Пушкарева Н.Л., Белова А.В., Мицюк Н.А., Громова А.И. Материнская идентичность, семейная и коллективная память о «женском предназначении» в России: историографические наблюдения // Историческая память и российская идентичность... С. 289–311.

²¹⁵ Белова А.В. Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти... С. 40.

заботами и переживаниями»²¹⁶ не только конструируют идентичность авторов, выявляют характерные для них дискурсы²¹⁷ о мире, но и по особому преобразуют общезначимый контент в элементы автобиографической памяти.

При этом **автобиографическая память** неverifiedируется в принципе и даже память об одном и том же событии может с полным основанием отличаться у разных людей, по своему его переживших. Возникает ряд вопросов: каким образом происходит отбор событий для запоминания, каковы гендерные особенности меморизации, как работает механизм женской памяти об общественно-политических событиях, породивших в прошлом травматические опыты, существует ли мнемонический ресурс трансформации болезненных жизненных практик в приемлемые воспоминания? Исследование этих вопросов на примере переживания и осмысления коллизий «короткого» XX в., заполненного мировыми войнами, революциями, тоталитарными диктатурами, военными режимами, милитаризмом, политическими, расовыми, этническими преследованиями, позволит выявить новые аспекты соотношения практик меморизации и социального опыта женщин, уточнить функциональное предназначение автобиографических нарративов для трансляции женской социальной памяти.

□ **Память и забвение в женском автобиографическом нарративе.**

Автобиография предполагает воспроизведение собственной жизненной истории, при этом может иметь расширенное толкование. По

---

²¹⁶ Белова А.В. Без родительского попечения... С. 31.

²¹⁷ Белова А.В. Дискурсы «женского письма» в русской дворянской повседневности конца XVIII – первой половины XIX вв... С. 69.

версии Британники, «автобиографические произведения имеют множество разновидностей – от глубоко личных записей, делавшихся в течение всей жизни и не всегда предназначавшихся для публикации (в том числе письма, дневники, мемуары и воспоминания) до формальной автобиографии»²¹⁸. При таком понимании они совпадают с автодокументальными источниками, иначе называемыми источниками личного происхождения, или субъективными источниками как своеобразным дисплеем женской субъективности.

Определение автобиографической памяти включает женский авторский нарратив, функцией которого является конструирование идентичности. Можно ли утверждать, что в известном смысле любой женский нарратив стоит считать выражением автобиографической памяти? Все ли субъективные источники относятся к ней? Да, если принять не субстанциальность, а инструментальность памяти, то есть воспринимать ее как инструмент проецирования себя в будущее.

Можно ли при этом утверждать, что **автобиографическая, социальная и историческая память женщин соотносятся как индивидуальная, коллективная и национальная память?** В какой мере автобиографический нарратив женщин вписан в метанарратив значимого коллективного и национального опыта?

В процессе написания автобиографии происходит переконструирование собственного прошлого на уровне нарративной идентичности. Рассказанная во всех подробностях история позволяет устранить негативные аспекты восприятия и травмы. Вместе с тем дает возможность воссоздать это иначе, чем это переживалось. Происходит

---

²¹⁸ Автобиография // Britannica... С. 8.

создание мифа о себе через «намеренное словесное искажение запомненного»²¹⁹.

Автобиографическая память относится к самовосприятию собственной идентичности и имеет незначительное отношение к достоверности передаваемых событий. Она нацелена на воспроизводство субъективных переживаний автора, ментальную переработку повседневных опытов прошлого с целью не просто перерассказать о нем, а мысленно создать (смоделировать) будущее.

Механизмы бытования и действия автобиографической памяти напоминают отчасти способы функционирования эпической традиции. Эпос не нацелен на историческую достоверность. Его смысл – посредством воспроизводства значимого социального опыта прошлого обеспечить устойчивое существование сообщества в будущем. **Автобиографическая память за счет воссоздания нарратива о прошлом призвана обеспечить устойчивый эмоциональный статус автора в будущем.**

Проблемы, с которыми в каком-то возрасте автор не могла справиться, ей удастся переосмыслить и иначе интерпретировать по прошествии времени. **Обращение к воспоминаниям о собственной прожитой жизни – это взгляд на себя из «точки будущего».** Безвыходная ситуация в прошлом может быть оценена как невозможность взглянуть на себя из «точки будущего». Позднее, когда это «будущее» наступило и прошло, и, миновав статус «настоящего», обрело статус «прошлого», сознание способно обращаться с ним произвольно, переосмыслить в пользу комфортного принятия. Часто, находясь в том, что когда-то было будущим, человек с большим недоумением обращается к

---

²¹⁹ *Ekman P.* Telling lies: clues to deceit in the marketplace, politics, and marriage. N.Y., 1985.

образу себя в прошлом, эмоциональному статусу и не понимает, зачем было потрачено определенное количество эмоций и сил на ситуации, которые этого не заслуживали. Но в моменте это было не понятно.

Можно выделить следующие **виды автобиографической памяти: инструментальную, экспрессивную (эмоциональную), событийную**²²⁰.

Также могут быть выявлены **основные функции автобиографической памяти**, такие как **идентификационная (ресурсная)**, которая служит ресурсом идентификации себя с родом, семьей, социальной группой; **коммуникативная; транслирующая; мифологизирующая; смыслообразующая**²²¹.

Подлежат различению **способы легитимизации женской автобиографической памяти**, обеспечивающие право на память, право помнить что-либо, варианты официальной или альтернативной памяти и забвения. Возникает вопрос: в какой исторический момент женщина сама выбирает, что ей помнить, а что забывать? В какой мере женщина признается экспертом памяти?

Способна ли память поддерживать или разрушать ее внутренний мир, придавать ему искомую устойчивость? В чем потенциал автобиографической памяти? Память о каких этапах жизненного цикла является наиболее конструктивной? Служат ли личные записи резервуаром воспоминаний, таким же, как фотографии? Наконец, каково соотношение

---

²²⁰ Белова А.В. Женская автобиографическая память как социальный нарратив // Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание. Материалы XIII международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. В 2-х частях / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, сост. А.И. Громова. М., 2020. Ч. 1. С. 23.

²²¹ Белова А.В. Функции автобиографической памяти в женском нарративе // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И.В. Нам. Москва; Томск, 2021. С. 754–755.

автобиографической памяти с этапами жизненного цикла? Какую роль играют воспоминания в конструировании идентичности?

Все эти вопросы в большой степени нуждаются в проработке, главным образом, потому, что, будучи лишены доступа к производству символического господства в виде запечатленной реальности, женщины на протяжении веков не могли ни создать, ни легитимизировать собственную версию исторического прошлого.

Женская автобиографическая память становится, таким образом, способом обретения исторического измерения бытия женщин, конструирования будущего посредством проявленного прошлого («...прошлое есть будущее»²²²), их собственной версией придания значимости своему социальному опыту, его фиксации и закрепления в структуре символического миропорядка.

□ **Ключевые понятия.**

Memory studies, долгосрочная память, гиппокамп, автобиографические воспоминания о личном прошлом, антропология памяти, историческая память, альтернативная социальная память, родовая память, женская социальная память, практики женской меморизации, механизмы женской памяти, автобиографический дискурс, индивидуальную память о повседневной жизни, женская автобиографическая память, гендерные особенности памяти, женский автобиографический нарратив, автобиография, гендерная антропология, антропология памяти, практики меморизации, социальный опыт женщин, индивидуальная память, коллективная память, национальная память, нарративная идентичность, виды автобиографической памяти, функции автобиографической памяти, способы легитимизации женской

---

²²² Рингельхайм Дж. Указ. соч. С. 270.

автобиографической памяти, официальная память, альтернативная память, эксперт памяти, резервуар воспоминаний, символическое господство, запечатленная реальность, символический миропорядок.

□ **Вопросы для самопроверки.**

1. Почему изучение памяти является актуальной междисциплинарной проблемой?
2. Какое важное открытие об автобиографических воспоминаниях сделала профессор когнитивной нейронауки Лондонского университета Элеонор Энн Магуайр?
3. Почему женщины являются носительницами альтернативной социальной памяти?
4. В чем значение женской социальной памяти как проблемы исследования?
5. Почему женщины и мужчины по-разному запоминают и транслируют истории об индивидуальном и коллективном прошлом?
6. Что понимается под автобиографией?
7. Какими особенностями отличается женская автобиографическая память?
8. В чем предназначение женской автобиографической памяти?
9. Какие можно выделить виды автобиографической памяти?
10. Какие могут быть выявлены функции автобиографической памяти?

ТЕМА IX. СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПОДХОДА НОВОЙ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

План

1. Социальный оптимизм женской истории в биографии третьей женщины-академика в СССР.
2. Участие в международных женских конгрессах конца 1940–1950-х гг.
3. Участие в открытии Сибирского отделения Академии наук СССР и создании Академгородка.
4. Участие в среднеазиатской научной экспедиции в 1950 г.
5. Ключевые понятия.
6. Вопросы для самопроверки.

□ **Социальный оптимизм женской истории в биографии третьей женщины-академика в СССР.**

Интенция **социального оптимизма** стала одним из ключевых ресурсов развития советского общества в условиях хрущевской «оттепели»²²³. Это отчетливо проявилось в **женской автобиографической памяти участниц событий**, для которых двадцатое столетие стало не только временем кардинальных общественных трансформаций, но и не возможных в рамках прежней социальной системы личных траекторий мобильности и эмансипации.

В этом смысле наиболее характерный пример – судьба академика **Пелагеи Яковлевны Кочиной (Полубариновой) (1899–1999)**, которая

---

²²³ Белова А.В. Социальный оптимизм как интенция в женской автобиографической памяти эпохи хрущевской «оттепели»: практики самоанализа академика П. Я. Кочиной // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2023. № 2 (66). С. 5–20.

была одной из видных представительниц советской науки, крупным ученым в области гидродинамики и прикладной математики²²⁴. Она внесла большой вклад в реализацию женской истории XX века: **собственной биографией третья женщина-академик (1958) в СССР воплотила «новую судьбу» советской женщины**, совершив социальное восхождение из крестьянской среды до Академии наук. Подобная социальная мобильность, выступая одним из проявлений **женской эмансипации в советском обществе**, служила вместе с тем важным связующим звеном с дореволюционными достижениями в области высшего образования для женщин и доступа их к профессиональной самореализации.

Будучи одной из представительниц **первых поколений россиянок, получивших высшее образование**, и являясь его апологетом, П.Я. Кочина стала исследовательницей²²⁵ жизненного и научного пути другой **«знаменитой русской женщины – Софьи Васильевны Ковалевской»**²²⁶ (для которой в XIX в. таких возможностей внутри страны еще не существовало), возглавила коллективную работу по переводу, публикации, изучению ее мемуарного, художественного и эпистолярного наследия²²⁷. **Начиная с первых детских воспоминаний в автобиографической**

---

²²⁴ Кочина Пелагея Яковлевна // Российская академия наук. URL: https://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=id-800.ln-ru.dl-pr-inf.uk-12 (дата обращения: 19.02.2023); Кочина Пелагея Яковлевна // Российская академия наук. URL: <https://new.ras.ru/staff/akademiki/kochina-pelageya-yakovlevna/> (дата обращения: 19.02.2023).

²²⁵ Кочина П. Я. Софья Васильевна Ковалевская, 1850–1891 / отв. ред. А. Ю. Ишлинский, З. К. Соколовская. М., 1981; Кочина П. Я., Зенкевич И. Г. С. В. Ковалевская. М., 1986. (Люди науки).

²²⁶ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания. М., 1974. С. 146.

²²⁷ Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести / отв. ред. П. Я. Кочина. М., 1974. (Литературные памятники АН СССР); Переписка С. В. Ковалевской и Г. Миттаг-Леффлера / сост. П. Я. Кочина и Е. П. Ожигова. М., 1984.

памяти П.Я. Кочкиной истории разных женщин тесно переплетаются с ее «личной» женской историей.

Наряду с признанной в советское время и отмеченной высокими государственными наградами²²⁸ научной деятельностью ученоя активно занималась общественной. П.Я. Кочина награждена четырьмя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалями, удостоена Государственной премии СССР²²⁹. **Разнообразная научная и общественная активность была запечатлена ею в опубликованных в 1974 г. воспоминаниях о пережитом, пронизанных в целом, социальным оптимизмом.**

Целесообразно в контексте социальной антропологии женской повседневности **выявить черты социального оптимизма в самоанализе повседневной жизни и мировоззренческих установок в контексте автобиографической памяти академика Пелагеи Яковлевны Кочкиной.** Применение подхода новой биографической истории позволяет выбрать для этого три значительных эпизода в ретроспективном осмыслении ею собственной общественной и профессиональной деятельности, имевших особое социально-политическое и народно-хозяйственное значение: участия в международных женских конгрессах конца 1940–1950-х гг., в открытии Сибирского отделения Академии наук СССР и создании Академгородка, в среднеазиатской научной экспедиции в 1950 г.

□ Участие в международных женских конгрессах конца 1940–1950-х гг.

---

²²⁸ Пелагея Яковлевна Полубаринова-Кочина // Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт гидродинамики им. М.А. Лаврентьева Сибирского отделения Российской академии наук. История Института. URL: <http://www.hydro.nsc.ru/institute/history/person/Kochina.php> (дата обращения: 19.02.2023).

²²⁹ *Кочина П. Я., Зенкевич И. Г.* Указ. соч. С. 3.

Частью эмансипационного проекта советской государственности являлись **женские общественные организации в СССР**. Среди вовлеченных в их деятельность **широких слоев женщин** были и наиболее **видные представительницы науки**, такие как академик П.Я. Кочина. Одну из важных тем в ее автобиографической памяти составляет **участие в международных женских конгрессах конца 1940–1950-х гг.**²³⁰ С этим были связаны заграничные поездки, в ходе которых делегация советских женщин выполняла общественно значимую миссию в послевоенной Европе.

П.Я. Кочина отмечала, что **Первый международный конгресс женщин** проходил в **Париже в 1945 г.**, и на нем была основана **Международная демократическая федерация женщин (МДФЖ)**²³¹. В эту организацию вошел **Антифашистский комитет советских женщин (1941–1956)**, переименованный затем в **Комитет советских женщин (1956–1992)**, документы о деятельности которого хранятся в Государственном архиве Российской Федерации²³².

---

²³⁰ Белова А.В. Участие в международных женских конгрессах конца 1940-х – 1950-х годов в автобиографической памяти академика П. Я. Кочиной // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. — Электронные дан. (16,8 Мб). — Санкт-Петербург, 2022. С. 2265–2273.

²³¹ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 244.

²³² Путеводители по российским архивам. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории СССР. Путеводитель. Том 3. 1997. Общественно-политические организации. Комитет советских женщин (1941–1992). URL: <https://guides.rusarchives.ru/funds/6/komitet-sovetskih-zhenshchin-1941-1992> (дата обращения: 16.03.2022).

Академик П.Я. Кочина подробно описала свои впечатления от участия во **Втором международном конгрессе женщин в Будапеште в ноябре 1948 г.**, организованном Международной демократической федерацией женщин, в которую входил тогда Антифашистский комитет советских женщин²³³. В составе советской делегации, возглавляемой Н.В. Поповой (председателем Антифашистского комитета / Комитета советских женщин в 1945–1968, вице-председателем Международной демократической федерации женщин), она оказалась в центре исторически значимых событий в один из ключевых моментов обустройства Европы после Второй мировой войны.

Важно отметить непредвзятость восприятия и оценок происходящего П.Я. Кочиной, отсутствие нарочитой идеологизированности, напротив, – неожиданную эстетизацию наблюдаемого. Это прослеживается в вербальной характеристике и столицы Венгрии, и зала заседаний, и отдельных участниц- представительниц других стран. Обращая внимание на международный статус женского форума, разнообразие расового и национального состава собравшихся, П.Я. Кочина подчеркивает общность антивоенного настроения женщин, их единство в этой ключевой общественной повестке послевоенных лет: «Особое чувство общности народов мира охватывало нас при виде женщин, таких разных, по внешности и вместе с тем имеющих столько общего. У всех было общее стремление к миру, к спокойной, достойной человека жизни» (с. 244).

Созданный на начальном этапе Великой Отечественной войны, 7 сентября 1941 г., на **I Всесоюзном антифашистском митинге**, проходившем в Москве, с целью «установления связей с женскими зарубежными организациями, сплочения женщин всех стран мира в борьбе против фашизма, за мир и права женщин, улучшение положения детей,

---

²³³ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 244.

вовлечения советских женщин в решение социально-экономических задач»²³⁴ Антифашистский комитет советских женщин и после ее окончания продолжал играть активную роль в антивоенной борьбе в условиях новых вызовов и наметившегося противостояния бывших союзников по антигитлеровской коалиции.

Среди тем Второго международного конгресса женщин П.Я. Кочиной вспоминались вопросы «улучшения ухода за детьми, их воспитания и образования, подъема благосостояния семьи и помощи женщинам в их домашней работе» (с. 244), поднимаемые преимущественно представительницами социалистических стран. Также в памяти советской ученой сохранились впечатления от отсутствия политического равноправия в некоторых капиталистических странах, таких как Швейцария или Сан-Марино («права входить в состав парламента» будут предоставлены в 1971 г. и 1973 г. соответственно (с. 245)). П.Я. Кочиной «казалось особенно странным, что в Швейцарии, которая в прошлом веке была передовой страной и первая впустила женщин в стены своих университетов, все еще не было полного равноправия» (с. 244). Показательно, что она связывала предоставление избирательных прав женщинам и достигнутую возможность получения ими высшего образования как последовательные шаги по пути женской эмансипации.

Дух **женской солидарности** проявился в международном общении и поддержании общественных и научных взаимодействий женщин из разных стран. К представительницам советской делегации, по словам П.Я. Кочиной, «часто подходила» вдова убитого нацистами в 1944 г. в концентрационном лагере Бухенвальд лидера германских коммунистов Э. Тельмана, **Р. Тельман (1890–1962)**, также бывшая узницей женского

---

²³⁴ Путеводители по российским архивам...

концентрационного лагеря Равенсбрюк, спасенная от истощения после освобождения советскими женщинами-врачами (Л.А. Петровой и еще одной, имя которой П.Я. Кочина не приводит). Факт того, что советские врачи, имевшие опыт выхаживания больных дистрофией из блокадного Ленинграда, спасали бывших узников нацистских концлагерей, широко известен. Знаком дружеского внимания стали подаренные Розой Тельман советским женщинам фотографии ее мужа с собственным автографом. Она и впоследствии, бывая в Москве, «поддерживала дружбу с Комитетом советских женщин» (с. 245).

Еще одним значимым контактом П.Я. Кочина считала знакомство с «женщинами шведской делегации» и напоминание им о приближающемся в начале 1950 г. столетнем юбилее С.В. Ковалевской, который впоследствии был «широко отмечен в Швеции». Из написанного П.Я. Кочиной и отправленного «общественной деятельнице Швеции Андреа Андреен» биографического очерка «русской ученой» шведы узнали «точную дату рождения Ковалевской» (с. 246).

В апреле 1950 г. П.Я. Кочина стала членом советской делегации на **Третьем женском конгрессе в ГДР**. Возглавляла делегацию **М.Д. Ковригина (1910–1995)**, в отношении должности которой П.Я. Кочина допустила неточность, назвав ее «министром здравоохранения СССР» (с. 246), хотя в то время она была заместителем министра, а до марта 1946 г. наркома (1942–1950), затем министром здравоохранения РСФСР (1950–1953). Министром здравоохранения СССР она станет в 1954–1959 гг., войдя в историю не только как **первая женщина-министр в СССР**, но и как автор прогрессивных реформ в области репродуктивной политики, в том числе легализовавшая аборты в 1955 г. и увеличившая отпуск по

беременности²³⁵. В составе делегации П.Я. Кочина «помнила» профессии еще нескольких участниц («народной артистки», «врача», «инженера») из разных городов страны.

Волнение П.Я. Кочиной вызвало размещение советской делегации в гостинице у Бранденбургских ворот, из окон которой были видны развалины имперской канцелярии. Пять лет, прошедшие с окончания войны, позволяли испытывать сопричастность к историческим событиям. Она отмечала гигантские размеры здания, упоминала о бомбоубежище и бункере на глубине 16 м.

Заседания конгресса проходили в одном из театров Берлина, на них «выступали представительницы различных земель ГДР» и «обсуждались местные вопросы женских и детских организаций и общие вопросы мира» (с. 246). В перерывах происходили встречи отдельных групп женщин, на которых звучал актуальный **вопрос «немецкой вины»**. П.Я. Кочиной запомнилась и культурная программа по окончании работы конгресса, включавшая в себя посещение Дрездена и Веймара, и заключительный прием для женских делегаций, устроенный премьер-министром ГДР Отто Гротеволем. Как и в Будапеште, где она побывала на «горе Геллерт с памятником советским воинам» (с. 244), в Берлине она посетила Трептов-парк с Памятником советскому воину-освободителю (с. 248).

В мае 1959 г. в качестве приглашенного гостя П.Я. Кочина стала делегаткой **конгресса Союза итальянских женщин в Риме**. Вспоминая мельчайшие подробности о несвоевременном оформлении визы, ночном прибытии в Рим и встрече «с букетами роз», трансфере «от аэродрома до города» на частном автомобиле, управляемом М. Родано, «одной из

---

²³⁵ Соколенко О. Спасение детей и право на аборт: история первой советской женщины-министра // Forbes Woman. 11 февраля 2022 г. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/455351-spasenie-detej-i-pravo-na-abort-istoria-pervoj-sovetskoj-zensiny-ministra> (дата обращения: 16.03.2022).

руководительниц женского союза, сенатором от компартии» (с. 248) и при этом многодетной матерью пятерых детей, она не забывает подробно изложить женскую повестку конгресса.

По словам П.Я. Кочиной, «Союз итальянских женщин имеет основной своей целью борьбу за фактическую эмансипацию женщин Италии» (с. 248). Она отмечала отсутствие фактического равноправия итальянок, несмотря на формальное его достижение в 1947 г. П.Я. Кочина называла основные дефициты в этой связи, такие как разрыв в оплате труда, первоочередное увольнение женщин при сокращении штата, лишение девушек работы при выходе замуж, отсутствие трудового соглашения с батраками, социальная депривация которых дополнялась гендерной в отношении батрачек. Конгресс, собравший 800 женщин из разных регионов Италии, сочетал женскую повестку с актуальной общественной.

По замечанию П.Я. Кочиной, «**женский вопрос** теснейшим образом связан с острыми проблемами современности, поэтому выступавшие говорили и об атомной опасности, и о расстановке ракетных баз в Италии, и об общей безработице, и о забастовочных движениях в Италии» (с. 249). Также советскую ученую вдохновили вопросы «воспитания современной молодежи» и специальные издания по вопросам женщин и родительства, некоторые статьи из которых публиковались в русском переводе в известном советском журнале «Семья и школа».

В конгрессе Союза итальянских женщин, «самой крупной и активной женской организации среди секций МДФЖ», принимали участие, помимо советской, делегации женщин из Польши, Чехословакии, Югославии, Швейцарии, Греции, Франции, ГДР, Индонезии. В ходе дискуссий, в кулуарах конгресса и после его окончания завязывалось **женское международное сотрудничество, способствовавшее решению насущных вопросов конца 1950-х гг.**

Инициативной группой была начата подготовка к созыву в 1959 г. «совещания женщин европейских стран по вопросу об ответственности за атомную опасность» (с. 249–250). Именно женщины стали первыми, кто забил тревогу «об опасности испытаний атомных бомб и радиоактивных излучений» (с. 250).

Отвечая на вопросы корреспондента одной из итальянских газет, академик П.Я. Кочина поделилась своими оптимистичными пожеланиями о том, что «хотела бы видеть итальянских женщин счастливыми, добившимися осуществления своих требований, общих для женщин всех стран, да и не только для женщин, но и для всего человечества» (с. 253).

В автобиографической памяти «третьей женщины – академика Советского Союза» (с. 164) **участие в международных женских конгрессах конца 1940–1950-х гг. стало значимым опытом интернационального сотрудничества в рамках женской и гуманистической повестки.**

□ **Участие в открытии Сибирского отделения Академии наук СССР и создании Академгородка.**

Вектор социального оптимизма в СССР в конце 1950 – начале 1960-х гг. был задан не только идеологическими иллюзиями построения коммунизма, но и вполне прагматическими опорами ввиду улучшения качества жизни и повышения уровня общественного благосостояния в сравнении с довоенным. Реалии советской бытовой повседневности позволяли дифференцировать жизненные запросы людей разного социального статуса и интеллектуального уровня.

Женская автобиографическая память эпохи хрущевской «оттепели» сохранила представления о противоположности временно претерпеваемой неустроенности индивидуального быта социальному

оптимизму научной карьеры²³⁶. Академик П.Я. Кочина была одной из тех, кто откликнулся на призыв Академии наук СССР поддержать «проект организации науки в Сибири»²³⁷ в соответствии с принятым в 1957 г. решением открыть «Сибирское отделение Академии наук СССР и построить для него близ города Новосибирска научный городок с помещениями для институтов и благоустроенными жилыми домами для сотрудников» (с. 162).

Став в 1958 г. «третьей женщиной – академиком Советского Союза» (с. 164), она согласилась сменить жизненный комфорт столицы на малоустроенный быт первопроходца «в экспедиционном бараке», который зимой «было очень трудно натопить» (с. 169). По словам Пелагеи Яковлевны, «придя домой поздно вечером, одинокие золотодолинцы находили свое помещение промерзшим. Они должны были лопатой набирать каменный уголь вместе со снегом, бросать его в печку, которая растапливалась мелкими дровами» (с. 169–170). Иногда, если «не хватало энергии на топку», приходилось «спать в холодном помещении» (с. 170).

Однако первоначальная бытовая неустроенность компенсировалась жизнеутверждающим осознанием благоприятных условий для продолжения научной деятельности: «А ведь как интересно поехать в Сибирь, какие широкие перспективы для работы!» (с. 164). Важно отметить, что столь экспрессивное отношение выражено не молодым специалистом в начале профессиональной карьеры, а 59-летней

---

²³⁶ Белова А.В. Бытовая неустроенность vs социальный оптимизм научной карьеры в женской автобиографической памяти эпохи хрущевской «оттепели» // Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности. Материалы XV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Пенза, 29 сент. – 2 окт. 2022 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко: в 2 ч. М., 2022. Ч. 1. С. 275–280.

²³⁷ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 162.

женщиной-академиком, к тому времени сложившимся и признанным ученым.

Социальный оптимизм, пронизывавший в целом воспоминания П.Я. Кочиной о пережитом, сквозил и в ее повествовании о **сибирском этапе (1958–1970)**²³⁸ научной карьеры: «Все мы были воодушевлены стремлением приложить наши теоретические знания к практическим задачам. <...> Я проявляла даже некоторую самонадеянность, когда думала о том, сколько полезных вещей мы сможем сделать в Сибири»²³⁹. Ее кипучая научная и общественная деятельность сочеталась с обыденными административными поручениями, например «побеседовать с женами сотрудников, согласившихся ехать в Сибирь», «убеждать их, что в Новосибирске... у них будет интересная жизнь» (с. 164). Как полагает П.Я. Кочина, для большинства ее «предсказание оправдалось» (с. 164). Подобного рода **позитивные жизненные установки, которые содержали колоссальный преобразовательный потенциал, характеризовали и ее собственное мировоззрение, и своеобразный «женский голос» эпохи, озвучивший коллективную автобиографическую память женщин и воплотивший опыты их повседневности**, устремленной к реализации социального проекту «лучшего будущего».

Статус академика предполагал неоднократное улучшение жилищных условий: скорый переезд из «экспедиционного барака» в «малогабаритную квартиру» (с. 169) в «новом кирпичном доме», а из него в «большой двухэтажный коттедж» (с. 170) и «полукоттедж» (с. 171). Разумеется, переселение представителей советской научной элиты из «опустевших столиц» в Академгородок исключал «вещевую» переполненность и

---

²³⁸ Большая жизнь: к 100-летию академика Пелагеи Яковлевны Кочиной // Наука в Сибири. 1999. № 18 (2204) от 7 мая. С. 1. URL: <https://www.sbras.ru/ru/НВС-1999> (дата обращения: 16.03.2022).

²³⁹ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 165.

захламленность «нового» домашнего пространства. Ее «своеобразный быт и нравы» описала в стилизованной под «Евгения Онегина» поэме «Долиниада» Н.А. Притвиц, коллега П.Я. Кочиной, приводящей выдержки «с разрешения автора» (с. 171).

Вместе с тем **социальный оптимизм женской части академического сообщества**²⁴⁰ был обусловлен вовсе не материальным бытом, отличавшимся повышенной комфортностью от коммунального образа жизни «среднего» советского человека. И жилищные условия в отдельном доме в два этажа, и подобие домашней прислуги в лице «помогавшей по хозяйству»²⁴¹ соседки содержат в себе аллюзию на дворянский привилегированный быт новой интеллектуальной элиты советского общества. Однако, подобно женам представителей мятежного дворянства XIX в., отправившимся в Сибирь по своей воле, **женщины-ученые в конце 1950-х гг. с готовностью претерпевали бытовые неудобства и сложности начального этапа жизни на необжитом месте во имя высоких идеалов общественного служения и достижения новых рубежей отечественной наукой.**

Об этом свидетельствовали коллеги-мужчины: «Ни возраст, ни суровые условия не остановили Пелагею Яковлевну в ее стремлении помочь освоить природные богатства восточных областей страны. В 1959 году, когда еще в помине не было замечательных коттеджей Золотой долины, Кочина уже развернула первые исследования. В ее щитовом домике разместились и лаборатория, и общежитие молодых сотрудниц института. Гарнитур полированной мебели причудливым образом дополнили ящики из-под химических реактивов. На них были установлены

---

²⁴⁰ *Pushkareva N., Zhidchenko A. Women Scholars of Akademgorodok: Everyday Life in a Soviet University Town during the Thaw // The Russian Review. An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present. 2022. Vol. 81. № 2. P. 302–324.*

²⁴¹ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 170.

приборы. Но главная работа выполнялась под открытым небом. Каждое лето во главе экспедиции П.Я. Кочина отправлялась в Кулундинские степи, чтобы оказать помощь хозяйствам, заложить новые эксперименты, на практике проверить теоретические выводы»²⁴². **Преданность делу и профессиональному долгу ученого** не только **перевешивала бытовое дискомфорт повседневной жизни** в определенные периоды, но и еще больше укрепляла в ценностях неизменно оптимистического сценария общественного развития.

□ **Участие в среднеазиатской научной экспедиции в 1950 г.**

Как крупный ученый в области гидродинамики академик П.Я. Кочина внесла большой вклад в развитие мелиорации и создание оросительных систем в Узбекистане. Социальный оптимизм сквозил и в ее повествовании о поездке в Узбекистан²⁴³, содержащем ценную **профессиональную информацию** наряду с **этнологическими подробностями быта и повседневных обычаев узбекских женщин и мужчин**²⁴⁴.

П.Я. Кочина поясняла, что, побывав в 1950–1952 гг. «на имеющихся уже оросительных системах – в Узбекистане, Таджикистане и Азербайджане, и на строящейся системе Волго-Дона, и на местах

---

²⁴² *Евладов Б.В., Мокшин С.И.* Золотая долина, Академгородок: (Репортаж из Новосибирского научного центра). М., 1966. URL: <http://prometeus.nsc.ru/akademgorodok/texts/valley2.ssi#voda> (дата обращения: 16.03.2022).

²⁴³ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 205–214.

²⁴⁴ *Белова А.В.* Академическая научная экспедиция в Узбекистан в автобиографической памяти академика П.Я. Кочиной // Этнические меньшинства в истории России: материалы Четвертой Международной научной конференции. СПб., 2023. С. 335–342.

запроектированного, но неосуществленного строительства гидростанций Главного Туркменского канала», на «некоторых интересных объектах Армении и Грузии», а позже и в «других местах гидромелиоративного строительства», она интересовалась прежде всего «вопросами преобразования и охраны природы»²⁴⁵. Выполняемые под ее руководством теоретические исследования, по ее оценке, «все более начали склоняться в сторону приложений к вопросам орошения» (с. 205). Сбор этнографического материала, разумеется, не входил в ее задачи, тем ценнее становятся **наблюдения за повседневной жизнью узбеков, особенностями их семейного и бытового поведения**, наиболее контрастировавшими с привычными для жительницы РСФСР.

В среднеазиатскую научную экспедицию в 1950 г. академик П.Я. Кочина направилась совместно с сотрудниками **Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР** для того, чтобы побывать на объектах «орошаемого Узбекистана», связанных с ее теоретическими исследованиями. Наряду с видами Ташкента, внимание Кочиной привлекает то, что «на улицах встречались **женщины в парандже** – плотной длинной накидке, причем лицо покрывалось чачваном из конского волоса» (с. 205). **Традиционная мусульманская женская одежда в столице союзной республики послевоенного СССР воспринималась ею как архаическая черта, выступавшая, с одной стороны, маркером этнической культуры узбеков, с другой, – противоположностью образа советской женщины.**

Пелагея Яковлевна отмечала **противоречивое сочетание элементов «традиционной» и «современной» культуры**, связанное с необходимостью **соблюдения узбекскими девушками обычая ношения паранджи в частном домашнем пространстве, и возможностью**

---

²⁴⁵ Академик П. Я. Кочина. Воспоминания... С. 204–205.

игнорировать его при нахождении в публичных общественных местах. Особое впечатление на нее произвел эпизод, когда «в парке на скамье сидела молодая девушка с солдатом, рядом с нею лежала паранджа: вероятно, девушка надевала ее, приближаясь к дому» (с. 205). Собственно, вряд ли, традиционная узбекская семья могла бы одобрить и само спонтанное свидание молодых людей, которое также выражало **конфликт этнической традиции и женской эмансипации**, не ставшей всеобъемлющей установкой в республиках Средней Азии.

Сохранение традиционного внешнего облика женщин Узбекистана неожиданным образом контрастировало с более чем тридцатилетней практикой атеистического советского стиля жизни. Наряду с этим Кочина передавала и сведения «традиции», явно, советского происхождения о **новых вариантах использования этнической женской одежды.**

Как она вспоминала, «рассказывали, что иногда мужчины надевали паранджу для сокрытия своих неблаговидных дел» (с. 205). Автор не поясняла, идет ли речь о прелюбодеяниях, махинациях или противоправных действиях, тем не менее упоминание ею о подобных уловках свидетельствует об акцентировании внимания на эксплуатации **этнических аспектов повседневной жизни в условиях официального советского быта.**

Еще одним характерным с этнологической точки зрения сюжетом становится воспроизведение П.Я. Кочиной услышанных **историй о небезопасном пребывании девочек и девушек в степях Средней Азии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. из-за разбойных действий отрядов басмачей.** Чтобы обезопасить девочку, ее могли одеть «в костюм мальчика», о чем сообщала одна из коллег, **доктор геолого-минералогических наук Н.М. Решеткина, «рассказывая о своем детстве»** (с. 205–206). Уже став гидрогеологом и «занимаясь обследованием колодцев в Кашкадарьинской степи», она вместе «с другой

девушкой-гидрогеологом» выполняла «обычную свою работу» так же, «одетой по-мужски» (с. 206). Предосторожность в виде вынужденного женско-мужского травестирования характеризуется вместе с тем и как более «удобная» (с. 206) одежда для верховой езды.

Наряду с этим защитную функцию выполняли **традиционные обычаи**, о которых П.Я. Кочина вспоминала со слов коллеги: «по закону пустыни тот, кто тебя напоил, твой друг, и ты должен защищать его» (с. 206–207). Утолив жажду незнакомцев, можно было сохранить неуязвимость в непредсказуемых обстоятельствах.

В автобиографической памяти П.Я. Кочиной акцентируются **свидетельства женской эмансипации** – выбор рядом ее коллег и сотрудниц-женщин профессии гидрогеолога, прохождение студенческой практики или выполнение профессиональных обязанностей в потенциально рискованных условиях, нахождение самостоятельных решений в сложных жизненных ситуациях. Это в равной степени применимо и к концу 1920-х – началу 1930-х гг., о которых шла речь в историях «стихийных респонденток», и к 1950-м, когда будущая женщина-академик собирала «полевой материал», и к 1970-м гг., когда она его «обрабатывала» и осмысляла в виде записанных воспоминаний.

Маршрут среднеазиатской научной экспедиции пролегал из Ташкента в Ферганскую долину, на станцию Ново-Алексеевская. П.Я. Кочина вспоминала, как, проходя по поселку в сопровождении гидрогеолога А.Ф. Сляднева, она обратила внимание на то, что «он часто останавливался, встречая знакомых узбеков и разговаривая с ними по-узбекски», но «заметила, что ни с одной из встречных женщин он не поздоровался» (с. 208).

Спустя двадцать лет память ученой сохранила тот факт, что ее тогда заинтересовал **вопрос различного поведения коллеги с узбекскими мужчинами и женщинами**, и в ответ она узнала, что «обычай не

позволяет здороваться с женщиной, он может этим вызвать враждебное отношение ее семьи» (с. 208). Следование **этнически обусловленным правилам межполового взаимодействия среди узбеков** оставалось по-прежнему обязательным и не отменялось универсальными нормами общения, советских людей. **Этнокультурная традиция в Узбекистане оказывалась влиятельнее одобряемых образцов социального поведения и формируемой общей идентичности в масштабах СССР.**

Посещение семьи «знакомых узбеков» заставило П.Я. Кочину осведомиться о **правилах межкультурного взаимодействия** в данном случае. Узнав о том, что **как женщина она «могла здороваться и с мужчинами, и с женщинами»,** она «всем подала руку», приняв предложение об угощении этнической пищей в виде «чая в пиалах и лепешек» (с. 208).

П.Я. Кочина особо отметила, что среди членов узбекской семьи были «молодые женщины, весело смеявшиеся» (с. 208). Тем самым она как бы все время пыталась подчеркнуть, что **элементы советской эмансипации и открытости проникали в середине XX в. и в повседневную жизнь узбеков,** а женский быт, хотя и связанный в большей степени с домом, уже не был полностью замкнутым, исключавшим общение с гостями, представителями иных этнических групп.

В Коканде П.Я. Кочина по совету сотрудников Гидрогеологического управления останавливалась **в «типично узбекском» доме У. Ходжаева с закрытым внутренним двором, огражденным «дувалом – высокой глиняной стеной»** (с. 210). Она подметила **важные этнографические черты, связанные с традиционным бытом узбекской семьи того времени.**

В частности, вспоминала, что «внутри было несколько домов, в которых жила многочисленная семья» (с. 210). Судя по ее наблюдению, узбеки продолжали жить **неразделенными большими семьями,** одним из

отличительных признаков которых была **многодетность**. Наличие «детей разного возраста, вплоть до грудного» (с. 210), указывает на **полную включенность жены и матери в домашнюю повседневность**, отсутствие у нее трудовой занятости вне семьи, что может свидетельствовать об отсутствии профессии и образования.

Репродуктивная активность на протяжении всего периода фертильности приводила к **существенной разнице в возрасте между детьми**, в частности к тому, что старшая дочь «немолодой женщины» уже достигла трудоспособного возраста и, в отличие от матери, «работала медицинской сестрой», в то время как младший ребенок был новорожденным. **Материнское воспитание в узбекской семье** допускало «громкое покрикивание на детей» и отдавание им «распоряжений» (с. 210). Отношения матери и детей были иерархизированными и не горизонтальными.

П.Я. Кочина принадлежала к **поколению эмансипированных женщин**, чьи взгляды были сформированы и обучением на Бестужевских курсах, и новой послереволюционной половой моралью, отрицавшей косность и лицемерие семейного быта, была матерью двух дочерей-близнецов. Совмещая, благодаря помощи близких, материнство с успешной научной карьерой, она не могла не заметить отличий патриархального уклада узбекской семьи и традиционного положения женщины в ней, где той вменялись этнически обусловленные стереотипно-феминные роли, от привычного ей стандарта жизни.

Наибольшее удивление П.Я. Кочиной было связано с открытием того, что «говорившая по-узбекски» и «свыкшаяся с узбекскими обычаями» мать семейства оказалась этнической «русской» (с. 210). Этот факт был установлен при переходе в разговоре с ней на русский язык. Данный случай не только свидетельствует о **межэтнических браках в советском Узбекистане**, о **женщинах-билингвах**, состоящих в таких

браках, но и выявляет неравнозначность культурных компонентов, составляющих ценностную основу смешанной семьи, в которой наблюдалось **преобладание узбекских повседневных обычаев и этнических традиций.**

Для П.Я. Кочиной важно было отметить данную асимметрию, подчеркнув, что мать узбекского семейства – «русская, зовут ее Любовь Степановна», и она «скучала, как она сказала, по своей русской деревне, в которую давно собирается съездить, но никак не может оторваться от семьи» (с. 210). Поглощенность семейными обязанностями жены и матери препятствовала удовлетворению ее собственной эмоциональной потребности в том, чтобы посетить «малую родину».

Проводившей много времени в разъездах, деловых поездках и частных путешествиях П.Я. Кочиной это могло восприниматься неприемлемым для образа жизни современной советской женщины. Обстоятельства межэтнического брака, что было нередким явлением в многонациональном СССР, не раскрывались.

П.Я. Кочина была одной из тех ученых, которые внесли непосредственный вклад в создание и совершенствование оросительных систем в Узбекистане, способствовали внедрению вертикального и закрытого горизонтального дренажа, лотковой системы орошения, научно решали вопрос о борьбе с засолением почв, благодаря чему, по словам академика, «хлопковые поля в хорошем состоянии и дают высокие урожаи» (с. 212). Теоретические исследования П.Я. Кочиной были направлены на изучение «моделей движения грунтовых вод» (с. 189) в условиях степных зон и постановку задач об «оптимальном планировании площадей орошения» (с. 190).

В 1950-е гг. она присутствовала с коллегами из Узбекской академии наук на испытаниях в полевых условиях первых опытных образцов хлопкоуборочных машин, не забывая впоследствии не только уточнить,

что «советские машины лучше американских» (с. 213), но и привести результаты сравнения машинного и ручного сбора хлопка женщинами. По словам П.Я. Кочиной, на опытном поле узбекские женщины показали «свой чистый хлопок и подсмеивались над машинным, загрязненным», то есть «недостатком машин являлась неполная очистка коробочек» (с. 212). Это означало необходимость дальнейшего конструкторского усовершенствования хлопкоуборочной техники с целью повышения процента сбора и последующего длительного ее внедрения. Однако **механизация так и не компенсировала полностью традиционную деятельность узбекских женщин по сбору хлопка.**

Несмотря на сложности и лишения, необходимость в разные годы претерпевать бытовой дискомфорт, как и многим советским людям, академику П.Я. Кочиной были присущи **позитивные жизненные установки, содержащие колоссальный преобразовательный потенциал,** и в целом **жизнеутверждающее мироощущение, которое характеризовалось социальным оптимизмом.** Такое мировоззрение включало, с одной стороны, осознанную готовность к профессиональной деятельности во имя общественного блага и «высокой» цели, с другой, – непоколебимую уверенность в неизменной положительной динамике в развитии общества в направлении реализации социального проекта «лучшего будущего».

Умение замечать «большие достижения в осуществлении идей», позитивные изменения и улучшения, придавая им большее значение в оценке происходящего, чем негативу и явным упущениям, являлось личностным качеством и самой П.Я. Кочиной, и ее профессионального окружения, в том числе коллег-женщин. Н.М. Решеткина, «гид» по Узбекистану в экспедиции 1950 г., вернувшись из поездки по тем же местам спустя двадцать лет, сообщала о том, что «все стали более образованными, многие деятели, партийные и хозяйственные, имеют

высшее образование»; «дети хорошо одеты, не бегают босиком, и уже не встречаются женщины в парандже» (с. 213). Последнее наблюдение было особенно важным для П. Я. Кочиной, сумевшей тем самым не только подтвердить собственные ожидания общественного прогресса, но и констатировать **нейтрализацию к 1970-м гг. обычая ношения традиционной мусульманской женской одежды нормами светского эмансипированного стиля**, характеризующего универсальную советскую идентичность.

Воспоминания академика Пелагеи Яковлевны Кочиной о пережитом характеризовали одновременно и ее собственное мировоззрение, и своеобразный **«женский голос» эпохи, озвучивший коллективную автобиографическую память женщин об опытах их повседневности в условиях советского проекта эмансипации**. В отношении женщин из союзных республик внешние результаты данного проекта визуализовались как **демонстративный отказ от следования многовековым устоям этнокультурной традиции**.

Нарративы советских женщин о собственном прошлом, «пережитые истории», запечатлевшие индивидуальную память о повседневной жизни в контексте происходивших политических и социальных событий, в сочетании с актуальными «повседневными заботами и переживаниями» не только конструируют идентичность авторов, выявляют характерные для них дискурсы о мире, но и по особому преобразуют общезначимый контент в элементы автобиографической памяти.

Выявленные черты непреднамеренного этнографического описания в ретроспективном осмыслении Пелагеей Яковлевной Кочиной своего участия в среднеазиатской научной экспедиции в 1950 г. позволяют судить о том, какие из событий подлежали запоминанию, какими были **особенности женской памяти об общественно-значимых событиях,**

породивших в прошлом личные опыты эмоционального восприятия, как трансформировались **нетипичные жизненные практики в приемлемые воспоминания.**

Исследование этих вопросов на примере переживания и осмысления коллизий советского XX в., заполненного масштабными изменениями социального, этнического, эмансипационного характера, существенно отразившимися на трансформации истории женщин и женского самосознания, позволяет **раскрыть новые аспекты соотношения практик меморизации и социального опыта женщин, уточнить функциональное предназначение автобиографических нарративов для трансляции женской социальной памяти.**

Если исходить из ранее выявленных **основных функций автобиографической памяти, таких как идентификационная (ресурсная), коммуникативная, транслирующая, мифологизирующая, смыслообразующая,** то в воспоминаниях П.Я. Кочкиной все они так или иначе проявлены. При этом текст был доступен как заинтересованному кругу профессионального сообщества, так и широкой аудитории, будучи опубликованным в серии научно-популярных изданий Академии наук СССР в издательстве «Наука» тиражом 26 000 экземпляров. Высокий социальный статус академика и официальное признание, обеспечивающие ей возможность публичного нарратива, в данном случае выступали способом **легитимизации женской автобиографической памяти как проявления коллективной советской идентичности.**

□ **Ключевые понятия.**

Социальный оптимизм, «оттепель», женщина-академик, «новая судьба» советской женщины, женская эмансипация, высшее образование для женщин, женские общественные организации в СССР, международные женские конгрессы, Первый международный конгресс женщин,

Международная демократическая федерация женщин, Антифашистский комитет советских женщин, Комитет советских женщин, Второй международный конгресс женщин, женская солидарность, Третий женский конгресс в ГДР, первая женщина-министр в СССР, «немецкая вина», конгресс Союза итальянских женщин в Риме, женское международное сотрудничество, Сибирское отделение Академии наук СССР, Академгородок, бытовая повседневность, «Долиниада», паранджа, межкультурное взаимодействие, дувал, межэтнический брак, коллективная советская идентичность.

□ **Вопросы для самопроверки.**

1. Почему социальный оптимизм стал основной интенцией в женской автобиографической памяти эпохи хрущевской «оттепели»?
2. Какую общественно значимую миссию в послевоенной Европе выполняла делегация советских женщин в ходе участия в международных женских конгрессах конца 1940–1950-х гг.?
3. Какую роль женщины-ученые сыграли в открытии Сибирского отделения Академии наук СССР и в обустройстве Академгородка?
4. Как академик П.Я. Кочина оценивала результаты женской эмансипации в советском Узбекистане?
5. Каким образом в автобиографических нарративах советских женщин транслировалась женская социальная память?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальная антропология женской повседневности – новое направление историко-этнологического научного знания.

Первый вузовский учебник посвящен теоретико-методологическим, историографическим, источниковедческим, методическим аспектам, предметной области и проблемному полю этой научной и учебной дисциплины.

Социальная антропология женской повседневности изучает специфические опыты и практики повседневной жизни женщин и женских сообществ, переживаемые ими и запечатлеваемые в автобиографическом нарративе и социальной памяти. Подлежит специальному исследованию, – что и как сами женщины свидетельствовали о себе в разных временных, пространственных, этнокультурных и социальных контекстах.

Эвристически значимой является интерпретация общественных универсалий прошлого сквозь призму женского восприятия себя и происходящих событий. Социальный опыт женщин особенно существенен для тех обществ, в которых женщины количественно преобладают. Поэтому важно обращение к дискурсу женщин, исходящих не из позиции символического меньшинства.

В антропологическом смысле без женского репродуктивного и культурно-транслирующего вклада не обходится ни одно сообщество. Вместе с тем именно женщины при всей их значимости в развитии национальных традиций наиболее уязвимы с точки зрения причинения им физического, морального, психологического ущерба.

Культуры по-разному справляются с этим, вырабатывая внутренние защитные механизмы. Однако зачастую экстремальный и травматический опыт женской повседневности оставался замалчиваемым,

обесцениваемым, исторически неучтенным. При этом сами участницы происходящего находили способы самозащиты, самосохранения, адаптации и выживания в сложных, а иногда и, в буквальном смысле, невозможных, условиях.

Это могли быть и русские дворянки – вынужденные эмигрантки из большевистской России, адаптировавшиеся к инокультурному окружению; и немецкие жены еврейских мужей, осмелившиеся открыто вступить за них и противостоять нацистскому режиму; и еврейские женщины-узницы, поддерживавшие друг друга и выживавшие в условиях Холокоста; и советские женщины-ученые, претерпевавшие жизненные и бытовые трудности, инвестируя социальный оптимизм в общественное благоустройство и эмансипацию.

Рефлексия образованными женщинами в автодокументальных письменных и устных свидетельствах собственной личности, мотиваций самостоятельного выбора своих поступков, принятия решений в условиях общественных надломов под влиянием сложного сочетания факторов позволяет осмыслить самоорганизацию женских сообществ.

Осваивая социальную антропологию женской повседневности как одно из направлений современной исторической науки, студенты знакомятся с актуальными вопросами историографии, источниковедения, методологии, проблемами осмысления основных теоретических достижений и новых эмпирических подходов к изучению прошлого женщин разных стран и эпох, а также с современным состоянием и перспективами развития женской истории, которой ежегодно посвящена

международная научная конференция Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ)²⁴⁶.

Погружаясь в изучение социальной антропологии женской повседневности, обучающиеся могут убедиться в том, что женщины в разных обществах и культурах выступали в качестве непосредственных носительниц и своеобразных хранительниц традиций и ценностей, подлежащих активному воспроизводству. При этом особый научный интерес представляет выявление социокультурных функций, осуществление которых в любой социальной среде было связано именно с женской ее частью²⁴⁷. Изучение роли женщин в истории мировой культуры и социальной антропологии женской повседневности способствует решению важной проблемы воспроизводства культурного этоса – внутренних правил обозримого социума.

Постижение вариативности культурных правил входит в когнитивные предпосылки социальной антропологии женской повседневности. Изучение женских эго-документов позволяет пересмотреть парадигму исследования культуры как маскулинно-ориентированной и подтвердить значимость анализа женской повседневности и эмоциональной сферы для реконструкции историко-культурной реальности.

Для систематического изучения дисциплины каждая тема снабжена планом, ключевыми понятиями, вопросами для самопроверки. Наиболее

---

²⁴⁶ Белова А.В. Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2021. № 4. С. 136–139.

²⁴⁷ Белова А.В. Женщина дворянского сословия в России конца XVIII – первой половины XIX века: социокультурный тип (по материалам Тверской губернии): Дисс... канд. культур. Специальность: 24.00.02 – историческая культурология. М., 1999. С. 3.

важные термины и тезисы маркированы полужирным шрифтом. Научно-справочный аппарат включает публикации для самостоятельного изучения.

Учебник дополняет и углубляет теоретический материал лекционного курса, помогает в подготовке к практическим занятиям и экзамену, обеспечивает самостоятельную работу студентов по дисциплине. В совокупности с теоретическим лекционным материалом практический и самостоятельный аспекты изучения социальной антропологии женской повседневности способствуют формированию предусмотренных компетенций и достижению планируемых результатов обучения по дисциплине, соотнесенных с планируемыми результатами освоения образовательной программы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Арутюнов С.А., Рыжакова С.И.* Культурная антропология. М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. 216 с. (Серия «Аудитория»).
2. *Белова А.В.* Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–98.
3. *Белова А.В.* Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей / Ответ. ред. и сост. Н.Л. Пушкарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 864 с. (Серия Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»). С. 25–67.
4. *Белова А.В.* Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47). С. 39–51.
5. *Белова А.В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 480 с. (Серия «Гендерные исследования»).
6. *Бок Г.* История, история женщин, история полов // THESIS, 1994. № 6. С. 170–200.
7. Брак у народов Западной и Южной Европы. М.: Наука, 1989. 248 с.
8. *Будде Г.Ф.* Пол истории // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования. Сб. ст. / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М.: РГГУ, 1999. Вып. 1. 216 с. С. 131–154.
9. *Вардиман Е.* Женщина в древнем мире / пер. с нем. М.: Наука, 1990. 335 с., ил.

10. Воспитание в пространстве семьи и общества (социология, этнология, история): коллективная монография / отв. ред.-сост. М.Г. Котовская, А.М. Коршунов. М.: издательство Ритм, 2022. 150 с.

11. *Дюби Ж.* Куртуазная любовь и перемены в положении женщины во Франции XII в. // *Одиссей: человек в истории.* 1990. М., 1990. С. 90–96.

12. *Дюби Ж.* Почтенная матрона и плохо выданная замуж: восприятие замужества в Северной Франции около 1100 года // *Одиссей: человек в истории.* 1996. М., 1996. С. 236–251.

13. Женщина, брак, семья до начала нового времени: Демографические и социокультурные аспекты / РАН. Ин-т всеобщей истории; отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М.: Наука, 1993. 154 с.: табл.

14. Женщина в античном мире: Сб. статей. М.: Наука, 1995. 275 с. Ил.

15. История женщин на Западе: в 5 т. Т. I: От древних богинь до христианских святых / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. П. Шмитт Пантель; пер. с англ.; науч. ред. перевода Н.Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2005. 600 с.: ил. (Гендерные исследования).

16. История женщин на Западе: в 5 т. Т. II: Молчание Средних веков / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. К. Клапиш-Зубер; пер. с фр.; науч. ред. перевода Н.Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2009. 512 с.: ил. (Гендерные исследования).

17. История женщин на Западе: в 5 т. Т. III: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. Н. Земон Дэвис и А. Фарж; пер. с англ.; науч. ред. перевода Н.Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2008. 560 с.: ил. (Гендерные исследования).

18. История женщин на Западе: в 5 т. Т. IV: Возникновение феминизма: от Великой французской революции до Мировой войны / под

общ. ред. М. Перро; под ред. Ж. Фрассе; науч. ред. перевода Н.Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2015. 536 с.: ил. (Гендерные исследования).

19. История женщин на Западе: в 5 т. Т. V: Становление культурной идентичности в XX столетии / под общ. рея. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. Ф. Тебо; науч. ред. перевода Н. Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2015. 624 с.: ил. (Гендерные исследования).

20. *Козлова Н.Н.* Социально-историческая антропология. М.: Ключ-С, 1998. 192 с.

21. *Людтке А.* История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / пер с англ. и нем. К. А. Левинсона и др.; под общ. ред. и с предисл. С. В. Журавлева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010. 271 с.: ил., 4 л. ил. (Современная немецкая историография).

22. *Людтке А.* Что такое история повседневности?: Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 454 с. С. 77–100.

23. *Мицюк Н., Пушкарева Н., Белова А.* Человек рождающий: История родильной культуры в России Нового времени / Н.А. Мицюк, Н.Л. Пушкарева, А.В. Белова. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 512 с. (Серия «Гендерные исследования»).

24. Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы / под ред. Я. К. Берендса, В. Дубиной, А. Сорокина, с участием Е. Акопян. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 271 с.

25. *Пушкарева Н.Л.* Антропология повседневной жизни и этнографическое изучение бытовой культуры // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 83–86.

26. *Пушкарева Н.Л.* Антропология повседневности в социальной памяти советских женщин-ученых (на примере Новосибирска, 1950-е – начало 1990-х гг.) // *Этнография Алтая и сопредельных территорий.* 2020. № 10. С. 220–223.
27. *Пушкарева Н.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя; АНО «Женский проект СПб», 2007. 496 с. (Серия «Гендерные исследования»).
28. *Пушкарева Н.Л.* Женщины России и Европы на пороге Нового времени / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1996. 285 с.: табл. (Б-ка Рос. этнографа).
29. *Пушкарева Н.Л.* История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // *Социальная история.* Ежегодник, 1997. М.: РОССПЭН, 1998. 368 с. С. 69–94.
30. *Пушкарева Н.Л.* От «his-story» к «her-story»: рождение исторической феминологии // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории /* Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2001. № 1. С. 20–45.
31. *Пушкарева Н.Л.* Предмет и методы изучения «истории повседневности» // *Этнографическое обозрение.* 2004. № 5. С. 3–19.
32. *Пушкарева Н.Л.* Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме: перспективы сравнительного подхода // *Этнографическое обозрение.* 1995. № 3. С. 55–70.
33. *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 381 с.
34. *Пушкарева, Н.; Белова, А.; Мицюк, Н.* Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 504 с. (Серия «Гендерные исследования»).

35. *Ревель Ж.* Микроисторический анализ и конструирование социального // *Одиссей. Человек в истории.* 1996: Ремесло историка на исходе XX века. М.: Coda, 1996. 368 с. С. 110–127.
36. *Репина Л.П.* Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 352 с.
37. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ РАН, 1998. 278 с.
38. *Репина Л.П.* История женщин сегодня: Историографические заметки // *Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного.* М.: РГГУ, 1996. 376 с. С. 35–73.
39. *Рябова Т.Б.* Женщина в истории западноевропейского средневековья: Учебное пособие. Иваново: Издательский центр «Юнона», 1999. 212 с.
40. Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история / Под ред. Н.Л. Пушкаревой. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 528 с.
41. *Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного.* М.: РГГУ, 1996. 376 с.
42. *Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный.* М.: РГГУ, 2000. 582 с.
43. *Элиас Н.* Отношения между мужчиной и женщиной: изменение установки // *Альманах THESIS.* 1994. Выпуск 6 (Женщина, мужчина, семья). С. 103–126.

44. *Энгель Б.* Женщины в России. 1700–2000 / пер. с англ. О. Полей. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. 423 с. (Серия «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»).

45. Этнические стереотипы мужского и женского поведения / Отв. ред.: А.К. Байбурин, И.С. Кон. СПб.: Наука, С.-Петербургское отделение, 1991. 320 с.

46. *Ястребицкая А.Л.* Проблема взаимоотношения полов как диалогических структур средневекового общества в свете современного историографического процесса // Средние века. М., 1994. Вып. 57. С. 126–136.

47. *Bausinger H.* Erlebte Geschichte – Wege zur Alltagsgeschichte // Saeculum 43. 1992. S. 95–107.

48. *Becoming Visible: Women in European History* / Eds. R. Bridenthal, C. Koonz. Boston: Houghton Mifflin, 1977. 493

49. *Corbin A., Farge A., Perrot M. u.a.* Geschlecht und Geschichte: Ist eine weibliche Geschichtsschreibung möglich? / Hrsg. von M. Perrot. Aus dem Französischen von W. Kaiser. Mit einem Vorwort zur deutschen Ausgabe von U. Habermas-Wesselhoeft. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag GmbH, 1989. 256 S.

50. *Davin A.* Frauen und Alltagsgeschichte // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte / Berliner Geschichtswerkstatt (Hrsg.). [Red.: Heike Diekwisch et al.]. 1. Aufl. Münster: Westfälisches Dampfboot, 1994. 360 S.: Ill.; (dt.) S. 37–58.

51. *Geschichte von unten: Fragestellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags* / Hubert Ch. Ehalt (Hg.). Wien; Köln; Graz: Böhlau, 1984. 384 S.: Ill., graph Darst.; (dt.) (Kulturstudien bei Böhlau; Bd. 1).

52. *Lipp C.* Alltagskulturforschung in der empirischen Kulturwissenschaft und Volkskunde // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte / Berliner

Geschichtswerkstatt (Hrsg.). [Red.: Heike Diekwisch et al.]. 1. Aufl. Münster: Westfälisches Dampfboot, 1994. 360 S.: Ill.; (dt.) S. 78–93.

53. *Niethammer L.* unter Mitarbeit von D. van Laak. Posthistoire: Ist die Geschichte zu Ende? Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1989. 190 S. (Rowohlts Enzyklopädie).

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь истории женщин / отв. ред. Мишель Занкарини-Фурнель; пер. с фр. Л.А. Пименовой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 173 с.

2. Страны и народы: науч.-попул. геогр.-этногр. изд. в 20-ти т. / предс. ред. колл. Ю.В. Бромлей. М., 1978–1985. Т. 1–20.

СПИСОК ТРУДОВ ПО ИСТОРИИ ЖЕНЩИН И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЗА 1998–2023 ГОДЫ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ЗАВЕДУЮЩЕЙ КАФЕДРОЙ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА АННЫ ВАЛЕРЬЕВНЫ БЕЛОВОЙ

1998

1. Письмо русской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.: культура и общение (по архивным документам) // Дни славянской письменности и культуры: Сборник докладов и сообщений / Отв. ред. О.Н. Овен. Тверь: ТвГУ, 1998. Вып. 4. 88 с. С. 38–51. (0,8 п.л.)
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24708259>

1999

2. Женщина в провинциальной дворянской семье в России конца XVIII – первой половины XIX в.: воспроизводство культурного этоса // Семья в России: теория и реальность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тверь, 29–30 октября 1999 г.) / Отв. ред. Т.П. Долгова. Тверь: ТГТУ, 1999. 204 с. С. 196–199. (0,3 п.л.)
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29889444>
3. Женщина дворянского сословия в России конца XVIII – первой половины XIX века: социокультурный тип (по материалам Тверской губернии): Автореф. дисс... канд. культур. Специальность: 24.00.02 – историческая культурология. М.: РГГУ, 1999. 20 с.
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30480058>
4. Женщина дворянского сословия в России конца XVIII – первой половины XIX века: социокультурный тип (по материалам Тверской губернии): Дисс... канд. культур. Специальность: 24.00.02 – историческая культурология. М.: РГГУ, 1999. 385 с.
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46599984>
5. Оппозиция «столица – провинция» как элемент культурного кругозора русской дворянки // Экономика, управление, демография городов европейской России XV–XVIII вв.: История, историография, источники и методы исторического исследования: Материалы Международной научной конференции (Тверь, 18–21 февраля 1999 г.) / Отв. ред. И.Г. Серегина. Тверь: ТвГУ, 1999. 308 с. С. 169–176. (0,5 п.л.)
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30539614>
6. Провинциальная дворянка Елизавета Лихачева // Дни славянской письменности и культуры: Сборник докладов и сообщений / Отв. ред. О.Н. Овен. Тверь: ТвГУ, 1999. Вып. 5. 72 с. С. 41–49. (0,6 п.л.)

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24377343>

7. Процедура замужества русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века // Женщины. История. Общество: Сборник научных трудов / Отв. ред. В.И. Успенская. Тверь: ТвГУ, 1999. Вып. 1. 198 с. С. 23–33. (0,7 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29873520>
Также: <http://www.tvergenderstudies.ru/docs/bk02ar05.rtf>
8. Русская провинциальная дворянка конца XVIII – первой половины XIX века: социокультурный тип (аннотация курса) // Аннотации курсов по женским и гендерным исследованиям в Тверском государственном университете, 1999–2000 / Сост. В. Успенская. Тверь: ТвГУ, ЦЖИГИ, 1999. 12 с. С. 10. (0,1 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30630946>
9. Русская провинциальная дворянка конца XVIII – первой половины XIX века: социокультурный тип (программа курса) // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете: Программы курсов, 1999–2000 / Сост. В. Успенская. Тверь: ТвГУ, 1999. 40 с. С. 35–39. (0,4 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25822777>. Также: <http://www.tvergenderstudies.ru/pbpr007r.htm>

2000

10. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.: «корневое» и «иноземное» // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете: Научно-методический сборник / Отв. ред. В.И. Успенская. Тверь: ТвГУ, ЦЖИГИ, 2000. 172 с. С. 32–44. (0,8 п.л.)
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27491213> Также:
<http://www.tvergenderstudies.ru/docs/bk04ar06.rtf>
11. Замужество в провинциальной дворянской культуре конца XVIII – первой половины XIX века // Женские и гендерные исследования в

Тверском государственном университете: Научно-методический сборник / Отв. ред. В.И. Успенская. Тверь: ТвГУ, ЦЖИГИ, 2000. 172 с. С. 21–31. (0,7 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=27491211> Также: <http://www.tvergenderstudies.ru/docs/bk04ar05.rtf>

12. Письмо русской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.: культурологические особенности // Гуманитарное образование в современном вузе: Сборник статей, посвященный памяти профессора Т.П. Долговой / Отв. ред. Э.Ю. Майкова. Тверь: ТГТУ, 2000. 136 с. С. 102–104. (0,2 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29873517>
13. Русская провинциальная дворянка конца XVIII – первой половины XIX века: социокультурный тип (аннотация курса). 2-е изд. // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете: Научно-методический сборник / Отв. ред. В.И. Успенская. Тверь: ТвГУ, ЦЖИГИ, 2000. 172 с. С. 19. (0,1 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=27491210>
14. Тверские дворянки: жизнь, исполненная благочестия // Православная Тверь: Газета Тверской Епархии / Ред. протоиерей А. Шабанов. 2000. №№ 5–6 (76–77) май–июнь. С. 12. (0,4 п.л.)

2001

15. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина: Российский исторический иллюстрированный журнал. 2001. № 9. С. 29–31. (0,3 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29879670> Также: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=387&n=21
16. «Вот каков прекрасный пол в Тамбове!»: гендерная дифференциация тамбовского дворянского общества в письмах московской барышни // От мужских и женских к гендерным исследованиям: Материалы

- международной научной конференции 20 апреля 2001 г. / Отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. 244 с. С. 13–18. (0,3 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29873202>
17. Выбор брачного партнера в русской дворянской семье конца XVIII – первой половины XIX в. // Современная семья: проблемы и перспективы развития: Материалы Всероссийской научной заочной конференции / Отв. ред. Э.Ю. Майкова. Тверь: ТГТУ, 2001. Вып. 1. 140 с. С. 91–92. (0,1 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=30545862>
18. Гендерная идентичность русской дворянки и семейная сфера // Семья в России: история и современность: Материалы Всероссийской научной заочной конференции / Отв. ред. Э.Ю. Майкова. Тверь: ТГТУ, 2001. 80 с. С.15. (0,1 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29873237>
19. Гендерный подход в изучении истории российской дворянской повседневности // http://university.tversu.ru/conference_jubilee/kaf_ist_dr_mira/AVBelova.doc (публикация в сети Интернет, 0,25 п.л.)
20. Домашнее воспитание дворянок в первой половине XIX в. // Педагогика. 2001. № 10. С. 68–74. (0,4 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=30480690>
21. Женская эпистолярная культура и дворянская повседневность в России конца XVIII – первой половины XIX века // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения (Санкт-Петербург, 7–9 июня 2001 г.) / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 260 с. С. 49–55. (0,4 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29840267> Также: http://anthropology.ru/ru/texts/belova_av/woman_05.html <http://anthropology.ru/ru/edition/rossiyskie-zhenshchiny-i-evropeyskaya-kultura> <http://anthropology.ru/ru/text/belova-av/zhenskaya-epistolyarnaya->

kultura-i-dvoryanskaya-povsednevnost-v-rossii-konca-xviii

22. «Женское письмо» в дворянской культуре России конца XVIII – первой половины XIX века // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. Сборник научных статей / Сост. и отв. ред. Г.И. Зверева. М.: РГГУ, 2001. 320 с. С. 260–273. (0,8 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=29873515>
23. Русская провинциальная дворянка конца XVIII – первой половины XIX века: социокультурный тип (программа курса). 2-е изд. // Женские и гендерные исследования: авторские программы курсов: Уч.-метод. пособие / Сост. В. Успенская. Тверь: ТвГУ, 2001. 82 с. С. 31–36. (0,4 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=26076603> Также:
<http://www.tvergenderstudies.ru/pbpr007r.htm>

2002

24. Гендерное измерение российской дворянской повседневности конца XVIII – первой половины XIX в. // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: Материалы международной научной конференции (Иваново, 25–26 июня 2002 г.): В 2 ч. / Отв. ред. О.А. Хасбулатова. Иваново: ИвГУ, 2002. Ч. II: История, социология, язык, культура. 284 с. С. 171–172. (0,1 п.л.)
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29654682>
25. Гендерный дискурс в русском дворянском обществе на рубеже XVIII–XIX вв. // Женщина в гражданском обществе: история, философия, политика: Материалы VI конференции, посвящённой теории и истории женского вопроса и женского движения (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2002 г.) / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2002. С. 88–89. (0,1 п.л.)
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30588902>

26. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века: «корневое» и «иноземное» // Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века: Издание на CD-Rom / Сост. Т.А. Клименкова, Е.И. Трофимова, Т.Г. Тройнова (© Женская Информационная Сеть; Клименкова Т.А., Трофимова Е.И., Тройнова Т.Г.; ООО «Мощные Компьютерные Технологии» при поддержке Канадского Фонда поддержки российских женщин). М.: ООО «Мощные Компьютерные Технологии», 2002. 168 с. (0,8 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29923684>
27. Женское институтское образование в России // Педагогика. 2002. № 9. С. 76–83. (0,9 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30272975>
28. «Женское письмо» как источник по истории российской дворянской повседневности // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции (Москва, 18–19 апреля 2002 г.) / Сост. Р.Б. Казаков; Редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.), А.Б. Безбородов, С.М. Каштанов, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 2002. 549 с. С. 116–118. (0,2 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29713656>
29. Замужество в провинциальной дворянской культуре конца XVIII – первой половины XIX века // Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века: Издание на CD-Rom / Сост. Т.А. Клименкова, Е.И. Трофимова, Т.Г. Тройнова (© Женская Информационная Сеть; Клименкова Т.А., Трофимова Е.И., Тройнова Т.Г.; ООО «Мощные Компьютерные Технологии» при поддержке Канадского Фонда поддержки российских женщин). М.: ООО «Мощные Компьютерные Технологии», 2002. 168 с. (0,7 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29923685>
30. История повседневности и гендерное измерение русской дворянской культуры // Города Европейской России конца XV – первой половины

XIX века: Материалы международной научной конференции 25–28 апреля 2002 г., Тверь – Кашин – Калязин: В 2 ч. / Отв. ред. Н.В. Середа. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 560 с. Ч. 1. 300 с. С. 63–72. (0,6 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29873223>

31. Уездные «абитуриентки»: прием провинциальных дворянок в столичные институты // Женщины. История. Общество: Сборник научных статей под общей редакцией В.И. Успенской. Тверь: ОГУП «Тверское областное книжно-журнальное издательство», 2002. Вып. 2. 320 с. С. 212–228. (1,1 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27226357>

2003

32. Письма А.М. Коллонтай и традиции «женского письма» в русской дворянской культуре // Александра Коллонтай: Теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики: Материалы международной научной конференции (Тверь, 11 марта 2002 г.) / Под ред. В.И. Успенской. Тверь: Золотая буква, 2003. 264 с. С. 179–199. (1,3 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27226339> Также: <http://www.tvergenderstudies.ru/pbbk000r.htm>
33. Повседневность русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. (к постановке проблемы) // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история / Под ред. Н.Л. Пушкаревой. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 528 с. С. 269–284. (1 п.л.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21850844>
34. *Belova A. Women's Letters and Russian Noble Culture of the Late 18th and Early 19th Centuries* // *Women and Gender in 18th-Century Russia* / Edited by Wendy Rosslyn. Aldershot, Hampshire GU11 3HR, England: Ashgate Publishing Ltd, Gower House, Croft Road, 2003. 284 p. P. 147–161. (0,9

п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29878419&>

2004

35. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века как проблема исследования // Женщина в российском обществе: Российский научный журнал / Гл. ред. О.А. Хасбулатова. Иваново: ИвГУ, 2004. № 1/2 (30–31). С. 72–82. (0,9 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=11670564>
<https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnyaya-zhizn-russkoy-provintsialnoy-dvoryanki-kontsa-xviii-pervoy-poloviny-xix-veka-kak-problema-issledovaniya>

2005

36. *Belova A.* Национальная и гендерная идентичность русской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. (Die nationale und geschlechtliche Identität der russischen adligen Frau am Ende des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts) // Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland / Hrsg. von Elisabeth Cheauré, Regine Nohejl und Antonia Napp. Würzburg: ERGON Verlag, 2005. 553 S. zahlr. Abb. (Identitäten und Alteritäten, Bd. 20) S. 375–386. (0,75 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=30623944>
37. Женская повседневность как предмет этнологического изучения // VI Конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2005. 532 с. С. 284–285. (0,1 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=29219521>
38. «Мир женского детства» в дворянской России XVIII – середины XIX в.

как методологическая проблема истории повседневности // Женщина в российском обществе: Российский научный журнал / Гл. ред. О.А. Хасбулатова. Иваново: ИвГУ, 2005. № 3/4 (36–37). С. 28–38. (1 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=11670581>

<https://cyberleninka.ru/article/n/mir-zhenskogo-detstva-v-dvoryanskoj-rossii-xviii-serediny-xix-veka-kak-metodologicheskaya-problema-istorii-povsednevnosti>

39. «Мир женского детства» в российской дворянской семье XVIII – середины XIX в.: легитимированные практики насилия // Род и семья в контексте тверской истории: Сборник научных статей / Ред. Т.И. Любина, В.В. Чижова. Тверь: Лилия Принт, 2005. Вып. I. 334 с. С. 3–28. (1,5 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=28918479>

2006

40. Девичество в российской дворянской семье XVIII – середины XIX в. // Род и семья в контексте тверской истории: Сборник научных статей / Отв. ред. Т.И. Любина, В.В. Чижова. Тверь: Лилия Принт, 2006. Вып. 2. 316 с. С. 25–47. (1,5 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=28918568>

41. Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX в.: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе: Российский научный журнал / Гл. ред. О.А. Хасбулатова. Иваново, 2006. № 4 (41). С. 45–63. (1,5 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=11670607>

<https://cyberleninka.ru/article/n/devichestvo-rossiyskoj-dvoryanki-xviii-serediny-xix-veka-telesnost-seksualnost-gendernaya-identichnost>

42. Женская повседневность в контексте истории женщин и истории повседневности // Женщина. Общество. Образование: Материалы 8-ой международной междисциплинарной научно-практической

- конференции (Минск, 16–17 декабря 2005 г.). Мн.: ЖИ ЭНВИЛА, 2006. 408 с. С. 340–342. (0,2 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29996357>
43. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97. (1,8 п.л.) См.: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9433797>
<https://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2006/4.htm>
https://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2006/no4/2006_4_Belova.pdf
44. «Мир женского детства» в дворянской России XVIII – середины XIX в. в контексте истории повседневности // Материнство и детство в России XVIII–XXI вв.: Сборник научных статей. В 2-х частях. М.: ГОУВПО «МГУС», 2006. Ч. 2. С. 201–213. (0,9 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29894546&>
45. Процедура замужества русской провинциальной дворянки (конец XVIII – первая половина XIX века) // Женщины в социальной истории Твери / Сост. и ред. В. Успенская. Тверь: ФЕМИНИСТ-ПРЕСС, 2006. 240 с. С. 42–53. (0,7 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=30566197>

2007

46. «В куклы я никогда не играла...»: отношение к игровой кукле в женской автодокументальной традиции России XVIII–XIX веков // О женщине, женщинах и прочем: Сборник, посвященный юбилею профессора Е.Н. Строгановой. Тверь: ТвГУ; Изд-во «Марина», 2007. 308 с. С. 242–259. (1,1 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=30582657>
47. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувствительной социальной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 2 (8). С. 5–14. (0,75 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=9935886>
<https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-dvoryanskaya-povsednevnost-v->

kontekste-genderno-chuvstvennoy-sotsialnoy-istorii

48. Женская повседневность в контексте истории повседневности: гендерная чувствительность новой социальной истории // Гендерные практики: описание, рефлексия, интерпретация: Материалы V Международной межвузовской конференции молодых исследователей «Гендерные практики: традиции и инновации» (Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2005 г.) / Отв. ред. Т.А. Мелешко, И.И. Юкина. СПб.: «Алина», 2007. 161 с. С. 145–153. (0,8 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29888222>
49. Концептуализация женской повседневности и гендерная чувствительность новой социальной истории // Границы в пространстве прошлого: социальные, культурные, идейные аспекты: Сборник статей участников Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых исследователей, посвященной 35-летию Тверского государственного университета. Тверь, 23–26 апреля 2006 г.: В 3 т. / Отв. ред. А.В. Винник, Т.И. Любина. Тверь: ТвГУ, 2007. Т. 1. 296 с., илл. С. 7–18. (0,9 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=27226262>
50. Понятие «повседневность»: историческое содержание и культурные смыслы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2007. № 25 (53). Вып. 3. С. 95–108. (1,3 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=17265108>
- Также: http://history.tversu.ru/images/stories/Vestnik/2007_3_1.pdf
51. Русская девушка-дворянка: сексуальность и гендерная идентичность (XVIII – первая половина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 3–18. (1 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=12903887> Также: http://www.nivestnik.ru/2007_2/9.shtml#_edn46
<https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-devushka-dvoryanka-seksualnost-i-gendernaya-identichnost-xviii-pervaya-polovina-xix-vv>
52. Этнология российской дворянской семьи XVIII – середины XIX в.: легитимация власти и гендера // VII Конгресс этнографов и

антропологов России: Доклады и выступления (Саранск, 9–14 июля 2007 г.). Саранск, 2007. 512 с. С. 201. (0,1 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=29725347>

2008

53. Антропология женской дворянской повседневности в России XVIII – середины XIX в. в контексте женской истории // Гендерное равноправие в России: сборник трудов конференции «Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра» (Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Первого Всероссийского женского съезда 1908 года). Санкт-Петербург, 21–23 марта 2008 года / Редакционная коллегия: Н.Л.Пушкарева (ответственный редактор), М.Г.Муравьева, Н.В.Новикова. Сер. «Гендерные исследования» Российский государственный педагогический университет. СПб.: «Алетейя», 2008. С. 232–237.
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46689013>
54. «Займусь опять... моим счастливым детством...»: Детство дворянских девочек XVIII – середины XIX века // Родина. 2008. № 4. С. 110–113. (0,5 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=10022114> Также: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=2578&n=126
55. Репрезентация мира детства в женской дворянской поэзии и детские писательницы первой половины XIX века // Мир детства и литература: Сборник статей и материалов / Ред. О.С. Карандашова, М.В. Строганов. Тверь: Марина, 2008. 180 с.; илл. С. 57–65. (0,5 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=29873513>

2009

56. «В куклы я никогда не играла...»: Детские игрушки в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX в. // Родина. 2009. № 11. С. 92–94. (1,1 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=17924864> Также: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=3255&n=149
57. «Женское детство» в дворянской культуре XVIII – середины XIX века // Социальная история. Ежегодник. 2008 / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2009. 349 с. С. 23–46. (1,5 п.л.) См.: <http://icshe.ru/sh/toc2008ru.php> <https://elibrary.ru/item.asp?id=29854227>
58. Мать и дочь в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX в.: конфликт идентичностей // Женская и гендерная история Отечества: новые проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции. 19–21 июня 2009 г., г. Петрозаводск, Республика Карелия / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Российская ассоциация исследователей женской истории; Отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: ИЭА РАН, 2009. 117 с. С. 10–11. (0,1 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=21839985>
59. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середины XIX в.): Автореф. дисс... д-ра ист. наук. Специальность: 07.00.07 – этнография, этнология и антропология. М.: ИЭА РАН, 2009. 66 с. <https://elibrary.ru/item.asp?id=30341774>
60. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середины XIX в.): Дисс... д-ра ист. наук. Специальность: 07.00.07 – этнография, этнология и антропология. М.: ИЭА РАН, 2009. 616 с. <https://elibrary.ru/item.asp?id=19232209>
61. «Снова принимаешь вид старухи»: Восприятие старости русскими дворянками (XVIII – середина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2009. № 3 (21). С. 9–20. (0,8 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=13090692>
См.: http://www.nivestnik.ru/2009_3/index.shtml
<https://cyberleninka.ru/article/n/snova-prinimaesh-vid-staruhi-vozpriyatie->

62. «...снова принимаешь вид старухи...» (Восприятие старости российскими дворянками XVIII – середины XIX века) // Род и семья в контексте тверской истории: Дворянские роды Тверской губернии: Сборник научных статей / Отв. ред. Т.И. Любина, В.В. Чижова. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2009. Вып. 3. 332 с., 8 с. цв. ил. С. 11–25. (1 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=29873512>

2010

63. Брак и любовь российских дворянок XVIII – середины XIX в.: между социальным принуждением, свободой воли и Божьим промыслом // Тверские святые и святыни: Материалы научных конференций. Тверь: СФК-офис, 2010. 270 с. С. 173–196. (1,8 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=26775386>
64. Браки российских дворянок XVIII – середины XIX в.: между социальным принуждением и любовью // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: Материалы Третьей международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 1–3 ноября 2010 года, Череповец. – М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 1. – 464 с. – С. 106–112. (0,5 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=21839976>
65. «Женская повседневность» и традиции дворянской культуры в России XVIII – середины XIX в. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2010. № 24. Вып. 3. С. 47–64. (1,5 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=17329766>
66. Концепт «женская повседневность» в перспективе гендерно чувствительной социальной истории // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна: Материалы

Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. С.Л. Дударев, Н.Л. Пушкарева / Сост. А.А. Цыбулькинова. Армавир: РИЦ АГПУ, 2010. 304 с. С. 11–21. (0,5 п.л.)

<https://elibrary.ru/item.asp?id=29873252>

http://window.edu.ru/resource/497/77497/files/genchini_v_istorii-2010.pdf

67. «...Получила во всех страданиях моих совершенное облегчение в Андреяполе...»: Свидетельства тверских дворянок о посещении Андреапольских минеральных вод // Курорт в русской культуре. К 200-летию Андреапольских минеральных вод: Статьи и материалы / Сост. М.В. Строганов, В.В. Цыков; Ред. М.В. Строганов. Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей; Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2010. 360 с., ил. С. 249–252. (0,3 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=29854507>

68. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 480 с. (Серия «Гендерные исследования»). (33,125 п.л.)
Рекомендована к публикации НИСО ИЭА РАН. Издана под грифом ИЭА РАН. <https://elibrary.ru/item.asp?id=21201392>

2011

69. Конкуренция матери и старшей дочери в российской дворянской культуре XIX века: конфликт идентичностей // Конструкты национальной идентичности в русской культуре: вторая половина XIX столетия – Серебряный век. Материалы конференции, июнь 2009 г. Тюмень/Тобольск / Под ред. Р. Нохейль, Ф. Карл, Э. Шоре. М.: РГГУ, 2011. 432 с. С. 97–117. (0,9 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29881354>

70. Пространство «женского детства» в российском дворянском доме конца XVIII – середины XIX в. // Частное и общественное: гендерный аспект:

Материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20–22 октября 2011 года, Ярославль. – М.: ИЭА РАН, 2011. Т. 2. – 552 с. – С. 222–225. (0,5 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=26315431>

2012

71. Беременность как антропологический «контекст» женской дворянской повседневности // «Сохрани мне жизнь». (Ценность жизни в контексте гуманитарного и утилитарного подходов). 2-ая междисциплинарная научно-практическая конференция с международным участием (г. Смоленск, 18 мая 2012 г.). – Смоленск: Смоленская государственная медицинская академия, 2012. – 236 с. С. 21–24. (0,2 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29960279>
72. Гендерный анализ детства в пространстве дворянского дома и дихотомия частного и общественного в России XVIII – середины XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. № 14. Вып. 2 / Ответств. за выпуск д.и.н. А.В. Белова. С. 20–35. (1,5 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=17913694>
73. Дискурсы о национальной, локальной и гендерной идентичности российских дворянок и Отечественная война 1812 г. // Россия в зеркале военной истории (к 200-летию Отечественной войны 1812 года): материалы Международной научно-практической конференции (Кострома, 22–23 марта 2012 г.): в 2-х т. Т. 1. Секции 1–2 / отв. ред. Е.Ю. Волкова. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2012. – 226 с. С. 38–42. (0,3 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29873268>
74. Женщины и мужчины в контексте исторических перемен // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. № 27. Вып. 4. С. 147–151. (0,4 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=18261444>

75. История повседневности и женский социально-исторический опыт // Личное есть историческое: сборник, посвященный юбилею профессора Т.Г. Леонтьевой / сост. А.В. Белова; под ред. А.В. Беловой. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. – 180 с., ил. С. 99–108. (0,6 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=22816924>
76. Источники по изучению женской и мужской повседневности: содержательные и дискурсивные отличия // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2012 г., Тверь: в 2 т. / отв. ред. А.В. Белова, Н.Л. Пушкарева. – М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 1. – 527 с. – С. 45–48. (0,25 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29873358>
77. Круг обсуждаемых проблем и задачи РАИЖИ (Вместо предисловия) // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2012 г., Тверь: в 2 т. / отв. ред. А.В. Белова, Н.Л. Пушкарева. – М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 1. – 527 с. – С. 20–23. (0,3 п.л.) [в соавт. с Н.Л. Пушкаревой] <https://elibrary.ru/item.asp?id=20859682>
78. [Науч. ред.:] Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. № 14. Вып. 2 / Ответств. за выпуск д.и.н. А.В. Белова. (15,75 п.л.) Тираж 500 экз.
79. [Науч. ред.:] Личное есть историческое: сборник, посвященный юбилею профессора Т.Г. Леонтьевой / сост. А.В. Белова; под ред. А.В. Беловой. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. – 180 с., ил. (11,25 п.л.) Тираж 200 экз. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22516945>
80. [Отв. ред.:] Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2012 г., Тверь: в 2 т. / отв. ред. А.В. Белова, Н.Л. Пушкарева. – М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 1. – 527 с. (33 п.л.); Т. 2. – 514 с. (32 п.л.) [совместно с Н.Л. Пушкаревой (отв. ред.)] Тираж 200 экз. Т. 1.

– <https://elibrary.ru/item.asp?id=18966717> Т. 2. –
<https://elibrary.ru/item.asp?id=23682330>

81. Повседневность как аспект историко-культурного наследия // Современные тенденции развития мировой, национальной и региональной индустрии гостеприимства: сб. ст. участников научно-практ. конф. Тверь, 4 декабря 2012 г. / отв. ред. А.В. Винник, О.К. Ермишкина. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. 260 с. С. 10–18. (0,5 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=23072432>
82. Предисловие // Личное есть историческое: сборник, посвященный юбилею профессора Т.Г. Леонтьевой / сост. А.В. Белова; под ред. А.В. Беловой. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. – 180 с., ил. С. 5. (0,1 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=25529797>
83. Религиозные традиции в светском воспитании и образовании российских дворянок конца XVIII – середины XIX века // Взаимодействие светской и духовной культуры: материалы междунар. науч.-практ. конф. (11–12 дек. 2012 г. Пюхтицкий Успенский ставропигиальный женский монастырь, Эстония). – Куремеяэ, Эстония, 2012. – 132 с. С. 40–45. (0,5 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29714059>
URL: http://www.puhtitsa.ee/docs/puhtitsa_reading-I.pdf

2013

84. А.В. Белова. Гендерный анализ детства в пространстве дворянского дома и дихотомия частного и общественного в России XVIII – середины XIX века // Культурология. 2013. № 4 (67). С. 190–192. [рец. Т.А. Фетисовой] <https://elibrary.ru/item.asp?id=20724590>
https://elibrary.ru/download/elibrary_20724590_85566384.pdf
85. Гендерная идентичность благородных горожанок XVIII – середины XIX в. // Современный город и социально-культурная модернизация России:

материалы X Конгресса этнографов и антропологов России (г. Москва, 2 – 6 июля 2013 г.). М.: ИЭА РАН, 2013. С. 174. (0,1 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=29713454>

86. Города как пространство повседневной жизни российских дворянок // Гендерна політика міст: історія і сучасність. Вип. 4: Матеріали III міжнародної науково-практичної конференції (Харківський національний університет міського господарства імені О. М. Бекетова, Харків, 23–25 жовтня 2013 року): наук.зб. – Х.: ХНУМГ ім. О. М. Бекетова, 2013. – 257 с. С. 17–19. (0,3 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=29999833>
http://gc.kname.edu.ua/images/docs/gend_politika_istoria_i_suchasnist.pdf
87. Дискурсы «женского письма» в русской дворянской повседневности конца XVIII – первой половины XIX вв. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. 300 с. С. 64–69. (0,6 п.л.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=21444856>
88. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей / Ответ. ред. и сост. Н.Л. Пушкарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 864 с. (Серия Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»). С. 25–67. (1,3 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29663430>
89. История повседневности как подход к изучению истории женской личности // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории: материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 16–17 мая 2013 г. / Ответ. ред. В.М. Козьменко и В.В. Керов. М.: Экон-информ, 2013. 756 с. С. 74–

80. (0,5 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29873429>
90. [Отв. ред.:] Светское образование и духовная миссия: исторический опыт в условиях современности: материалы Второй межрегиональной научно-теоретической конференции, 23 мая 2013 г., Тверь / отв. ред. А.В. Белова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. – 136 с. (8,5 п.л.) Тираж 100 экз. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22726492>
91. Повседневность российских дворянок: светская жизнь и религиозные ценности // Романовские чтения. 400 лет окончания Смуты и воцарения династии Романовых: материалы всерос. конф., Кострома, 2–3 марта 2013 года / сост. и науч. ред. А.Д. Шипилов. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. – 303 с. С. 125–129. (0,25 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29873488>
92. Предисловие // Светское образование и духовная миссия: исторический опыт в условиях современности: материалы Второй межрегиональной научно-теоретической конференции, 23 мая 2013 г., Тверь / отв. ред. А.В. Белова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. – 136 с. С. 5. (0,1 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=25529788>
93. «Светское» и «религиозное» в институтском образовании российских дворянок конца XVIII – середины XIX века // Светское образование и духовная миссия: исторический опыт в условиях современности: материалы Второй межрегиональной научно-теоретической конференции, 23 мая 2013 г., Тверь / отв. ред. А.В. Белова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. – 136 с. С. 6–19. (0,8 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=22726569>

2014

94. Взаимовлияние истории женщин и истории повседневности в концепции представительницы английской историографии Анны Дэвин

- // Великобритания: проблемы становления и модернизация политических, экономических и культурных форм развития: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 14 октября 2014 г. / отв. ред. И.И. Явнова. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2014. – 200 с. С. 96–98. (0,3 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29873471&>
95. Военная повседневность 1812 г. и дискурсы о национальной, локальной и гендерной идентичности российских дворянок // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. 560 с. С. 447–452. (0,6 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=23509433>
96. Гендерная антропология: предмет и перспективы исследования (на примере анализа повседневности российских дворянок) // Доклад А.В. Беловой на заседании Ученого совета ИЭА РАН 30 сентября 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://iea-ras.ru/index.php?go=News&in=view&id=412> (дата обращения: 27.08.2015). (0,5 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=45686639>
97. Женская дворянская повседневность и социальная реализация // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: материалы Седьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань: в 2 т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, О.Д. Попова. М.: ИЭА РАН, 2014. Т. 1. 560 с. С. 141–144. (0,3 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29873478>
98. Женский автодокументальный дискурс в источниках личного происхождения XVIII – середины XIX в. // Документы личного происхождения в теории и практике научных исследований: Материалы

- Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения медиевистов А.Я. Гуревича и М.М. Фрейденберга (г. Тверь, 30–31 мая 2014 г.) / отв. редактор Н.В. Серeda. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. – 240 с. С. 42–50. (0,5 п.л.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=26439968>
99. Организация родов и родовспоможения в дворянской среде России XVIII – середины XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 2. Вып. 14. С. 29–48. (1,4 п.л.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=21989669>
100. Повседневная жизнь провинциальной дворянки центральной России (XVIII – середина XIX в.) // WOMENATION.ORG информационный портал женского освободительного движения. [Электронный ресурс]. URL: <http://womensation.org/provincial-aristocracy-everyday-life/> (дата обращения: 27.08.2015). (1,25 п.л.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=45700204>
101. Послеродовой период как элемент родильного обряда в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX в. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 3. Вып. 24. С. 69–88. (1,7 п.л.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=22954339>
102. Роль личности в создании направления «женской истории» в отечественной историографии (к юбилею доктора исторических наук, профессора Натальи Львовны Пушкарёвой) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2014. Вып. 10 (138) С. 171–176. (0,75 п.л.) [в соавт. с И.В. Грошевым, П.П. Щербининым]. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22500617>
103. Роль няни в православном воспитании дворянских девочек в России XVIII – середины XIX в. // Культурно-исторические традиции православия: материалы междунар. науч.-практ. конф. (11–12 дек. 2014 г. Пюхтицкий Успенский монастырь). – Куремяэ, Эстония, 2014. 324 с. С. 140–147. (0,6 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29662675> URL:

https://www.herzen.spb.ru/uploads/k060484/files/III_puhtitsa_reading%281%29.pdf (дата обращения: 08.05.2017).

104. Русская девушка-дворянка: сексуальность и гендерная идентичность // WOMENATION.ORG информационный портал женского освободительного движения. [Электронный ресурс]. URL: <http://womenation.org/russkaja-devushka-dvorianka-seksualnost-gender/> (дата обращения: 27.08.2015). (1 п.л.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=45700205>
105. Четыре возраста женщины. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2014. 480 с. (33,125 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=30272153>

2015

106. Антропология женской дворянской повседневности как предметная область историко-этнологических исследований // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / Отв. ред.: В.А. Тишков, А.В. Головнёв. – Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. – 504 с. С. 449. (0,1 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29027195>
107. Дараган Анна Михайловна [Электронный ресурс] / А.В. Белова // Культура и текст: сетевой научный журнал. – Барнаул: АлтГПА, 2015. – № 4 (22). – (Щедринский сборник. Вып. 4: Статьи. Публикации. Материалы энциклопедии / Ред.-сост. Е.Н. Строганова). – С. 221–223. (1 п.л.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=24926148> <http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2015/11/Дараган42015.pdf>
108. Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. № 4 (31). С. 234–236. (0,3 п.л.). [в соавт. с Н.Л. Пушкаревой]

<https://elibrary.ru/item.asp?id=25029043>

109. Интернациональная дружба по переписке как феномен повседневности школьниц в социалистических обществах 1980-х годов (на примере ГДР и СССР) // Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы / под ред. Я. К. Берендса, В. Дубиной, А. Сорокина, с участием Е. Акопян. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 226–246. (1,2 п.л.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=29873511>
110. Образ «русской женщины» в письмах солдат вермахта // Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне): [Текст]: материалы Восьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 8 – 11 октября 2015 года, г. Старый Оскол. – М. – Старый Оскол: ИЭА РАН, СТИ НИТУ «МИСиС», 2015. Т. 1. – 222 с. С. 29–33. (0,3 п.л.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=24087688>
111. Образы «русской женщины» в военной повседневности «своих» и «чужих» // Военная история России: люди и события (к 70-летию Великой Победы): материалы междунар. науч. конф., 12–14 марта 2015 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – 456 с. С. 179–182. (0,4 п.л.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=29873522>
112. Российские дворянки XVIII – середины XIX в. как хранительницы историко-культурного наследия Православия // Историко-культурное и духовное наследие: традиции и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. (11–13 дек. 2015 г. Пюхтицкий Успенский монастырь). – Куремяэ, Эстония, 2015. 400 с. С. 148–156. (0,6 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=25451706>
http://rotulus.vhosting.ee/docs_pm/IV_puhtitsa_reading.pdf

113. Сексуальное просвещение русской дворянки в семье, учебном заведении и обществе (от «великих реформ» до «великих потрясений») // Новый исторический вестник. 2016. № 1 (47). С. 20–35. (1,1 п.л.). [в соавт. с Н.А. Мицюк]. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26206526>
<https://cyberleninka.ru/article/n/seksualnoe-prosvveschenie-russkoj-dvoryanki-v-semie-uchebnom-zavedenii-i-obschestve-ot-velikih-reform-do-velikih-potryaseniy>
114. Экономическая активность провинциальной дворянки П.И. Манзей // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – 424 с. С. 295–300. (0,6 п.л.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26059204>
115. Женская эпистолярная культура в России на рубеже XVIII–XIX и XX–XXI веков [Электронный ресурс] / А.В. Белова // Культура и текст: сетевой научный журнал. – Барнаул: АлтГПУ, 2016. – № 2 (25). – С. 167–185. (1 п.л.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26623496>
<https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-epistolyarnaya-kultura-v-rossii-na-rubezhe-xviii-xix-i-xx-xxi-vekov>
116. Императрица Александра Федоровна в контексте семейной жизни: супруга и мать // История повседневности. 2016. № 1. С. 7–31. (2,1 п.л.). [в соавт. с П.В. Волошун]. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29809692>
<https://cyberleninka.ru/article/n/imperatritsa-aleksandra-fedorovna-v-kontekste-semeynoy-zhizni-supruga-i-mat>
117. Материнство в послебрачный период: репродуктивное поведение российских дворянок // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2016. № 2. С. 4–23. (1,4 п.л.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27310760>

118. Материнская роль императрицы Александры Фёдоровны в семье и обществе // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Смоленск – М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. Т. 2. 444 с. С. 116–119. (0,3 п.л.). [в соавт. с П.В. Волошун]. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29854132>
119. Роды у российских дворянок в XVIII – середине XIX в. // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Смоленск – М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. Т. 1. 444 с. С. 201–205. (0,3 п.л.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27256775>
120. М. Е. Салтыков-Щедрин и «женский вопрос» в России XIX века // Щедринский сборник. Выпуск 5: М. Е. Салтыков-Щедрин в контексте времени / редактор-составитель Е. Н. Строганова. – М.: РИО МГУДТ, 2016. – 352 с. С. 211–220. (0,7 п.л.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28333609>
121. Период грудного вскармливания как элемент дворянского родильного обряда в XVIII – середине XIX в. // Смоленский медицинский альманах. Смоленск: Смоленский государственный медицинский университет, 2016. № 4. С. 129–137. (0,5 п.л.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29423668>
<https://cyberleninka.ru/article/n/period-grudnogo-vskarmlivaniya-kak-element-dvoryanskogo-rodilnogo-obryada-v-xviii-seredine-xix-v>

2017

122. Обычай послеродового проведывания в репродуктивной культуре

- российского дворянства в XVIII – середине XIX века // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем. Материалы Десятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 7–10 сентября 2017 г., Архангельск: В 3-х томах / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Т.И. Трошина. М.: ИЭА РАН, 2017. Т. 2. 296 с. С. 245–248. (0,3 п.л.). ISBN 978-5-8396-0523-9 (Том 2) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29986015>
123. Репродуктивная культура дворянской семьи как предмет изучения гендерной антропологии // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / Отв. ред.: А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. – Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. – 512 с. С. 266. (0,1 п.л.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29840560>
124. Экстремальные роды в повседневной жизни российских дворянок XVIII – середины XIX века // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф., 16–18 марта 2017 г. / отв. ред. В.А. Верemenко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – 412 с. С. 324–329. (0,6 п.л.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28803529>
125. Беременность в структуре российской репродуктивной культуры дворянства в XVIII – середине XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2017. № 2. С. 4–23. (1 п.л.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30070049>
126. «Сила слабых»: мощь объединённости и взаимоподдержки мужчин и женщин в культурах мира // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2017. № 3. С. 168–169. (0,1 п.л.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30648268>

127. Концепт «интернациональная дружба» в идеологии и повседневности позднесоциалистических обществ ГДР и СССР // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2018. № 1. С. 4–19. (1 п.л.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35560105>
128. Мастера российской историографии: Татьяна Геннадьевна Леонтьева // Исторический архив. 2018. № 6. С. 30–45. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36498500>
129. Материнская идентичность, семейная и коллективная память о «женском предназначении» в России: историографические наблюдения // Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с. С. 289–311. [в соавт. с Н.Л. Пушкаревой, Н.А. Мицюк, А.И. Громовой]. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37174984>
<http://iea-ras.ru/index.php?go=Files&in=view&id=391>
<http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document2625.pdf>
130. Невынашивание беременности у дворянок // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. – Т. 2. – 412 с. С. 26–30. (0,4 п.л.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32798623>
131. Проведение беременности дворянками в XVIII – середине XIX в. как аспект репродуктивного поведения в городах Российской империи // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2-х томах/Отв. редакторы: Н. Л. Пушкарева, Н. А. Гронская, Н. К. Радина. — М.: ИЭА

РАН, 2018. Т. 1. — 366 с. С. 173–176.
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35648659>

132. Родовой выкуп дворянских вотчин как стратегия социальной идентификации в России XVIII – первой половины XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2018. № 2. С. 80–89. (1 п.л.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35645975>
133. «Сила слабых»: мощь объединенности и взаимоподдержки мужчин и женщин в культурах мира // Женщина в российском обществе. 2018. № 1 (86). С. 115–119. (0,3 п.л.). [в соавт. с Н.Л. Пушкаревой, Т.И. Трошиной, Н.А. Мицюк]. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32651174>
134. «Я страшно зла на мою мать»: Репродуктивное соперничество в семьях российских дворян XVIII – XIX веков // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 85–104. (1,3 п.л.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35176522>
<https://cyberleninka.ru/article/n/ya-strashno-zla-na-moyu-mat-reproduktivnoe-sopernichestvo-v-semyah-rossiyskih-dvoryan-xviii-xix-vekov>

2019

135. [Отв. ред.:] Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности / отв. редакторы: З.З. Мухина, А.В. Белова, Н.А. Белова, С.В. Канныкин. – М.: ИЭА РАН, 2019. – 332 с. (41,5 п.л.) Тираж 300 экз. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41026129>
136. Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47). С. 39–51. (1 п.л.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41182003> DOI: 10.33876/2311-0546/2019-47-3/39-51 ВАК, РИНЦ
137. Женская социальная память как предмет изучения гендерной

антропологии // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / Отв. ред.: М.Ю. Мартынова. – Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 516 + LV с. С. 268–269. (0,1 п.л.)
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39109654>

138. Женские автодокументы как источники по истории женской провинциальной повседневности и социальной памяти // Российская провинция сквозь призму сословно-правовых, этноконфессиональных, социокультурных, медико-социальных и демографических коллизий в XVIII–XXI вв.: Сборник статей участников Международной научной конференции (Тамбов, 30 августа 2019 года) / под ред. П.П. Щербинина; М-во науки и высш. обр. РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина», Тамб. центр гендерных исслед. Тамбов: Принт-Сервис, 2019. 117 с. С. 44–49. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41372661>
139. Историография истории повседневности: социально-исторический контекст возникновения // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. – Т. 1. – 320 с. С. 35–40. (0,5 п.л.)
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37371378>
140. История деторождения как предмет социально-гуманитарных исследований в России // История медицины («History of Medicine»). 2019. Т. 6. № 3. С. 206–212. [в соавт. с Н.А. Мицюк, Н.Л. Пушкаревой]. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42452028> Mitsyuk N.A., Pushkareva N.L., Belova A.V. The history of childbirth as the subject of social and humanitarian studies in Russia // History of Medicine, 2019, 6(3): 206–212. DOI: 10.17720/2409-5583.t6.3.2019.04d ВАК
141. Mitsyuk NA, Pushkareva NL, Belova AV (2019) The history of childbirth as the subject of social and humanitarian studies in Russia. History of

Medicine 6(3): 153–157. https://doi.org/10.17720/_____ SCOPUS

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43257519>

142. Концепт «женская повседневность» в контексте истории повседневности: гендерная чувствительность новой социальной истории // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности / отв. редакторы: З.З. Мухина, А.В. Белова, Н.А. Белова, С.В. Канныкин. – М.: ИЭА РАН, 2019. – 332 с. С. 39–48. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41517880>
143. К 20-летию общения и дружбы с Н.Л. Пушкарёвой // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности / отв. редакторы: З.З. Мухина, А.В. Белова, Н.А. Белова, С.В. Канныкин. – М.: ИЭА РАН, 2019. – 332 с. С. 17–19. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41517879>
144. Наталья Львовна Пушкарёва – основоположница изучения женской и гендерной истории в отечественной историографии // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности / отв. редакторы: З.З. Мухина, А.В. Белова, Н.А. Белова, С.В. Канныкин. – М.: ИЭА РАН, 2019. – 332 с. С. 7–17. (п.л.). [в соавт. с З.З. Мухиной] <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41517878>
145. Подкидывание младенцев в российской провинции в XVIII–XIX веках // Медико-социальные, этноконфессиональные и демографические проблемы регионального развития в российском государстве в XVIII–XXI вв.: сборник материалов межрегион. науч.-практ. конф. 29 авг. 2019 г., г. Тамбов / отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов: М-во науки и высшего обр. РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина»; Тамбовский центр гендерных исследований. Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А.В., 2019. 131 с. С. 5–12. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45782866>
146. «Стать кем-то другим – самой собой»: гендерные особенности

исторической памяти об эмиграции и социокультурной адаптации в женских мемуарах российского зарубежья (на примере воспоминаний Е.А. Якобсон) // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: материалы XII международной научной конференции: в 2 ч. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, И.О. Дементьев, М.Г. Шендерюк. — М.: ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. Ч. 2. 535 с. С. 341–344.
<https://elibrary.ru/item.asp?id=41109418>

147. MEMENTO MULIER: к юбилею создательницы научной школы по гендерной истории и антропологии в России // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2019. № 3 (46). С. 67–75. (1 п.л.). [в соавт. с З.З. Мухиной] <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41238586>
DOI: 10.17072/2219-3111-2019-3-67-75

2020

148. А. Я. Закс в автобиографической памяти Александры Михайловны Никольской: к истории Тверской женской учительской школы имени П.П. Максимовича // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2020. № 3. С. 4–18. (1 п.л.).
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44406344>
<http://vestnik.tversu.ru/history/issues/75>
eLIBRARY ID: 44406344
DOI: 10.26456/vthistory/2020.3.004
https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44406344_87624947.pdf
149. Женская автобиографическая память как социальный нарратив // Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание. Материалы XIII международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. В 2-х частях / Отв. ред.

- Н.Л. Пушкарева, сост. А.И. Громова. – М.: ИЭА РАН, 2020. Ч. 1. – 439 с. С. 21–25. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44030743> ISBN 978-5-4211-0251-9 eLIBRARY ID: 44030743
150. Женский опыт в контексте проблемы освобождения союзниками нацистских концлагерей: гендерные аспекты насилия // Освобождение союзниками нацистских концлагерей (1944–1945): Материалы 10-й Международной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия» / Сост. И. А. Альтман, М. В. Гилева, С. А. Тиханкина / Под ред. И. А. Альтмана. – М.: МИК, 2020. – 208 с. С. 38–49. eLIBRARY ID: 44757262 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44757262>
151. Рец. на: *Starks T. Smoking Under the Tsars: A History of Tobacco in Imperial Russia*. Ithaca: Cornell University Press, 2018. 331 p. // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 201–205. [в соавт. с Н.Л. Пушкаревой, Л.С. Быша].
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42609551>
https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42609551_62350900.pdf
DOI: 10.31857/S086954150008771-8
eLIBRARY ID: 42609551
152. Памятник на Розенштрассе в Берлине: символическая память о протесте женщин нацизму // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) [Электронный ресурс]: В 2 ч. Ч. 1: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 года / Под ред. Н. С. Нижник; сост. Н. С. Нижник, С. А. Никифорова. – Электрон. дан. (23,3 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 1827–1832. eLIBRARY ID: 44842819 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44842819>
153. Культурное наследие как ресурс ревитализации городской среды // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история,

практики) : материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) [Электронное издание] / под ред. Д. А. Алисова, О. В. Петренко. — Москва, Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2020. — 444 с. — DOI 10.34685/НИ.2020.32.21.014. С. 407–419. eLIBRARY ID: 44769050 DOI: 10.34685/НИ.2020.32.21.014 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44769050> Ссылка: http://heritage-institute.ru/?tribe_events=v-svet-vyshel-sbornik-materialov-h-vserossijskogo-nauchnogo-simpoziuma-problemy-kultury-gorodov-rossii (<http://heritage-institute.ru/?download=1&kccpid=40186&kcccount=http://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2020/12/kulturnye-landshafty-gorodov-sibiri.pdf>)

154. Эмигрантский Харбин в автобиографической памяти Елены Якобсон: этнокультурная идентичность в условиях инокультурного окружения // Этнокультурная идентичность: феноменология и вариативность в контекстах истории XIX–XXI веков: Материалы Девятнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб.: Российский этнографический музей, 2020. – 360 с. С. 299–303. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46230130> https://ethnomuseum.ru/files/PDF/19_Etno_chtenia/Section_4/a_v_belova.pdf

2021

155. Акушерский труд как первая официальная профессия женщин в России в XVIII – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 270–285. [в соавт. с Н.А. Мицюк]. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2->

270-285 <https://elibrary.ru/item.asp?id=46168559>

156. [Ред. колл.:] Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Выпуск II / отв. ред. С.А. Орешин, П.А. Серин. М.: ИЭА РАН, 2021. Т. 1. 278 с. <https://elibrary.ru/item.asp?id=48568802>
157. [Ред. колл.:] Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Выпуск II / отв. ред. С.А. Орешин, П.А. Серин. М.: ИЭА РАН, 2021. Т. 2. 296 с. <https://elibrary.ru/item.asp?id=48568803>
158. Дараган Анна Михайловна // М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники: Энциклопедический словарь / сост. и ред. Е. Н. Строганова. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2021. – 516 с., ил. С. 129–130. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46586180>
159. Екатерина Михайловна // М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники: Энциклопедический словарь / сост. и ред. Е. Н. Строганова. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2021. – 516 с., ил. С. 138–139. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46586181>
160. Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2021. № 4. С. 136–139. (п.л.).
eLIBRARY ID: 47720806
DOI: 10.26456/vthistory/2021.4.136-139
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47720806>
161. Женская история Холокоста в трудах Джоан Рингельхайм // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы. Материалы XIV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Кишинев, 30 сент. – 3 окт. 2021 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко. – В 2 ч. – М.: ИЭА РАН, 2021. – Ч. 2. – 268 с. С. 216–222.

<https://elibrary.ru/item.asp?id=46546908>

162. Искусство как источник по истории детской повседневности и материнства // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Веремченко. Т. 1. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021. – 360 с. С. 113–118. (0,5 п.л.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=44911135>
163. Источниковедческий потенциал фондов родильных домов и отделений в дореволюционной России. Вторая половина XVIII – начало XX в. // Вестник архивиста. – 2021 – № 4 – С. 1009–1022. doi 10.28995/2073-0101-2021-4-1009-1022 [в соавт. с Н.А. Мицюк, Н.Л. Пушкаревой]. <https://www.vestarchive.ru/2021-4/4888-istochnikovedcheskii-potencial-fondov-rodilnyh-domov-i-otdelenii-v-dorevolucionnoi-rossii-vtoraia-p.html> <https://www.vestarchive.ru/2021-4.html>
- <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47395507>
164. «Родить успею»: как женщины в XIX веке выбрали образование и карьеру // Forbes Woman. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/416813-rodit-uspeyu-kak-zhenshchiny-v-xix-veke-vybrali-obrazovanie-i-karegu> [в соавт. с Н.А. Мицюк, Н.Л. Пушкаревой]. <https://elibrary.ru/item.asp?id=44524461>
165. Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. Коллективная монография. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 504 с. (Серия «Гендерные исследования»). [в соавт. с Н.А. Мицюк, Н.Л. Пушкаревой]. Утверждена НИСО и Уч. Советом РАН 08.10.2020. Издана под грифом ИЭА РАН. <https://elibrary.ru/item.asp?id=44269645>
166. Функции автобиографической памяти в женском нарративе // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И.В. Нам. – Москва; Томск: Издательство

Томского государственного университета, 2021. – 830 с. С. 754–755. (0,1 п.л.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=46283213>

2022

167. Бытовая неустроенность vs социальный оптимизм научной карьеры в женской автобиографической памяти эпохи хрущевской «оттепели» // Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности. Материалы XV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Пенза, 29 сент. – 2 окт. 2022 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко: в 2 ч. М.: ИЭА РАН, 2022. Ч. 1. 426 с. С. 275–280. <https://elibrary.ru/item.asp?id=49422853>
168. «Женщины транслируют то, что от них ожидают»: что такое гендерная история // Forbes Woman. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/477057-zensiny-transliruut-to-cto-ot-nih-ozidaut-cto-takoe-genderna-istoria>
169. Контроль над женской сексуальностью в период взросления (по материалам российской дворянской культуры XVIII – середины XIX в.) // Воспитание в пространстве семьи и общества (социология, этнология, история): коллективная монография / отв. ред.-сост. М. Г. Котовская, А.М. Коршунов. М.: издательство Ритм, 2022. 150 с. С. 158–174. (1 п.л.). Под грифами ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)» и ФГБУН ИЭА РАН. <https://elibrary.ru/item.asp?id=50046000>
170. К юбилею доктора исторических наук, профессора Зинары Зиевны Мухиной // Штрихи к портрету: к юбилею профессора З.З. Мухиной / Автор сост. Л.Н. Пивоварова. – Москва: ООО «Роса», 2022. – 180 с. С. 113–115. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48975460>
171. [Отв. ред.:] Личное есть историческое 2.0: сборник статей к 65-летию

- профессора Т.Г. Леонтьевой / сост. А.В. Белова, Д.А. Беговатов; отв. ред. А.В. Белова. – Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2022. – 172 с. <https://elibrary.ru/item.asp?id=48674566>
172. Organization of the Space of the First Maternity Clinics in Russia (XVIII – beginning of the XX centuries) // *Bylye Gody*. 2022. 17(2). С. 621–630 [в соавт. с Н.А. Мицюк, Н.Л. Пушкаревой]. DOI: 10.13187/bg.2022.2.621 https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1654241213.pdf Организация пространства первых родильных клиник в России (XIX – начало XX вв.) Natalia A. Mitsyuk, Natalia L. Pushkareva, Anna V. Belova. Organization of the Space of the First Maternity Clinics in Russia (XVIII – beginning of the XX centuries) // *Bylye Gody*. 2022. 17(2). С. 621–630. <https://bg.cherkasgu.press/en/archive.html?number=2022-06-02-16:39:59&journal=71> <https://elibrary.ru/item.asp?id=48654023> DOI: 10.13187/bg.2022.2.621
173. Память и забвение в женском автобиографическом нарративе // *Личное есть историческое 2.0: сборник статей к 65-летию профессора Т.Г. Леонтьевой / сост. А.В. Белова, Д.А. Беговатов; отв. ред. А.В. Белова. – Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2022. – 172 с. С. 62–70. <https://elibrary.ru/item.asp?id=48674592>*
174. Предисловие // *Личное есть историческое 2.0: сборник статей к 65-летию профессора Т.Г. Леонтьевой / сост. А.В. Белова, Д.А. Беговатов; отв. ред. А.В. Белова. – Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2022. – 172 с. С. 6–8. <https://elibrary.ru/item.asp?id=48674635>*
175. Свадебная обрядность у российских дворян в XVIII – середине XIX в.: ритуалы и практики // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 4 (64). С. 93–110. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50059817> DOI*

10.26456/vthistory/2022.4.093–110

176. Участие в международных женских конгрессах конца 1940-х – 1950-х годов в автобиографической памяти академика П. Я. Кочиной // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. Часть 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. — Электронные дан. (16,8 Мб). — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. — 2298 с. С. 2265–2273. <https://elibrary.ru/item.asp?id=49579933>
177. Человек рождающий: История родильной культуры в России Нового времени / Н.А. Мицюк, Н.Л. Пушкарева, А.В. Белова. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 512 с. (Серия «Гендерные исследования»). (34 а.л.) [в соавт. с Н.А. Мицюк, Н.Л. Пушкаревой]. Публикация результатов исследования одобрена Ученым советом Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. https://www.nlobooks.ru/books/gendernye_issledovaniya_1/24882/?sphrase_id=458046 Признано Forbes Woman «Лучший нон-фикшен этого лета». <https://elibrary.ru/item.asp?id=49493730> Награждена грамотой Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН за новые подходы в междисциплинарных научных исследованиях в конкурсе на звание «Лучшее издание ИЭА РАН 2022 года».
178. Штрихи к портрету: к юбилею профессора З.З. Мухиной / колл. моногр. Пушкарева Н.Л., Белова А.В., Годовова Е.В., Любичанковский С.В., Нижник Н.С., Пивоварова Л.Н., Щеглова Т.К. М.: Центральный научно-исследовательский институт управления, экономики и информации Росатома (Москва), 2022. – 180 с. ISBN: 978-5-6047325-7-1 Под грифом СТИ НИТУ «МИСиС».

179. Академическая научная экспедиция в Узбекистан в автобиографической памяти академика П.Я. Кочиной // Этнические меньшинства в истории России: материалы Четвертой Международной научной конференции. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. С. 335–342. <https://elibrary.ru/item.asp?id=54740097>
180. Мифологема «четырёх возрастов жизни» в контексте женской повседневности в этнологии и антропологии // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении. Материалы XVI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Кострома, 5–8 окт. 2023 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева; сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко: в 2 ч. М.: ИЭА РАН, 2023. Ч. 1. 442 с. С. 15–19. <https://elibrary.ru/item.asp?id=54593482>
181. Отношение бабушек и дедушек к внукам в российских дворянских семьях в конце XVIII – первой половине XIX в. // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции, 6–8 апреля 2023 г. / ответственный редактор В.А. Веремченко: в 2 томах. – Т. 2. – Санкт-Петербург: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2023. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст: электронный. – 342 с. С. 181–186. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53804980>
182. Отношение к девочкам в дворянских семьях в XVIII – середине XIX в. // История повседневности. – 2023. – № 1. – С. 54–77. DOI 10.35231/25422375_2023_1_54 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50356818>
183. Социальный оптимизм как интенция в женской автобиографической памяти эпохи хрущевской «оттепели»: практики самоанализа академика

П. Я. Кочиной // Вестник Тверского государственного университета.
Серия: История. 2023. № 2 (66). С. 5–20. DOI
10.26456/vthistory/2023.2.005–020 <https://elibrary.ru/item.asp?id=54637136>

184. Стратегии выживания женщин в условиях Холокоста (на основе писем с оккупированной территории СССР) // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. Гуманитарные науки. – Таганрог, 2023, № 1. – 555 с. С. 19–24. [в соавт. с С.С. Дейнеко]. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54328957>

ГЛОССАРИЙ

Акушерка – первая официальная женская профессия родовспоможения, требующая специального образования и отстаивающая автономию от врачей-акушеров.

Амазонки – женщины-воительницы в древнегреческой мифологии, символизировавшие инверсию половых ролей, культурный фантазм доминирующей женщины; в новое время женщины – участницы революций; женщины-всадницы с определенной посадкой в седле с левой стороны и особая одежда для этого.

Андроцентризм – глубинная культурная традиция, сводящая человеческую субъективность к единой мужской норме, репрезентируемой как универсальная объективность, в то время как иные субъективности (женская, прежде всего) репрезентируются как собственно субъективности, как отклонение от нормы, маргиналия; исключительно мужская точка зрения, игнорирующая позицию и мнение женщин.

Антифеминизм – оппозиция феминистскому движению в конце XIX – начале XX в.

Бегинки – женщины-мирянки в европейских городах в XIII–XV вв., ведущие особый образ общинной религиозной жизни без принесения монашеских обетов, который осуждался обществом и церковью.

Боваризм – иллюзия мышления, происходящая от героини романа Гюстава Флобера «Мадам Бовари» (1857), у которой от чтения книг полностью изменилось представление об истинном и ложном, она стала воспринимать свою жизнь как роман, а себя – героиней.

Вдовы – архетип социально незащищенного существа, при том что в реальности положение, дававшее женщине ощутимые преимущества по сравнению с замужней в плане правоспособности и свободного

распоряжения имуществом и делавшее ее главой семьи, обладавшей большой властью до совершеннолетия сына, а также позволявшее самостоятельно вести коммерческую деятельность.

Ведьмы – «ведавшие судьбу» предсказательницы, целительницы согласно магическому видению мира, демонизированные духовенством в XV в. и подвергшиеся преследованиям в рамках ведовских процессов в XVI–XVII вв.

Гендер – социальная организация отношений между полами; набор социальных ожиданий, связанных с полом; социально-культурный пол; социальная модель женщин и мужчин.

Гендерная асимметрия – непропорциональная представленность социальных и культурных ролей обоих полов (а также представлений о них) в различных сферах жизни.

Гендерная идентичность – переживание собственного соответствия гендерным ролям, т.е. совокупностям общественных норм и стереотипов поведения, характерных для представителей определенного пола; базовая структура социальной идентичности, которая характеризует личность с точки зрения принадлежности к мужской или женской группе, при этом наиболее значимо как сам человек себя категоризирует.

Гендерные роли – набор ожидаемых образцов поведения (норм) для мужчин и женщин; совокупности общественных норм и стереотипов поведения, характерных для представителей определенного пола.

Гендерные стереотипы – сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины.

Гинофобия – фобия, ненависть, страх по отношению к женщинам, испытываемый как индивидуальная психологическая особенность.

Гражданка – участница Французской революции, активистка народных движений, придавая слову политическое измерение вместо первоначального значения всего лишь жены или дочери гражданина.

Депривация – сокращение или лишение возможностей удовлетворять базовые психофизиологические, личностные и социальные потребности.

Дискриминация – ограничение прав и свобод человека и/или различное обращение с людьми или социальными группами на основании какого-либо признака (расовой или национальной принадлежности, по признаку пола, по религиозным и политическим убеждениям и т. д.); неравное отношение к разным людям, которое основано на стереотипных представлениях о различных социальных группах и ограничивает их представителей в правах и свободах, целью чего является уничтожение или умаление признания права людей быть носителями различий.

Женская история – направление в историографии и методология исследования прошлого женщин на основе анализа исторических источников, авторами которых являются женщины, и интерпретации их женщинами-учеными исходя из женского взгляда и измерения бытия с учетом признания приоритета интересов и ценностей женщин.

Женские исследования – (women's studies) междисциплинарный подход к анализу и пониманию положения, а также опыта женщин в патриархальных обществах, как в прошлом, так и в настоящем.

Женский вопрос – комплекс социальных проблем, включающий проблемы положения женщины в обществе и семье, охраны материнства и младенчества, путей освобождения женщины от угнетения; совокупность проблем уравнивания женщин и мужчин в политических, гражданских, экономических, культурных и иных правах.

Женское образование – совокупность понятий и обсуждений, касающихся образования для женщин, доступа женщин в патриархальных обществах к разным уровням и формам образования.

Женское письмо – особая стилевая тенденция и дискурсивная практика выражения женского опыта и выстраивания специфической реальности женского видения себя и мира.

Женственность – характеристики, связанные с женским полом, или характерные формы поведения, ожидаемые от женщины в данном обществе, или же «социально определенное выражение того, что рассматривается как позиции, внутренне присущие женщине».

Женщина – архетипическое представление, некий идеальный тип в литературе и изобразительном искусстве, созданный мужчинами, которого в действительности не существует, поскольку все женщины разные, и понятие стоит употреблять во множественном числе.

История женщин – направление в историографии, посвященное женской тематике, восстановлению памяти о женщинах прошлого; открывшее новые темы и объекты исследования, такие как материнство, телесность, феминизм; поставившее под сомнение разделение истории на достойную изучения публичную сферу и частную сферу как область «малой истории».

Корсет – часть женского гардероба с XVI в., жестко облегающая фигуру от груди до бедер с целью придания ей ожидаемого эстетического облика, что, являясь практикой деформации тела, приводило к причинению вреда жизненно важным процессам и, как следствие, ущерба женскому здоровью.

Культура – специфически человеческий способ жизнедеятельности, заключающийся в реализации таких фундаментальных потребностей, как структурирование и осмысление мира. Это процесс и результат смысло- и целеполагающей деятельности человека.

Культурный релятивизм – утверждение равноправия всех типов культур, отказ от выделенных систем культурных ценностей.

Куртуазная любовь – «утонченная любовь», форма внебрачных отношений между мужчиной и женщиной, предполагающая утонченность и изысканность ухаживания и поведения.

Куртуазность – придворная учтивость, изысканная любезность, система правил поведения при дворе или набор качеств, которыми должен был обладать придворный в средние века и раннее новое время; в средние века – правила поведения по отношению к женщине, выражавшиеся в куртуазной любви, как правило, вассала к жене сеньора.

Материнство – набор социальных ролей, реализуемых женщинами в период беременности, родов, вскармливания, осуществления родительской заботы и ухода, воспитания ребёнка и эмоциональная привязанность как социопсихологическая конструкция.

Матриархат – гипотетический тип общественной организации, который якобы предшествовал патриархату и был основан на матрилинейном родстве и преобладании матери в семье, представляющий фикцию, а не историческую реальность; понятие о котором распространилось после выхода книги И. Бахофена «Материнское право» с подзаголовком «Исследование по гинекократии в древнем мире, сообразно ее религиозной и юридической природе».

Менталитет – (от франц. «мыслительный») привычки сознания и стереотипы поведения, которые самими людьми не осознаются, но лежат в основе их видения мира. Это глубинная и устойчивая структура любой культуры, включающая в себя коллективное сознание и бессознательное.

Мизогиния – ненависть и презрение к женщинам, свойственные культурам обществ с мужским доминированием, женоненавистничество как коллективное явление, институционализированное в культурном плане.

Мужественность – комплекс аттитюдов (поз), характеристик поведения, возможностей и ожиданий, детерминирующих социальную

практику той или иной группы, объединенной по признаку пола; то, что добавлено к анатомии для получения мужской гендерной роли.

Позитивная дискриминация – политика или принцип, означающий предоставление преимуществ при трудоустройстве, продвижении по службе, получении образования, а также при выдвижении в выборные органы власти представителям групп, традиционно дискриминируемым по признаку пола, расы, национальности.

Приданое – имущество, получаемое девушкой от родителей при вступлении в брак, лишаящее ее права на наследство, которым мог распоряжаться муж, будучи лишь его пользователем; выражающее символическую «недостаточность» женщины как «дара», которым две родовые группы скрепляют свою образующуюся социальную связь, требующего имущественного дополнения в виде материальных ценностей.

Равенство полов – принцип равноценности, равноправия, равнозначности, равных возможностей и паритета женщин и мужчин в обществе.

Развод – расторжение брака по взаимному соглашению сторон при равенстве прав женщин и мужчин в этом вопросе.

Регентша – временная правительница, мать или сестра, при малолетнем наследнике трона.

Репудация – расторжение брака по воле и в интересах одной стороны, независимо от интересов и желания другой стороны: как правило, в большинстве культур мужчинам предоставляли это право, отказывая в нем женщинам.

Роды – процесс деторождения, обставленный в традиционных обществах особыми ритуалами, призванными их облегчить, защитить роженицу (которой вменялось терпеть боль, переносить вынужденную изоляцию от общества в послеродовой период), приветствовать появление на свет ребенка.

Сексизм – дискриминация по признаку пола как следствие иерархии, обосновывающей право одного пола (мужского) господствовать над другим (женским).

Совместное обучение – ученический процесс вместе девочек и мальчиков в одном классе без применения специальной педагогики и деления по половому признаку.

Спор о женщинах – интеллектуальные прения, начиная с XIII в., активизировавшиеся в эпоху Ренессанса, защитников и противников женщин, их моральных качеств, доступа к знаниям и пр.

Стереотип – схематизированные модели, программы поведения; упрощенный образ какого-либо явления, фиксирующий лишь некоторые, иногда несущественные черты.

Суфражизм – общественно-политическое движение конца XIX – начала XX в., зародившееся в Великобритании, за предоставление женщинам политических прав, прежде всего избирательного.

Ученые женщины – социальный тип от одноименной комедии Мольера женщин, сочетающих повседневную жизнь с учеными занятиями, представительниц буржуазных и аристократических семей, которым удалось пробиться к знаниям, получив образование и посвятив себя интеллектуальной деятельности.

Феминизм – борьба за равенство полов, права женщин, женскую эмансипацию и новые взаимоотношения между мужчинами и женщинами, отличающаяся в каждый исторический период разнообразием течений, концепций, содержания, форм, целей; прошедшая в своем развитии «четыре волны»; противостоящая мизогинии и сексизму; сохраняющая свое значение до настоящего времени.

Филантропия – вид деятельности по оказанию помощи обездоленным, бедным и больным женщинами из буржуазных семей в XIX в. как способ выйти из замкнутой сферы частной жизни и опыт вхождения

в общественную жизнь, выработки ими в себе организаторских и управленческих качеств за рамками чистой благотворительности.

Этос – правила поведения, принятые внутри обозримого социума, квинтэссенция культуры, система идеалов, иерархия ценностей, доминирующих в каждой конкретной культуре, составляющих ее общую ориентацию и контролирующих поведение ее членов исходя из внутренних механизмов самоорганизации сообщества.

Учебное издание

Белова Анна Валерьевна, доктор исторических наук,
доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

**Социальная антропология
женской повседневности**

Учебник

Подписано в печать 02.12.2023. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 13,25. Тираж 500. Заказ № 240.
Издательство Тверского государственного университета.
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел. (4822) 35-60-63.